

«ДА, МНОГО ВЫ МОЕЙ ДУШИ ЗАНИМАЕТЕ»

ПИСЬМА Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА К А. М. ГАЛЬПЕРСОН*

(Публикация А. П. Дмитриева)

Пожалуй, наиболее ценной частью хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ фонда (№ 71) выдающегося мыслителя-славянофила Никиты Петровича Гилярова-Платонова¹ (1824—1887) является довольно значительный по объему комплект его писем к журналистке, переводчице и театральному критику Анне Михайловне Гальперсон (урожд. Эпштейн; 1856—1902). Этот большой эпистолярный комплекс интересен во многих отношениях.

Во-первых, благодаря отчетливо выраженному исповедальному, глубоко личному характеру большей части этих писем они, как никакие другие документы, раскрывают незаурядную личность Гилярова с неведомой ранее стороны. Ныне полузабытый, казалось бы, деятель русской культуры второй половины XIX в.,² он в 1850—1880-х гг. был тем не менее довольно заметной фигурой. Начав свой путь в литературно-общественной жизни России как один из «младших славянофилов», Гиляров позже снискал себе известность трудами во многих областях гуманитарного знания: в богословии и философии, лингвистике

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 08-04-00106а («Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: подготовка комментированного издания сочинений и писем»).

¹ В дальнейшем фамилию мыслителя указываем усеченно, без второй части, которой он удостоился в Московской духовной академии в 1846 г. как стипендиат митрополита Платона (Лёвшина), — так по традиции его именовали и современники.

² Имя Гилярова стало забываться уже к началу XX в., несмотря на усилия его учеников и друзей, даже таких влиятельных, как обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, издавший с 1899 по 1906 г. на свои личные средства 8 сборников статей и отдельных работ бывшего приятеля. Не случайно выпущенный С. Ф. Шараповым в 1903 г. том критических статей и биографических материалов о Гилярове носил знаковое название «Неопознанный гений». И только в самое последнее время, с конца 1990-х гг., по-настоящему разгорается интерес к этому замечательному русскому писателю и мыслителю: переиздаются его сочинения, устраиваются посвященные ему научные конференции, выходят монографии и сборники статей (наиболее важный: Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: Сб. статей и материалов. Коломна, 2007. 440 с.).

и политэкономии, эстетике и литературной критике. Но больше он был знаменит своей публицистической деятельностью, особенно же в родной Москве — в течение 20 лет он издавал первую ежедневную газету Первопрестольной «Современные известия» (1867—1887), имевшую, между прочим, не меньшую аудиторию и популярность в провинциальной пореформенной России, нежели даже «Московские ведомости».³ Почитавший его Василий Розанов свидетельствовал о необыкновенной авторитетности гиляровского слова: «...в середине 80-х годов скончался Н.П. Гиляров-Платонов, которого справедливо называли москвичи и друзья его — „сам“. „Сам Никита Петрович“ сказал, написал, хочет или не хочет...».⁴

Во-вторых, публикуемые письма возвращают из незаслуженного забвения имя замечательной писательницы, настоящей подвижницы русской журналистики А.М. Гальперсон: ее многочисленные критические и публицистические статьи, а также переводы французской, немецкой и английской художественной прозы публиковались в «Современных известиях», «Радуге», «Русском деле», «Новостях дня», «Семье», «С.-Петербургских ведомостях» и других периодических изданиях исключительно под псевдонимами (ни один из них не вошел в Словарь И. Ф. Масанова), а то и вовсе без подписи. Сохранились такие, например, авторитетные отзывы о ней современников: «Ее статьи о театре меня восхищают. Сколько в них высказано глубоких и тонких мыслей и замечаний, что жаль будет, если они затеряются в листах газеты. Надо бы собрать все статьи и напечатать или издать отдельной книжкой» (С.А. Юрьев);⁵ она «была хорошо подготовлена по философии и богословию и знала политическую историю истекшего XIX века, как редко кто из дипломатов» (С.Ф. Шарапов).⁶ К сожалению, необыкновенная скромность Анны Михайловны — при ее несомненных для всех дарованиях — не позволила ей сохранить для потомков ее собственные письма к Гилярову, но об их содержании, а нередко и о стиле изяществе, психологической экспрессии можно судить по цитации в ответных письмах ее адресата, благодаря которой, к слову сказать, их двусторонний диалог, пусть частично, но восстанавливается.

В-третьих, письма Гилярова к Гальперсон, на наш взгляд, являются уникальным литературным памятником. Они представлены в двух комплектах: первый состоит из двух подборок (пронумерованной и пропущенной Гальперсон и не пронумерованной ею), датируемых главным образом

³ См. подробнее: *Дмитриев А.П.* 1) Н.П. Гиляров-Платонов и его газета // Москва. 2008. № 5. С. 209—215; 2) Н.П. Гиляров-Платонов: «Публицист, если хочет быть достойным своего призвания, обязан светить дорогу обществу...»: (Из истории первой московской ежедневной газеты) / Вступ. статья, публ. и примеч. А. Дмитриева // Коломенский альманах. Коломна, 2009. Вып. 13. С. 353—382.

⁴ *Розанов В.В.* Когда начальство ушло... 1905—1906 гг.; Мимолетное. 1914 год. М., 1997. С. 494 (Собр. соч. <Т. 8>).

⁵ ОР РНБ, ф. 847, № 723, л. 4. Письмо С.А. Юрьева к Гилярову от 3 окт. 1887 г. В тот период Юрьев председательствовал в Обществе русских драматических писателей (с 1886 г.).

⁶ *Шарапов С.* Неопознанный гений: Памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова: Статьи, заметки, письма и выдержки. М., 1903. С. 99.

полугодовым периодом времени: с 20 нояб. 1882 г. по 6 апр. 1883 г. (87 писем и записок),⁷ а второй — из двух подборок за 28 авг. — 3 сент. и 8—13 окт. 1887 г., являющихся в полном смысле слова «эпистолярным дневником» двух предсмертных недельных поездок Гилярова в Петербург в связи с хлопотами по аренде «Московских ведомостей», которые в июле того года лишились своего редактора-издателя М. Н. Каткова (15 писем и телеграмм).⁸ И если письма 1887 г. насыщены общественно-литературными фактами и колоритными бытовыми подробностями, что было предусмотрено обязательством буквально по часам и минутам расписывать все дни поездок и давать скрупулезный отчет обо всех делах, встречах, разговорах, то публикуемый эпистолярный 1882—1883 гг., хотя и содержит отголоски случившегося за день, принципиально малособытийен, поскольку корреспонденты жили в одном городе, в течение дня встречались в одной редакции и большинство из их писем датируется довольно коротким промежутокм времени для столь насыщенной переписки. Уникальность же ее и состоит в практически неведомом образцам эпистолярно-дневникового творчества того периода обнаженно-исповедальном психологическом накале, передающем тончайшие внутренние переживания, зарождение и течение душевных движений. Напрашивающееся сравнение с известным дневником Марии Башкирцевой, писавшимся в то же время, — правда, с установкой на будущую публикацию (увидел свет в Париже в 1887 г.), — как говорится, хромает, так как откровенные письма 58-летнего Гилярова далеки от экзальтированной взволнованности молодой художницы; роднит их, пожалуй, только чувство обреченности, которым они проникнуты: в этом потрепанный жизнью литератор и ученый (Гиляров никогда не был конформистом и не знал особой удачи в коммерческих делах, и потому его издание из-за цензурных кар часто оборачивалось одними убытками) и умирающая от чахотки талантливая девушка оказываются на удивление близки.

Наконец, малоизвестные подробности поденной редакционно-издательской деятельности; восприятие сотрудниками консервативного издания неоднозначных событий внутренней и зарубежной жизни и отражение их на страницах ежедневной газеты; любопытные оценки таких литераторов той эпохи, каковы А. В. Круглов, Д. А. Мансфельд, Г. А. Хрущов-Сокольский, О. А. Шапир и другие, — все это делает гиляровские письма к Гальперсон, несомненно, еще и ценным источником сведений о малоизученной сфере культурной жизни эпохи.

Не менее важно и то, что эти письма исполнены высокого литературного достоинства и являют нам Гилярова — художника живой русской речи, которого — именно в этом особом отношении — не могут отодвинуть в тень даже такие его современники, как Достоевский, Тургенев, Л. Толстой или Лесков. Профессор Б. В. Никольский, автор,

⁷ В их числе 11 недатированных писем и записок, пока лишь условно, хотя и с известной долей уверенности, приобщенных нами к общему корпусу (см. аргументацию в комментариях к публикации отдельных текстов).

⁸ Опубликованы и прокомментированы нами в качестве приложения к переизданию «автобиографических воспоминаний» Гилярова «Из пережитого» в двух томах в серии «Литературные памятники» (СПб.: Наука, 2009. Т. 2. С. 220—227, 497—539).

пожалуй, самых глубоких статей, выяснявших место Гилярова в русской культуре, справедливо писал: «Он всем своим существом участвовал в жизни русского духа, он всем существом своим ощущал, носил в себе и отражал дух нашей жизни. <...> Надо притом заметить, что трудно представить себе более увлекательное чтение. Прелестный язык, прозрачный слог, неотразимо прекрасное сердце автора, которое чувствуется в каждой строке, им написанной, возвышенный и благородный строй его мыслей — все в нем покоряет читателя, все возбуждает мысль, все увлекает сердце. Евангельская чистота ума и безупречная искренность мысли соединяются в нем с совершенно исключительной широтой и беспристрастием воззрений».⁹

Гилярову, как мало еще какому другому писателю 1870—1880-х гг., была свойственна необычайная безыскусность образного и живого слова. В этом он был последовательным учеником С. Т. Аксакова, в котором и ценил — воспеваемым его же словами — «естественность слововыражения».¹⁰ Противопоставляя в рецензии на «Семейную хронику» и «Воспоминания» Аксакова (1856) его прозрачный и ясный стиль «резкой свежести» оригинального гоголевского стиля, Гиляров продолжал проводить аналогичные параллели и дальше. Он писал: «Язык г. Аксакова напоминает нам аккуратную прозу Пушкина и Лермонтова, но отличается, однако ж, от нее опять отсутствием тщательной выделки, которая, как ни искусно скрыта у обоих этих писателей, однако все-таки слышна и представляет, правда мало заметную, какую-то напряженность».¹¹ Как раз особая чувствительность к исконной стихии родного языка, облагороженного пушкинской реформой и усилиями других классических писателей XIX в., но при этом и утратившего нечто глубоко сокрытое в тайниках народной души, несомненно, присутствует в писаниях, и прежде всего в требовавшем предельной откровенности эпистолярной, Гилярова — выходца из потомственной священнической семьи, — вспомним в этой связи, каким событием для русской литературы становились в 1850—1860-х гг. издания произведений инока Парфения (Аггеева) и протопопа Аввакума, восполнявшие как раз эти иссякнувшие было родники русской речи.

О гиляровском адресате, Анне Михайловне Гальперсон, помимо уже сказанного, известно немного. Будучи родом из Херсона, из бедной еврейской семьи,¹² она в 1875 г., по окончании женской гимназии, в возрасте 19 лет приехала из Херсона в Петербург и, по протекции сотрудницы редакции «Современных ведомостей» М. С. Сковронской, вместе с сестрой Юлией была взята в типографию «Современных известий» корректором.¹³

⁹ Никольский Б. Философ духа жизни // Новое время. 1900. 25 июля. № 8767. С. 2.

¹⁰ Гиляров-Платонов Н. П. Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова // Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений: В 2 т. М., 1899. Т. 1. С. 114.

¹¹ Там же. С. 116.

¹² Об этом она упоминает в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 10 марта 1888 г.: «...детство мое и юность протекли в такой нужде, что никаких привычек ни к какому комфорту не могло и создаться» (РО ИРЛИ, ф. 71, № 44 б, <№ 5>, л. 3).

¹³ См. распоряжение Гилярова (январь 1876 г.) управляющему типографией с упоминанием сестер Эпштейн (девичья фамилия Гальперсон): Там же, № 65, <№ 14>, л. 1 об.

Сближение Гилярова с нею произошло уже после ее замужества, в октябре 1882 г. Хотя на первых порах их деловое сотрудничество чуть было не расстроилось. Приведем сохранившееся в бумагах кн. Н. В. Шаховского письмо Гальперсон к Гилярову от 19 октября 1882 г. об условиях ее сотрудничества:

Москва. 19 октября 1882 г.

Многоуважаемый Никита Петрович!

Ввиду того что мы сошлись с Вами во всех условиях и Вы нашли меня подходящей к Вашим требованиям, я могу объяснить себе Ваш последующий отказ только тем, что требование мое о вознаграждении показалось Вам чрезмерно высоким. Между тем мне было бы очень желательно сотрудничать в Вашей уважаемой газете. Поэтому я осмеливаюсь предложить Вам свои услуги для перевода телеграмм Северного и Международного агентств за 35 р. в месяц в полной уверенности, что впоследствии Вы сами оцените мой труд по достоинству.

Что касается чтения английских газет и составления иностранного обозрения, то об этом Вы пожелали говорить со мною отдельно, а так как этот труд мне больше по душе, то я уверена, что мы относительно его сойдемся скорее.

В ожидании скорого и благоприятного ответа остаюсь глубоко уважающая Вас

А. Гальперсон.

Адрес: Малый Харитоньевский пер., д. Розонова. Анне Михайловне Гальперсон.¹⁴

И вскоре Анна Михайловна, блестяще образованная, свободно владевшая пятью европейскими языками, стала совершенно незаменима в редакции: правила поступавшие рукописи, составляла политические обозрения, писала замечательные театральные рецензии,¹⁵ переводила немало беллетристики с французского, немецкого, английского;¹⁶ в отсутствие Гилярова выпускала номера газеты.

То ошеломившее обоих, что случилось с ними против их воли, пожалуй, можно исчерпывающе точно обозначить тютчевской строкой: «Союз души с душой родной». Он, 58-летний респектабельный журналист, отец двух взрослых сыновей (один, Николай, работал у него в редакции газеты, а другой, Алексей, — впоследствии стал довольно известным историком философии, служил в Киевском университете),¹⁷ встретил талантливую 26-летнюю красавицу, увлеченную литературой и пробующую в ней свои силы, которая с первых же дней общения стала по-настоящему родным и близким ему человеком.

Впрочем, их связь окрашивалась безысходным драматизмом — и из-за возрастной разницы в 32 года, и по причине общественного неприятия: и у Гилярова, и у Гальперсон были свои дети и законные супруги, которые, конечно, знали все, но мирились с этой мучительной ситуацией; многие друзья и знакомые осуждали Гилярова.¹⁸

¹⁴ ОР РНБ, ф. 847, № 606, л. 1—1 об.

¹⁵ Нам удалось разыскать в «Современных известиях» 40 ее театральных рецензий, подписанных криптонимом «А. М.», и еще 27 рецензий в других газетах (подписи: «М. А.», «Аг», «А. Г. »).

¹⁶ Среди изблюбленных авторов — Ж. Верн, А. Доде, Л. фон Захер-Мазох, Г. де Мопассан, Э. Саморо.

¹⁷ Со своей женой (с 1849 г.), болезненной и далекой от литературных и издательских интересов мужа Верой Алексеевной (урожд. Богдановой), Гиляров, по настоянию врачей, с 1856 г. не имел супружеских отношений (см.: ОР РНБ, ф. 847, № 49, л. 51 об.), а в начале 1870-х гг. они и вовсе разошлись.

¹⁸ Близкий семье Гилярова (с 1867 г.) фольклорист Е. В. Барсов осенью 1893 г. в беседе с кн. Н. В. Шаховским дал своему другу даже такую беспощадную характеристику:

Вместе с тем содержание публикуемых писем позволяет заключить, что в эти первые полгода сближения Гилярова и Гальперсон их отношения были платоническими. Просто неудержимая сила влекла их друг к другу наперекор всему: они не могли, казалось, дня прожить, не видя друг друга; когда ж такое случалось, туда и обратно летели письма, чаще всего с нарочными, — иногда даже и три за день. Гиляровские письма к Гальперсон можно было бы назвать эпистолярным аналогом «Денисьевского цикла» Тютчева с его признанием: «О как на склоне наших дней / Нежней мы любим и суеверней...». Значительная возрастная разница, поначалу смущавшая Гилярова,¹⁹ постепенно отошла на задний план. И позднее, уже в петербургских письмах 1887 г., его любовные излияния, возникающие подобно музыкальному контрапункту: «Пойди сюда ко мне», «А что ни шаг, то вспоминаю об Ане...», «Я желал бы встретиться с тобою так, чтобы броситься к тебе с простертыми руками, обнять тебя, расцеловать, расцеловать все твое сверху донизу...»²⁰ и т. д. — полны молодого восторга.

С. Ф. Шарапов точно охарактеризовал суть их взаимоотношений: «Эта необычайная и глубоко-бескорыстная преданность и личности, и делу обуславливалась сознанием Анны Михайловны, что перед нею не простой газетный издатель, а великий *неопознанный гений*, совершенно одинокий не только среди толпы, но и в кругу своих близких, своей семьи. Она одна поняла это своим чутким сердцем и ясным умом и решила стать около этого гения и чернорабочим, и другом, и сестрою милосердия. С своей стороны Гиляров сразу и безошибочно оценил в Анне Михайловне не только преданного друга и поклонницу, но именно сестру милосердия своего огромного таланта, неумолимого критика своих недостатков, помощницу в труде тем более требовательную, чем выше ценила она бессмертные труды Никиты Петровича».²¹

Не случайно самые пронзительные из исповедальных писем Гилярова последних лет обращены именно к Гальперсон. Так, 4 апр. 1883 г. он писал ей: «...Вы даже отдаленным образом не можете представить всей бездны душевного и духовного одиночества, в которой я обретаюсь. Мне разделить себя не с кем, не с кем, не с кем. Я, как уже выражался Вам некогда, каторжанин, прикованный к тачке, которую вынужден тащить для кого, для чего? <...> я нравственный урод, сшившийся не по мерке ни времени, ни среде, и в том же смысле лишнее существо. Мое существование есть какое-то недоразумение, и мне жить в обществе, собственно, не подобало бы. Я из него и бегу, как Вы видите, сторонюсь его. Мне следовало бы быть пустынноиком, монахом, беседовать с книгами, с Богом, работать отчасти физически, отчасти духовно.

«Он не имел этической веры, но имел широкое стройное мировоззрение» (Там же, л. 55).

¹⁹ В одном из писем (от 10 янв. 1883 г.) Гиляров писал ей: «Дитя! Я не полагал, что Вы еще до того дитя. Нет, напротив, я именно и полагаю, что Вы дитя, хотя у Вас уже есть дети. А я — дед». И тут же жаловался: «Грустно только, что не обзавелся ни детьми, ни внучатами, ни братьями и сестрами (разумею в духовном, сердечном смысле)» (п. 18).

²⁰ *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. Т. 2. С. 226, 236.

²¹ *Шарапов С.* Неопознанный гений. С. 96—97.

В последнем смысле сделал бы я довольно, и каковы бы ни показались современникам мои труды, я утешен был бы мыслию, что потрудился, что долг свой исполнил» (п. 72).

Во многом благодаря попечениям и советам Анны Михайловны Гиляров, в последние пять лет своей жизни как бы обретший второе дыхание, занялся, помимо текущей газетной работы, созданием мемуаров, а также философско-публицистических и исторических очерков. В письмах к Гальперсон, которые писались не только когда Гиляров оказывался в отъезде, но и в Москве, курсируя с посыльными между их домами, была полностью реализована Гиляровым возможность *исповеди* — и интеллектуальной, мировоззренческой (причем во многих аспектах: богословском, философском, общественно-литературном, политическом), и задушевно-личной, позволившей с высоты прожитых лет по-новому осветить изломы собственной судьбы и наиболее важные моменты пережитого. Тут, на исходе жизни, особенно обострилась и вышла на поверхность подспудная жажда высказать вдруг и с беспощадной откровенностью глубоко потаенное и очень личное. Гиляров воспринимал сближение с этой женщиной как провиденциальное для своей жизни событие: он, одинокий, нравственно истомленный и измученный, встретил родственную душу.

И вместе с тем своеобразно окрашивали их связь отношения *наставника — ученицы*: Гиляров настойчиво борется с проскальзывающими в статьях Гальперсон малорусскими провинциализмами и просторечиями (вроде слова «покуситель»), грамматическими шероховатостями и «дамскими» эпитетами (например, неуместным употреблением слова «ужасно» в значении «очень»); он старается воспитать в начинающей писательнице безупречный критический вкус (см. его нелестные оценки произведений О. А. Шапир и А. В. Круглова). Они, несмотря на довольно частые встречи и в редакции, и наедине, никак не могут наговориться. И не только о серьезном. Поэтому, вернувшись каждый в свою квартиру, вдруг словно бы возвращаются в детство и начинают сочинять друг другу шифрованные цифирные письма-головоломки. Это влияние, это нравственное обаяние Никиты Петровича, которое сполна ощущали на себе такие талантливые, в то время только начинавшие свой путь в литературе, молодые писатели, как В. В. Розанов, И. Ф. Романов-Рцы, С. Ф. Шарапов, кн. Н. В. Шаховской, совершило настоящий переворот в духовной жизни Анны Гальперсон: за три месяца до кончины Гилярова она с мужем и детьми, преодолев все внутренние и внешние препоны, связанные с иудейским воспитанием и корнями и верностью тому и другому, приняла православие (для этого была предпринята поездка в Тверь, к гиляровскому ученику по Московской духовной академии и — впоследствии — хорошему знакомому архиепископу Савве (Тихомирову)).²² Впоследствии, как писал автор некролога Анне Гальперсон, она принимала «живое,

²² См.: «Незадолго до смерти Н<икита> П<етрович> привозил к Савве в Тверь крестить еврейку с мужем» (*Шаховской Н. В.*, кн. Матерьялы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. 1893 год // ОР РНБ, ф. 847, № 49, л. 54 об.).

энергичное и благотворное участие в Сретенском городском попечительстве о бедных»...²³

К слову сказать, самый психологически острый и болезненный эпизод в их зарождающейся любви и был связан с так называемым национальным вопросом, причем в этом, очень личном, его преломлении. Знакомство Гилярова и Гальперсон падает на период резкого обострения ситуации — в 1881—1883 гг. волна жестоких погромов, поднявшись в Варшаве, прокатилась по южным губерниям России. Некоторые издания, например суворинское «Новое время», пытались найти оправдания зверствам толпы. Еврейский вопрос решался на правительственном уровне, с привлечением правоведов, историков, даже литераторов (Лесков в 1883 г. пишет свой очерк «Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу» по прямому заданию сверху). В этом накале злобных, нехристианских страстей, охвативших обывательскую Россию, молодая интеллигентная женщина говорит о своем происхождении: «мой недостаток» (п. 28) — и тут же получает отеческую отповедь. Гиляров, в свое время (в конце 1850-х гг.) бывший экспертом правительства по еврейскому вопросу и написавший так и не увидевшую свет книгу об этом²⁴ (впрочем, хорошо известную по чтению автора в московских и петербургских литературных кружках), высказывает свои задушевные, глубоко оригинальные взгляды на этот вопрос и тут же разводит руками: «Проблему я считаю неразрешимой для человеческой мудрости...» (п. 28). Вместе с тем осуждает Анну Михайловну за ее душевные комплексы, потому что, по его убеждению, не любить свой народ нельзя.

В одном из писем, правда, Гиляров прибегает, на первый взгляд, к недопустимо грубому и резкому выпадку, когда говорит о непорядочности евреев в делах. Но он, безусловно, высказывает тут не столько свою, сколько обывательскую, человеконенавистническую точку зрения, причем применяет такую «шоковую терапию» с одной целью — уберечь близкого человека от возможных жизненных ударов. Он сразу же заботливо спрашивает: «Вы не обиделись? Нет, не обижайтесь, пожалуйста. Но я хочу только сказать, что я часто за Вас дрожу. <...> я за Вас боюсь» (п. 51).

Анна Михайловна пережила Гилярова только на 15 лет, в продолжение которых неустанно заботилась об увековечении памяти своего учителя и друга. Она сохранила и систематизировала его архив, передавая по частям документы из него основному биографу Гилярова — кн. Н.В. Шаховскому; много сделала и для публикации сочинений мыслителя — как научных работ (прежде всего труда «Основные начала экономики» (М., 1889)), так и эпистолярия.²⁵ В 1896 г. переехала с семьей в Петербург, проживала на Васильевском острове и последний приют нашла здесь же, на Смоленском кладбище (могила сохранилась). После ее кончины дети (по семейному преданию, она умерла при родах

²³ Н. Анна Михайловна Гальперсон // Новое время. 1902. 29 окт. № 9579. С. 4.

²⁴ См. примеч. 4 к п. 28.

²⁵ См., например, о ее хлопотах по изданию писем Гилярова: Дмитриев А. П. «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...» (Письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова. С. 209—230.

четвертого ребенка) сдали личные бумаги Гилярова в Пушкинский Дом при его основании в 1905 г., они и составили фонд 71.

Поскольку в настоящее время гиляровский фонд прошел лишь предварительную разборку и пока не имеет полного научного описания, номера единиц хранения, указываемые при ссылках на документы из этого фонда, не могут считаться окончательными и впоследствии, вероятно, будут скорректированы; то же следует сказать и о номерах листов цитируемых автографов. Письма печатаются по двум подборкам — нумерованной и ненумерованной (нынешний шифр: РО ИРЛИ, ф. 71, № 52, <№ 1—2>). Гальперсон, пытаясь расположить письма в хронологической последовательности (вероятно, уже спустя годы после кончины Гилярова), даже при составлении нумерованной подборки иногда ошибалась, не увидев в письме даты, и куда чаще — в случае с недатированными письмами; отдельные листочки, на которых они написаны, в ряде случаев оказались разъединены и разнесены по разным подборкам. При публикации эти погрешности устранены. Письма, для которых уточнение датировки не представляется возможным, печатаются в том порядке, в каком они находятся в подборках Гальперсон.

1

Сегодня, Анна Михайловна, последние телеграммы Северного агентства я переведу сам,¹ потому что извещать Центральную станцию о новом адресе² уже поздно. Вам будут доставлены последние телеграммы только Международного агентства.³

Готовый к услугам

Н. Гиляров-Платонов

20 октября 1882 г.

¹ Имеются в виду 14 внутренних и 23 заграничные телеграммы, опубликованные в очередном номере «Современных известий» (далее: *СИ*) под рубрикой «Телеграммы (Северного агентства)»: *СИ*. 1882. 21 окт. № 291. С. 1.

² В тот период Гальперсоны проживали в Малом Харитоньевском переулке.

³ Под рубрикой «Телеграммы (Международного агентства)» в том же номере (с. 1) напечатано 8 телеграмм более пространныго объема.

2

Посылаю телеграммы Международного и телеграмму Северного.¹ Вынужденным нахожусь сказать, что я совершенно растерялся. Ночью я получил опять телеграммы и перевел их. Оказалось, что получили и Вы и тоже перевели, совершенно напрасно потрудившись. Неужели это до сих пор продолжается? Объяснялись ли с Башкировым?²

Не знаю, что мне будет делать, если ночью снова получу телеграммы.

23 октября <1882 г.>

Н. Г.

¹ В № 294 газеты от 24 окт. (с. 1) опубликовано 15 внутренних и 18 заграничных телеграмм Северного агентства и 5 — Международного.

² Не исключено, что речь идет об известном в Москве человеке — коллежском советнике *Вениамине Викторовиче Башкирове*, заведовавшем в тот период V Отделением Московской городской управы, а также состоявшем старшим сотрудником Московской комиссии для разбора и призрения просящих милостыни, членом правления Северного страхового общества и др. (см.: Адрес-календарь различных учреждений г. Москвы на 1882 год. <М.>, 1882. С. 305, 888, 970).

3

Посылаю оригинал. На завтра ничего нет, а английских газет не пришло почему-то.

Всего нужнее: письмо Араби¹ и о Судане;² Испания³ и отчеркнутое в «Köln<ische> Zeit<ung>»⁴ о обращении болгар в католичество.⁵ Прочее может быть дано, если успеете сегодня; а то просто бросить.

Н. Г.

9 ноября <1882 г.>

Ремень возвращаю.

¹ Имеется в виду заимствованный из английской газеты «Times» материал «Великобритания: Положение министерства. — По делу Араби-паши», напечатанный в «Современных известиях» № 311 от 10 нояб. (с. 2—3) под рубрикой «Иностранные известия» и сопровождаемый публикацией «Письмо Араби-паши», автор которого — добровольно сдавшийся в плен англичанам египетский военачальник, которого они как мятежника собирались выдать султану Тевфик-паше.

² См. материал «Подробности о лжепророке», переведенный из газеты «Indépendance Belge», — о каирском шейхе Ахмете-Магомете, поселившемся в Судане и проповедовавшем «приближение новой веры и возрождение исламизма» (Там же. С. 3).

³ См. заметку «Испания: (Занятие Санта-Круца)» — о находившемся под управлением марокканского шерифа испанском владении на юге Марокко, которое собирались тайком выкупить у султана англичане (см.: Там же. С. 2). (Источник сведений не указан.) Впоследствии испанцам удалось совершить «выгодный территориальный обмен» (Испания: (Вопрос о Санта-Круце) // *СИ*. 1882. 19 нояб. № 320. С. 2).

⁴ «Kölnische Zeitung» («Кельнская газета») — одно из старейших немецких изданий (основано в 1762 г.), считавшееся особенно авторитетным; выходило трижды в день, орган национал-либералов. Эта газета регулярно выписывалась конторой «Современных известий».

⁵ См. материал «Католицизм в Болгарии», опубликованный со ссылкой на римскую газету «Osservatore Romano», — об обращении в католичество итальянским кардиналом *Серафино Ваннутелли* (Vannutelli; 1834—1915) «целой болгарской деревни, состоящей из 70 семейств» (*СИ*. 1882. 10 нояб. № 311. С. 3).

4

16 ноября 1882 г.

Ваше письмо не просто удивило, но придавило меня. Я и рассердился, но не на Вас, а на себя, на свое всегдашнее, бесконечное, непростительное легковерие, которого столько раз я уже был жертвою. Я чувствую себя униженным, как всякий человек, когда бывает одурачен. Бог Вам судья, Вы не пожалели меня для сегодняшнего вечера, когда вследствие ночи, проведенной в дороге,¹ нервы мои и без того не в порядке. Зачем Вы не сказали ранее, зачем не сказали позднее?

Никакой тени на представление мое о Вас не легло; но как Вам сказать? Я Вас боюсь теперь.

Таинственность все еще остается и в письме Вашем. Вы говорите о каких-то неизвестных людях, каких-то неведомых интригах. Будете ли Вы настолько любезны, чтобы выяснить это, а равно и то, в какой мере и в каком смысле представляли меня Вам чудовищем,² — это будет зависеть от Вас. Я с своей стороны оказываю Вам любезность тем, что пишу. Это большая жертва с моей стороны; но в зачеркнутых, хотя и очень тщательно, двух последних словах Вашего письма мне показались слова «жду ответа». Если так, то почему ж, думаю, не ответить?

Н. Г.

¹ Судя по всему, Гиляров ездил в Петербург испрашивать разрешение на издание иллюстрированного еженедельного журнала «Радуга», которое было дано Главным управлением по делам печати 20 нояб. 1882 г. Незадолго до этого, в сентябре (после 10-го) 1882 г., Гиляров писал своему приятелю Т. И. Филиппову (в тот период товарищу государственного контролера), прося того похлопотать за него перед министром внутренних дел гр. Д. А. Толстым, дабы «ошупать почву» перед подачей официальной просьбы: «...у меня есть замысел издавать *иллюстрированную еженедельную газету*. Давно засела у меня эта мысль, основания для которой следующие:

- 1) Из всех периодических изданий наибольшим сбытом пользуются именно иллюстрированные: спрос на них огромный.
- 2) Все существующие иллюстрированные газеты издаются: а) или исключительно с спекулятивною, барышническою целью; б) или с тенденцией — потворствовать развратным вкусам и нравам; в) или, наконец, того хуже: одно из изданий считается прямо органом террористов. Мое издание было бы тенденциозно прямо в обратном направлении, с точки зрения нравственности, и притом в строго национальном духе» (ОР РНБ, ф. 847, № 496, л. 5—6).

Не исключено, что в последнем случае подразумевается петербургский еженедельник «Всемирная иллюстрация» (в 1869—1885 гг. издатель-редактор Г. Д. Гоппе). 25 июля 1881 г. (№ 655. С. 920) здесь была помещена злая карикатура на Каткова, И. Аксакова и Гилярова, а 23 янв. 1882 г. (№ 680. С. 78) гиляровская газета называлась «ретроградным органом», причем ее «слишком большое значение» объяснялось тем, что «Москва постоянно была притоном квасных патриотов, поклонников разных Корейш и Марфуш и врагов европейского прогресса...» (упоминаются почитавшиеся москвичами обывателями в 1840—1860-х гг. юродивые Иван Яковлевич Корейша и Марфа Герасимовна).

² Скорее всего, имеются в виду нелюбезные оценки, дававшиеся «Современным известиям» в близком Гальперсон кругу еврейской интеллигенции: с одной стороны, как церковно-монархическому, антилиберальному изданию, с другой — как якобы юдофобскому.

5

Вы отчасти угадали. И вчера оригиналов не было, и сегодня я был отвлечен другими делами и уезжал. Да кроме того: я не давал слова прислать за Вами сегодня. И вообще, я боюсь злоупотреблять Вашим временем, вызывая слишком часто на личные совещания.

Посылаемый оригинал подробно мною не читан. Дублинское происшествие заслуживает подробной передачи.¹ Отзыв «Политического» корреспондента² стоит, чтобы его куда-нибудь приклеить *буквально*.³ Это — австрийский официоз,³ и мнение его не лишено важности.

Н. Г.

20 ноября <1882 г.>

¹ См. необычно большую по объему (для рубрики «Иностранные известия») статью «Преступления в Дублине», в которой подробно освещаются случаи нападения ирландцев на полицейских-англичан; она была опубликована не сразу, а через два дня (СИ. 1882. 23 нояб. № 324. С. 3) — видимо, за неимением места.

² Имеется в виду материал «Австрия: (Полиция и рабочие в Вене)»: СИ. 1882. 21 нояб. № 322. С. 3. В нем сообщалось о закрытии правительством обществ бойщиков и сапожников за обнаруженные полицией в их читальнях популярной германской демократической газеты и о сопутствовавших этому закрытию «беспорядках», выразившихся в том, что перед запертой читальней собрались любопытствующие обыватели, которые не разошлись по первому требованию полиции и были арестованы.

³ В гиляровском издании дана ссылка на статью венского корреспондента лондонской газеты «Standard» («Штандарт») (выходила с 1827 по 1916 г.).

<25 ноября 1882 г.>¹

Вот Вам материал, между прочим найденный мною во вчерашних газетах. Это будет прекрасная *Великобритания*. Гранки расположены в том порядке, в каком должны быть изложены. Речь Гренвилля, за исключением отчеркнутого наверху, может и должна быть передана дословно.²

Заговор против султана передан Вами неясно.³ 1) Не нужно было сокращать и без того краткие телеграммы «Daily News». ⁴ 2) Вам мешают телеграммы. Вы их помните, а читатель, и я в том числе, не помнит. И слово статьи вышло у Вас от того обрывисто. Надо было припомнить, что предполагается известным из телеграмм.

Н. Г.

¹ Письмо из нумерованной подборки. Датируется по упомянутым в письме материалам, опубликованным под рубрикой «Иностранные известия» (см. примеч. 2 и 3).

² См. заметку «Великобритания: (Гренвилль пред мадагаскарской депутацией)» (СИ. 1882. 26 нояб. № 327. С. 3), где действительно дословно воспроизведена речь лорда *Ричарда Плантагенета Кемпбелла Гренвилля*, герцога Букингемского и Чандосского (1823—1889), британского политического деятеля, в которой он распространялся о натянутых отношениях между Англией и Францией в связи с борьбой этих стран за Мадагаскар.

³ См. заметку «Турция: (Заговор против султана)» (СИ. 1882. 25 нояб. № 326. С. 3), в которой идет речь об аресте высокопоставленных военных, собиравшихся предложить султану ряд мер по оздоровлению ситуации в стране, но заподозренных в заговоре.

⁴ «Daily News» («Ежедневные известия») — национальная британская газета, издававшаяся с 1846 по 1930 г.; основана Ч. Диккенсом.

7

Хотя я и обещал Вам гранки, но по некотором размышлении нашел это неудобным, ради Вас и той неизвестной особы,¹ которая желает учиться. Необходимо, чтобы или она сама, или Вы непосредственно обратились (с моего, разумеется, разрешения) в типографию и непосредственно от нее получали гранки. Не погневайтесь, что я этого требую; желал бы убедить Вас, что так необходимо.

Н. Г.

28 ноября 1882.

¹ О ком идет речь, выяснить не удалось. Можно предположить, что Гальперсон просила о возможности обучать корректорскому делу свою младшую сестру Берту Михайловну Эпштейн (1858—?), впоследствии работавшую в редакции «Современных известий».

8

<18 декабря (?) 1882 г.>¹

1) Жалею, что Вас не видал.

2) Посылаю оригиналы. Из Берлина, Рима, Парижа — для перевода. Прочие лоскутки, вместе сложенные, — для самостоятельного изложения. Можете, если угодно, их и бросить; но, если хотите,

попытайте<сь> независимо от них, но на основании их, сказать несколько слов о пререкании Испании с Англией,² а затем по особенной гранке (отмеченной крестом) другие новости из Испании.

3) В телеграммах, сегодня присланных, одна ошибка грубая. *Guildhall*³ не лицо, а здание, лондонская *ратуша* (гильдейская зала). Другие ошибки подозреваю, но за неимением оригинала затрудняюсь определить. Одну телеграмму потому выкинул.

4) Мнение мое о Вашей работе до личного свидания.

5) «Московский листок»,⁴ как оказывается, не сохраняется, идет на обертки.

Н. Г.

¹ Письмо из нумерованной подборки. Датируется предположительно — по сообщению, что под рубрикой «Иностранные известия» одновременно будут напечатаны новости из Франции, Италии и Германии. Такой номер в период с 19 окт. 1882 г. до 15 янв. 1883 г. (на Гальперсон, как упоминалось — см. примеч. 2 к п. 21, — еще лежал перевод телеграмм) вышел в свет 19 дек. (№ 350. С. 3).

² Причиной трений между Англией и Испанией стал отказ последней выпустить из тюрьмы трех инсургентов, изгнанных с Кубы, чего добивались от нее британские власти. Гальперсон писала об этой на шумевшей в свое время истории неоднократно. См.: *СИ*. 1882. 4 нояб. № 305; 17 нояб. № 318; 21 дек. № 352 (везде — с. 3) и др.

³ *Guildhall*, Гилдхолл — ратуша лондонского Сити, историческое место собраний гильдии, цеха; здание известно с XIV в., отреставрировано в XVIII в.

⁴ «Московский листок» — ежедневная газета, с 1881 г. издававшаяся Н. И. Пастуховым, до того времени ведущим фельетонистом и репортером «Современных известий». 25 сент. 1882 г. Гиляров писал кн. Н. В. Шаховскому: «Дела мои стеснены: Пастухов отнял у меня 30 000 рублей, то есть подписчиков на эту сумму» (ОР РНБ, ф. 847, № 502, л. 5). В письме к публицисту И. Ф. Романову-Рцы от 13 нояб. 1886 г. Гиляров называет эту газету «уличным листком», который льстит «грязным вкусам публики» (Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова. С. 280).

9

19 декаб<ря> 1882 г.>

Египетская экспедиция. Недоразумение с Францией.¹ То же по вопросу о Африке (Брацца)² и Мадагаскаре.³ Косой взгляд Италии на Францию за Тунис.⁴ Восстание в Герцеговине,⁵ сербские и болгарские дела.⁶ Австро-германский союз, вспомнутый по поводу поездки Гирса.⁷ Америка.⁸

Не стесняя Вас, я набросал программу. Что Вы на нее скажете? Большую часть можно писать на память. «Неделю»⁹ пришло. «Покуситель» и вчера в телеграммах попался;¹⁰ вероятно, это остаток от поздних телеграмм третьего дня. Я чувствую себя очень дурно, — большой упадок сил.

Н. Г.

¹ В телеграмме Северного агентства из Парижа от 30 (18) дек. сообщалось, что английская армия оставит Египет в конце марта 1883 г. При этом английское правительство соглашалось «на то, чтобы никакое финансовое постановление в Египте не входило в силу без ведома французского представителя» (*СИ*. 1882. 21 дек. № 352. С. 1).

² Имеются в виду материалы о французской экспедиции во главе с итальянским графом *Пьером Полем Франсуа Камилем Саворньяном де Брацца* (Бразза, Savorgnan de Brazza; 1852—1905) в Конго с целью колонизации Центральной Африки: 1) По поводу трактата

Браццы // Там же. С. 3; 2) Экспедиция Браццы // Там же. 23 дек. № 354. С. 3. Впоследствии, в 1886—1897 гг., Брацца был генеральным комиссаром французского Конго.

³ До конца 1882 г. особых публикаций о Мадагаскаре в «Современных известиях» не появлялось, если не считать краткой телеграммы из Порт-Саида от 22 (10) дек. — о предполагаемых планах французского правительства «захватить Конго, Мадагаскар, Таджурский залив» (СИ. 1882. 12 дек. № 343. С. 2).

⁴ См.: Италия: (По отношению к Тунису) // Там же. 20 дек. № 351. С. 3. В заметке отмечалось, что Италия отказалась признать французского министра-резидента посредником между европейскими государствами и тунисским беєм.

⁵ Основными причинами национально-освободительного восстания в Герцеговине и Боснии в 1882 г. стали: оккупационный австрийский режим, неразрешенность аграрного вопроса, национальный гнет и засилье католицизма. Поводом послужило введение воинской повинности законом от 4 нояб. 1881 г. В ночь с 10 на 11 янв. 1882 г. группа крестьян напала на жандармскую казарму в Улоге. Вскоре восстание распространилось на Северо-Восточную Герцеговину и Юго-Восточную Боснию; был создан орган гражданской власти — меджлис (в Улоге). В апреле 1882 г. восстание было подавлено войсками австро-венгерских оккупантов. См. подробнее: *Kapidžić H. Hercegovacki ustanak 1882 godine. Sarajevo, 1958.*

⁶ См. два материала: 1) Сербия: (Скупщина) // СИ. 1882. 22 дек. № 353. С. 3, — с публикацией письма депутата Симо Павичевича о дисциплине заседаний Скупщины; 2) Болгария: (Перерождение страны) // Там же. 30 дек. № 359. С. 3, — о строительных работах в Софии.

⁷ См.: Франция: («République que française» об Австрии) // Там же. 21 дек. № 352. С. 3. В этой заметке сообщается, что Германия порицает восточную политику своей союзницы Австрии, ведущую ее «к опасному антагонизму с Россией». Министр иностранных дел (в 1882—1895 гг.) *Николай Карлович Гирс* (1820—1895) в тот период нанес визиты политическому руководству ряда европейских стран.

⁸ Вероятно, речь идет о материале: Перу: (Религиозное волнение) // Там же. 23 дек. № 354. С. 3. Здесь сообщается о бунте индейцев, возмущившихся продажей священных сосудов из собора в Лиме.

⁹ «Неделя» — еженедельная политическая и литературная газета либерально-народнического направления, издававшаяся в Петербурге в 1866—1901 гг. В тот период, с 1876 по 1893 г., ее редактировал П. А. Гайдебуров.

¹⁰ Скорее всего, эту неудачную словоформу Гальперсон употребила, переводя телеграмму Северного агентства из Рима от 28 (16) дек.: в австрийского посланника графа Паара бросил камень портной по фамилии Валериани. Гиляров, судя по всему, заменил слово «покуситель» на слово «преступник». См.: СИ. 1882. 19 дек. № 350. С. 1.

10

Стало быть, Вы о Тунисе мало знаете? Но достаточно знать и то, что было на днях! Италия до сих пор не признает Франции в Тунисе.¹ Герцеговинское восстание притихло,² а в каком положении вообще дело, об этом даст понятие даже «Восток».³

Что Вы оговариваетесь: «Не сердитесь на меня»? Кажется, я не подавал повода заподозривать меня в сердитости.

Может быть, я и завтра за Вами не пришлю. И вообще, лучше было бы, если бы Вы сами не только выбрали день, но взяли извозчика приехать ко мне на днях как-нибудь. Между прочим, захватите счет своих строк.⁴

Н. Г.

«Заграничную хронику» «Недели»⁵ Вам посылаю. Хотя мне ее ставили в образец, но она мне не нравится. Как Вам? Во-первых, в «Радуге» обозрение, по-видимому, не должно быть «хроникой» в тесном смысле. А впрочем, не знаю. Потрудите немножко и Вы свою голову, подумайте.

*Первое обозрение во всяком случае не должно быть «хроникой».*⁶
20 декабря <1882 г.>

¹ Хотя большинство иностранцев в Тунисе было итальянцами, перевес в борьбе за обладание им оказался на стороне Франции. В 1881 г. французские войска оккупировали страну. Последние очаги вооруженного сопротивления были подавлены как раз к концу 1882 г., и к 1883 г. Франция сумела окончательно навязать Тунису свой протекторат, втянув его в состав своей колониальной империи. Все это осложнило межгосударственные отношения между Францией и Италией.

² См. примеч. 5 к п. 9. Ср. утверждение в № 1 «Радуги» за 1883 г.: «Герцеговинское восстание потушено, но оно — огонь под пеплом» (с. 3).

³ «Восток» — «газета политическая и литературная» консервативного направления, издававшаяся Н. Н. Дурново с 1879 по 1886 г., сначала еженедельно, а с 1881 г. — дважды в неделю. Впрочем, в газете «Восток» регулярно публиковались сведения о Герцеговинском восстании. См., например, сообщение под рубрикой «Иностранные известия» в № 217 от 16 декабря 1882 г. об объявлении амнистии всем, кроме «принимавших участие в восстании с оружием в руках» (с. 519).

⁴ Гальперсон выполнила просьбу Гилярова. И в конторской «Денежной ведомости» под ее фамилией появилась запись: «Декабря 20: за телеграммы с 20 ноября по 20-е декабря — 35.00, за переводы с 1-го ноября по 1-е декабря — 40.91, за то же с 1-го по 20 декабря — 30.83» (РО ИРЛИ, ф. 71, № 69, <№ 6>, л. 2 об.). См. также примеч. 2 к п. 19.

⁵ Вероятно, Гиляров выслал вышедший накануне номер еженедельника «Неделя». Материал под рубрикой «Заграничная хроника» здесь никак не членится и напечатан сплошь, без каких-либо подзаголовков внутри текста (см.: Неделя. 1882. 19 дек. № 51. Стб. 1673—1677).

⁶ Оба обозрения, которыми открывался № 1 «Радуги», — и «Внутреннее», составленное Гиляровым (с. 1—3), и «Иностранное», подготовленное Гальперсон (с. 3—4), — представляют собой обзор основных событий 1882 г.

11

<20 декабря (?) 1882 г.>¹

Прошу извинить: чтением газет я невольно запоздал сегодня. Но тем, что посылаю, пожалуй, нет нужды торопиться. Кажется, выйдет из посылаемого довольно большая Испания, Австрия отчасти и мелочи вроде Гирса etc.

А вчера Вы забыли отдать телеграммы для отсылки в типографию.

¹ Письмо из нумерованной подборки. Датируется предположительно по упоминанию, что под рубрикой «Иностранные известия» должен быть опубликован большой материал об Испании и, одновременно, — об Австрии. Кроме того, упомянуто, что Гальперсон переводила телеграммы информационных агентств (что позволило ограничить поиск газетами от 19 окт. 1882 г. до 15 янв. 1883 г.; см. примеч. 2 к письму 21). Наиболее соответствующий этим данным номер вышел 21 дек. 1882 г. — со статьями «Испания: (Вопрос об изгнанниках из Кубы; Результат прений о программе Серрано)» и «Австрия: (Отношение к Италии)». О Н. К. Гирсе (см. примеч. 7 к п. 9) упоминается в материале «Франция: («Republique française» об Австрии)».

12

Сочувствую Вашему горю. Что такое с Вашей малюткой?¹ Отпишите. Если Вам затруднительно будет сегодня прочитать газеты, пришлите их с рассылным обратно: я займусь сам.

Если же Вашей дочке лучше, то побывайте у меня; постараюсь Вас не задержать.

Н. Г.

23 декабря <1882 г.>

¹ Речь идет о Жене Гальперсон (в замуж. Хохлова), дочери А. М. и С. И. Гальперсонов, впоследствии ставшей переводчицей (сообщено ее правнучкой М. А. Ивановой).

13

23 декабря <1882 г.>

Я Вас *прошу* (и для меня Вы это сделаете) прочитать непременно завтрашний фельетон «Забытый уголок». ¹ Вот Вам замечательный образец пустословия и безмыслия. Верите ли, что у меня голова разболелась, сердце наливалось желчью при чтении? А писал человек, которого имя красуется в анонсах, будет-де участвовать А. Круглов. ² Упоная на это, мы согласились, позволили написать и дали слово напечатать в пятницу. Слово исполняем, но каково мне? И Вы спрашиваете, почему я не читаю газет! А эта статья Круглова, которою он несомненно надеялся еще зарекомендовать себя перед редакцією, ведь это для «Курьера», ³ для «Телеграфа», ⁴ отчасти для «Русских ведомостей» ⁵ был бы перл. Прелесть это, как он пересыпает из пустого в порожнее, например силясь объяснить, что детская книга должна быть изложена систематически. Силится что-то сказать, натуживается, заплевывает словами, и — ничего у несчастного не выходит, потому, одним словом, что он мыслить-то не умеет, а умеет только перебирать слова, и притом пошлость которых способна производить в человеке мыслящем конвульсии: «Ибо развитие немислимо без знания: развивать ум значит сообщать человеку знания...» и проч. Ведь это прелесть! Чепуха, да еще тождество. Или: «Когда в юношестве заметно слабеет энергия и исчезает бескорыстно-святое стремление к науке, то стремление, которым были одухотворены эти люди ⁶ — гордость и слава человечества!». Что ни слово, то пошлость, звонкая фраза, дважды два четыре, с педантическим видом провозглашаемое, словно открытие Америки. Я понимаю теперь, почему Л. И. Поливанов в своей гимназии ⁷ составляет хрестоматию пустословия, или «Образцы, как не должно писать», и берет, в виде материала, «Русский курьер». И это-то пустословие прикажете читать?

Так смотрите же, прочитайте фельетон с *этой* точки зрения. Думаю, что для Вас будет бесполезно, а когда-нибудь анализируем, этот ли фельетон или другой подобный, и Вам выслушать анализ тоже бесполезно.

Н. Г.

Настоящим писаньем хоть отвел душу: хочется выругаться, и облегчил душу.

¹ См.: Круглов А. Забытый уголок: (По поводу детской журналистики) // СИ. 1882. 24 дек. № 355. С. 2. Название объясняется первой же фразой: «Для большинства органов — детская журналистика и литература является совершенно забытым уголком».

² См. например, в том же номере, на с. 1, рекламную заметку о выходе в свет январской книги «Русской мысли», где среди участников издания наряду с П. Д. Боборыкиным,

Г. П. Данилевским, Г. И. Успенским указан и А. В. Круглов. *Александр Васильевич Круглов* (1853—1915) — поэт, беллетрист, критик, педагог; в то время только начинал свой путь в литературе; выступал с позиций умеренного народничества.

³ Точнее: «Русский курьер» — популярная ежедневная московская газета (1879—1889, 1891), основанная Е. М. и В. Н. Селезевыми; с 1880 г. издатель-редактор — фабрикант Н. П. Ланин, хороший знакомый Гилярова. Придерживалась либерально-буржуазного направления.

⁴ Точнее: «Московский телеграф» — ежедневная московская газета, выходившая с 1881 по 1883 г. (редактор-издатель И. И. Родзевич). В письме к И. Ф. Романову-Рцы от 13 нояб. 1886 г. Гиляров презрительно назвал ее «уличным листком» (Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова. С. 280).

⁵ «Русские ведомости» — ежедневная московская газета либерального направления (1863—1918), издавалась тогда (с 1882 по 1890 г.) В. М. Соболевским.

⁶ Имеются в виду так называемые замечательные люди: Круглов упоминает Ломоносова, Кольцова, Посошкова, Кулибина и других и ратует за педагогическую пользу «биографических очерков» о них.

⁷ Московская мужская классическая гимназия (1868—1917), учрежденная филологом и педагогом *Львом Ивановичем Поливановым* (1838—1899), по праву считалась одним из лучших частных учебных заведений второй половины XIX в.

14

Удастся ли нам состряпать статью, не знаю.¹ Но рад Вам буду.
24 дек<абря> 1882.

Н. Г.

¹ Видимо, имеется в виду составление Гальперсон под наблюдением Гилярова очередного выпуска «Иностранных известий» для «Современных известий».

15

<До 8 января 1883 г.>¹

Давно Вас не видал и сержусь, что, кроме сегодняшнего объяснения в две строчки, ничего от Вас не получаю, кроме голых оригиналов, Вами переведенных.

Варварски занятый, не присылал за Вами, а нужно бы повидать. Выпискою газет, кажется, мы даже опоздали уже. Но передобеденное мое время в теперешние дни — самое для меня неудобное. А как Вы располагаете своими вечерами, не знаю.

Н. Г.

Сколько раз я зачеркивал Ваше выражение «покуситель».² Разве такое слово есть? Разве оно возможно? Окончание *итель* всегда удерживает смысл *действительного* залога. *Покуситель* выйдет тот, кто покусил, а не *покусился*. Вдумайтесь-ка.

Еще: избегайте дамского слова «ужасно»; а у Вас оно бывает, вроде того: «ужасно сильный циркуляр» и т. п. Раза два я этот дамами любимый эпитет заменял другим.

Подумываете ли Вы, из чего бы составить политическое обозрение для 1 № «Радуги»? Подумывайте и мне передайте.

Вероятно, нужно бы выписать какой-нибудь недельный английский и немецкий журнал. Из английских я получал «Saturday Review»³

и «Athenaeum».⁴ Для нашего дела и то, и другое не годится. Немецких не знаю. Не знаете ли Вы?

¹ Датируется по упоминанию подготавливаемого к печати № 1 «Радуги» (увидел свет 9 янв.).

² См. примеч. 10 к п. 9.

³ Точнее: «The Saturday Review of politics, literature, science and art» («Субботнее обозрение политики, литературы, науки и искусства») — еженедельная либеральная газета, издававшаяся в Лондоне в 1855—1938 гг.

⁴ «The Athenaeum» — литературно-критический журнал, выходивший в Лондоне с 1828 по 1921 г.; имел высокую репутацию, и в нем публиковались лучшие литературы своего времени.

16

9—10 января <1883 г.>

Поставите ли Вы в какую-нибудь цену то, что, возвратившись из типографии, я тотчас же собственноручно один из взятых мною экземпляров *Новорожденной*¹ укладываю в конверт и отдаю с наказом переслать его Вам ранним утром? Вы получите обычный, казенный экземпляр своим чередом. Но примите этот и сберегите на память.

Вчера (или сегодня) Вы внезапно расстроились. Спросил бы по-Вашему: «Отчего?» — если бы удостоверен был, что Вы верите в сердечное мое участие.

Но оставим это. Скажите: какое впечатление должна произвести «Радуга» на публику?²

О деле я говорил с Мансфельдом.³ Остается условиться о свидании его с Вашим мужем,⁴ которому передайте, кстати, и мой поклон и мою душевную благодарность.

В глубоком подвале, при едва мерцающем свете ручных лампочек, высидел я целых пять часов в ожидании благополучных родов, сначала без дела, в одних мысленных разговорах (между прочим, с Вами), и потом за корректуру. Вообразите меня в этом положении, сидящего на катке бумаги, при сопении паровой машины, и читающего в полумраке гранки. И читал-то без внимания.

Будьте веселы, а если что навалится тяжелое, обратитесь к средству, к которому не без успеха прибегает с некоторого времени один из Ваших недавних знакомых.⁵

Н. Г.

¹ Имеется в виду журнал «Радуга», первый номер которого удалось выпустить только после Святка. В передовой статье, приуроченной к этому событию, Гиляров писал: «Вместе с настоящим № „Современных известий“, 9 января, выходит 1-й № „Радуги“» — и перечислял названия литературных материалов и рисунков номера (см.: *СИ*. 1882. 21 дек. № 352. С. 1).

² Объявляя подписку на «Радугу», Гиляров так подготавливал восприятие публикой нового издания: «Да и не скучны ли стали, читатель, политические органы? Не начинают ли они вам надоедать? Да, скучны, и это явление печально лишь отчасти. В сущности, печать стала не скучнее, нежели прежде, но другая потребность общества вступает в права. Общество чувствует, что жизнь пошла косокобо: разложившаяся семья, брошенное хозяйство, произведения искусств, и притом не одной поэзии, но и живописи,

обратившиеся в политический памфлет, дают ощущать односторонность. Политическая пена осаживается; желается отдыха, слышится потребность в гармонии между сферами деятельности частной и общественной. Вот исторический момент, которому желает ответить „Радуга“ и которому не в состоянии дать полного удовлетворения имеющий свои задачи орган политический, а тем более ежедневный, с его летучими новостями и обрывочными проповедями» (Москва, 21 ноября // *СИ*. 1882. 22 нояб. № 323. С. 2). Вместе с тем весьма скептически смотрел Гиляров на художественный уровень современной ему литературы. Своему приятелю литератору И. В. Павлову он писал 7 янв. 1883 г.: «Первые поллиста „Радуги“ уже отпечатаны. Что-то Бог даст. Трудно поддержать знамя. Особенно трудно это по беллетристике. В этом отношении вкус не публики, а писателей совершенно испорчен: всякий норвит в Щедрина» (ОР РНБ, ф. 847, № 758, л. 2).

³ *Дмитрий Августович Мансфельд* (1851—1909) — плодовитый драматург, журналист; сотрудник газеты «Современные известия» (публиковал фельетоны под псевдонимом «М. Добродушный», — установлено О. Л. Фетисенко по архивным источникам), редактор журналов «Радуга» (1884—1888) и «Эпоха» (1886—1888); приятель Гилярова. О каком деле идет речь, становится понятно из содержания последующих писем (см. п. 20, 21, 33, 39, 41, 45—47, 64): через связи Мансфельда и Гальперсона (см. примеч. 4) с банкирами или предпринимателями Гиляров надеялся получить кредит для издания своих газеты и журнала.

⁴ Супруг Анны Михайловны — *Сергей Исакович (Исаакович) Гальперсон*, заведующий конторой «Современных известий» (1883—1887).

⁵ Гиляров намекает на то, что ему помогают справиться с унынием свидания с Гальперсон. См. его пояснение в п. 18: «...я хотел сказать, что Вы облегчили бы себя, если бы вообще делились своими ощущениями, не держали их у себя, и если мысленно Вы говорите со мной, то говорили бы словесно».

17

Ваше письмо, по правде сказать, только расстроило меня, а я сегодня не в очень устроенном состоянии.

Посылаю свой ответ с нарочным, именно с Авдотьей Ивановной.¹

Я сегодня поджидал Вас. От Вас не знаю, когда свободны Вы будете отлучиться; то есть обзавелись ли Вы прислугой.

Я или Вы будем писать обозрение, но материалы должны быть собраны, притом не только для иностранного, но и для внутреннего обозрения.²

Как писать, этого в письме не скажешь. Легче написать самое обозрение.

Вчера принесены были мне ночные немецкие телеграммы.³ Как они у меня очутились?

Когда Вы будете свободны? Лошадь я посылаю на всякий случай.

Н. Г.

10 января <1883 г.>

¹ Речь идет о сироте, дочери трагически погибшего мастерового, строившего дачу Гилярову, Авдотье Ивановне Буренковой (в замуж. Орловой), которая жила в доме Гиляровых на правах приемной дочери и помогала в занятиях по конторе, — см. о ней в собранных кн. Н. В. Шаховским материалах для биографии Гилярова (ОР РНБ, ф. 847, № 47, л. 121, 139; № 49, л. 19).

² Очевидно, имеется в виду подготовка упомянутых обозрений для № 2 «Радуги».

³ Вероятно, речь идет о телеграммах из Берлина — об отмене намечавшихся придворных празднеств в связи с кончиной принца Карла, шурина германского императора (супруга сестры последнего, великой герцогини Мекленбургской), вскрытии завешания почившего и назначении панихид по нему. Опубликованы в очередном номере газеты: *СИ*. 1883. 11 янв. № 10. С. 1.

10 января <1883 г.>

Вы угадали, хотя и не вполне. Я разумел¹ не то, в частности, средство, на которое Вы намекаете; я хотел сказать, что Вы облегчили бы себя, если бы вообще делились своими ощущениями, не держали их у себя, и если мысленно Вы говорите со мной, то говорили бы словесно. Помимо всего, мне кажется, именно я-то бы способен облегчить Вас, рассеять мрачные предположения (потому что на большую половину Ваши мрачные мысли суть только предположения). В нравственных вопросах я лучший судья, нежели кто-нибудь. Но отчислите сверх того что-нибудь на личное мое участие. И посудите потом: мы не равноправны; Вы теперь знаете меня и даже мое прошлое почти насквозь. Заплатите мне тем же, чтобы в письме было основание употребить такое «обращение» к Вам, которое просится с пера, но не сходит, потому что действительность не отвечает ему. Вы говорите со мною мысленно «о всевозможных пустяках». Но это ненормальное состояние. Это свидетельствует о переполнении души, чувстве тягостном, неприятном. Быть кошмаром наяву я не желал бы. А такие явления бывают. На настоящий раз оно произошло, вероятно, оттого, что я «перегрузил»: я столько читал, как выражаюсь, «лекций» Вам, столько передавал воспоминаний, что они подавили Вас. Избавиться от этого два пути: или рассеяние, обращение мыслей на другой предмет; для этого нужно было бы избегать повторения впечатлений, следовательно, реже иметь сношения. Или, наоборот, — выгрузиться. Последнее средство я Вам предлагаю и даже прошу. Впечатления, выносимые Вами из моих бесед, были таковы, что Вы спешили ими делиться с окружающими и даже с отсутствующими, сестрой² например. А именно я-то и обойден, по ложной застенчивости, гордости неуместной (в сущности, одно и то же). Употребите усилие, сбросьте эту, по правде сказать, даже обидную для меня сдержанность.

Вы говорите, что сохраните посланный Вам экземпляр «Радуги» на веки вечные. О, не говорите этого. О, ничто не вечно, Вы, думаю, недостаточно еще разобрались в своих отношениях ко мне. Натура впечатлительная, да еще тронутая вдобавок своего рода мономанией (извините за выражение), постоянным болезненным ощущением одной из сторон своего положения, Вы не должны бы иметь смелости ручаться за отдаленное будущее. Вот, если Бог уберет меня скоро, да, я уверен, и портрет мой, и экземпляр «Радуги» останутся у Вас навсегда хорошим воспоминанием о человеке, недурном лично и, кроме того, не совсем ничтожном по своему общественному положению. Но, пока мы живы, как предусмотреть будущее? Где тот фундамент, на котором бы строить уверенность? Двухмесячное сотрудничество? Десятка два личных бесед? Дитя! Я не полагал, что Вы еще до того дитя. Нет, напротив, я именно и полагаю, что Вы дитя, хотя у Вас уже есть дети. А я — дед. Грустно только, что не обзавелся ни детьми, ни внучатами, ни братьями и сестрами (разумею в духовном, сердечном смысле).³

Но я сбиваюсь на свою тему, которая может и прискучить Вам.

До свидания. В газетах сегодня поищу; может быть, найду что-нибудь. Смотрите же, бросьте сдержанность. Иначе — я не скажу «я рассержусь», но я захлопнусь.

Н. Г.

¹ См. п. 16 и примеч. 5 к нему.

² У Гальперсон было две сестры — Юлия Денисова и Берта Эпштейн.

³ Отметим к слову, что к 1883 г. Гиляров похоронил своих двух старших братьев (Александра и Сергея) и трех — также старших — сестер (Марию, Авдотью и Анну); у него было двое сыновей — Николай и Алексей, у последнего уже в год смерти Гилярова родился сын Сергей.

19

12 января <1883 г.>

По адресу, Вами данному, разносчик не нашел Либшютц;¹ заявил об этом конторе, и заявление принято к сведению, как обыкновенно в таких случаях водится, «впредь до жалобы». Благоволите поэтому прислать более обстоятельный адрес.

Поехал я от Вас в мрачайшем состоянии духа, хотя ехал к Вам в бодром. На первом же слове я споткнулся. Почему я запнулся? Эта мысль мучит меня. А запнувшись на первом слове, я не мог обстоятельно досказать и второго, и уехал уже окончательно недовольный собой. Я не сказал Вам того, что именно собирался сказать, за чем собственно и ехал. Я ехал сказать вам, что я Вас эксплуатирую и что это меня убивает. Не возражайте мне и не успокаивайте. Бесконечно благодарен я за Вашу дружескую готовность и участие, но это убивает меня еще более. Два месяца прошло, и я даже не определил еще денежных своих отношений к Вам.² Но прошу Вас — и не вините меня. Право, мне иногда кажется, что вот я сейчас с ума сойду: то, другое, третье, здесь неприятность, тут затруднение, там безвыходность. Я теряюсь. Эта отрицательная причина (не обидьтесь, есть и положительная), между прочим, и влечет меня забыть, хотя на час, гнетущие обстоятельства в беседе с Вами «о матерях важных»;³ а коммерческий разговор с Вами именно и сведет меня в тот мир опять, от которого я желаю забыться.

Знаете, что мне приходит часто в голову? — Сказать вам: «Анна Михайловна, и телеграммы, и выборку, и перевод я беру лично на себя. Останемся просто друзьями, добрыми знакомыми». Да, это мне приходит. Кстати, это бы скорее меня и умаяло. Я люблю находить параллели. Был у меня один ужасный год, похожий на нынешний. Я именно так сделал тогда: засадил себя на восемнадцать часов работы в сутки.⁴ И удивительно: уцелел.

Но я отвлекся от предмета. Итак, вот что, любезный друг (видите, теперь я не стесняюсь. Да и почему стесняться? Маститому дяде, например, вполне и прилично относиться с таким обращением к даме, которая годится ему почти во внучки). Итак, вот что я хотел Вам высказать; оно же самое есть и та тема в минорном тоне, о которой я Вам намекал.

Облегчив себя немного исповедью, перейду к делам. Я приезжал к Вам от господина (очень богатого),⁵ о котором мне говорили как о возможном моем кредиторе, то есть способном оказать мне ссуду. Он любитель искусств, между прочим, и был у меня с визитом по случаю «Радуги». Я ему отплатил визит, а он предложил: не годится ли для «Радуги» его перевод и набросок рисунка? Я должен буду поместить во всяком случае, — и по самому унижительному чувству, — чтобы не огорчить человека, который, *может быть*, окажет мне услугу (а вернее всего, и не окажет). Вы, с по<л>слова угадывающая, перенеситесь в мою душу и разберитесь теперь, что там происходит по этому поводу. Не знает ли хотя Ваш муж какого-нибудь дисконтера,⁶ если не лично, то по слухам? Таковой мне в данный момент был бы крайне нужен.

До свидания... в неизвестном будущем.

Жму Вашу руку.

Н. Г.

№ Перечитал я письмо это. Как оно сухо! Но уповаю на Ваше ясно-видение.

¹ Не исключено, что имеется в виду некто *Дагоборг Либшютц*, упоминавшийся в московских адресных книгах того периода. В конце XIX в. проживал на Мясницкой улице.

² Тем не менее на страницах конторской «Денежной ведомости», где регистрировались выплаты Гальперсон, имелась запись:

«Условия:

За перевод телеграмм *тридцать пять* руб. в месяц с 20 октября 1882 г. по 1-е апреля 1883 г.

За переводы иностранных известий по *копейке* со строки с 27 октября 1882 г. по 1-е апреля 1883 г.

За иностранное обозрение в жур<нале> „Радуга“ по *пяти* коп. со строки с 1-го января 1883 г. по <1> апреля м<еся>ца 1883 г.

С апреля м<еся>ца 1883 года на жалованье по *сто* рублей в месяц» (РО ИРЛИ, ф. 71, № 69, <№ 6>, л. 1 об.).

³ Слова Репетилова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. IV, явл. IV).

⁴ Речь идет о 1868 г., когда Гиляров оказался в отчаянном положении и, по воспоминаниям его сына Николая, «по литературной части он остался буквально один, наполняя газету только одинолично: месяцеслов, выборки из газет, передовая статья, иностранный отдел и даже корректура — все была его работа» (*Гиляров Н.* Краткая история газеты «Современные известия» / Публ. и примеч. А. Дмитриева // Коломенский альманах. Коломна, 2009. Вып. 13. С. 370).

⁵ Можно предположить, что это некий *Ф. Березовский* — его рисунок помещен в журнале без предварительного литографирования, с необычной на фоне остальных надписью: «Над могилой. (Ориг<инальный> рисунок Березовского)», и он не очень удачен (см.: Радуга. 1883. № 5. С. 109).

⁶ *Дисконтер* — биржевой маклер, учитывающий векселя.

14 января <1883 г.>

«Может быть, тут много неясного, пустого, но вот»¹

И этим письмо оканчивается!

Лежит другое письмецо (оба получены, когда не было меня дома, и лежали у меня на столе вместе с другими письмами). Развертываю.

А, думаю, она продолжает. Нет, она *раскаивается*!! Это, наконец, безбожно; так поступают только французские романисты. Только начала, только обрисовала контур, — и бросила кисть куда-то в угол. «Неясного, пустого»... Но с каждой строкой Вашего неясного, пустого письма Вы становились мне более *дороги*.

А, какой вздор! Она отлично это и понимает, но прилагает, пусть только полусознательно, своего рода кокетство. У, как оно, значит, прирастает к женщине; оно явится не там, так здесь, не в той, так в иной форме и в таких применениях, которые никакого, даже отдаленного отношения к обыкновенным побуждениям и целям кокетства не имеют.

Извольте продолжать; иначе я с Вами серьезно рассорился.

Писать больше не могу. Предо мною корректура, вдали — обязанность двух обозрений в течение ночи и в перспективе — 2-й № «Радуги», несомненно запоздавший днем.²

Мужа Вашего сердечно благодарю. Сегодня был у Мансфельда Ненароков;³ завтра будет у меня. Я выезжал и утром, и вечером, и если бы Вы видели, что от меня осталось...

Н. Г.

¹ Знак препинания (точка) отсутствует в автографе.

² Вплоть до № 6 «Радуги» на ее обложке даты не выставлялись в связи с тем что выход журнальных книжек задерживался (прежде всего в силу возникавших на первых порах проблем технического свойства при подготовке к печати иллюстраций).

³ Видимо, речь идет о *Владимире Федоровиче Ненарокове* (1837—1893) — внуке по матери адмирала И. Ф. Крузенштерна, состоятельном дворянине Владимирской губернии, фабриканте, кредиторе Гилярова. Любопытно, что Ненароков был увлечен историческими разысканиями и опубликовал в провинциальной прессе ряд хозяйственно-административных документов XVII в.

21

Мне вчера стало грустно, мой друг, от того, что Вам взгрустнулось, и тяжело от того, что Вам тяжело было объяснить, от чего взгрустнулось. Во время продолжительной дождливой погоды какое-нибудь ведро на полчаса не радует и даже усиливает тоску, когда за ним снова идет бесконечный дождь. Очень я обрадовался Вашему посещению, и Вы меня осадили. На будущие разы прошу Вас, преодолевайте свою сдержанность и скажите всегда до конца, что Вас тревожит, если только к тревоге Вашей я сколько-нибудь причастен.

Жду от Вас продолжения. Но, впрочем, если только сами Вы слышите эту в себе потребность. С каждой строкой Вы становитесь мне более дороги именно только в предположении, что, обращаясь ко мне с душевной исповедью, Вы исполняете свою потребность.

Вероятно, в записке, посланной с рассыльным, ничего и не было, чего бы я от Вас уже не услышал, но до крайности досадно, что она не дошла. Петр¹ уверяет, что он мне ее подал, то есть положил на стол утром; но перебрал после Вас стол и не нахожу. Сейчас переберет Петр. А удивительно! С удовольствием бы я теперь разорвал конверт с этой, ничего уже не способной мне сказать запиской.

Да, много Вы моей души занимаете. Это ничего, это даже хорошо, но не хорошо, что отнимается и время. Пускай Вы соприсутствуете моим мыслям, не мешая им идти своим чередом, но худо, когда вытесняете их. Пишу теперь письмо, а вместо него мог бы писать руководящую статью, прочитать рукопись. Это не ладно, и от Вас зависит восстановить гармонию умственных моих занятий: она восстановится, когда более не будет места вопросам, сомнениям, подстреканиям вроде недоговариваний.

Я предположил когда-то, что произвожу на Вас давящее впечатление. Теперь переносу то же заключение на себя. Скоро я буду придавлен совсем. Заботливость Сергея Ис<аковича> меня трогает до глубины, тем более что я-то не имею никаких прав на нее, ни со стороны его самого, ни даже со стороны Вас. Чем я заслужил такое, истинно дружеское участие?

Еще: не говорите мне, мой друг, никогда: «Вы знаете». Я ничего не знаю, зарубите это себе раз навсегда. Если предполагалось иногда, что я что-нибудь знаю, то с каждым разом эти догадки мои и объяснения все разрушаются. Вы встретили редактора, который приятным образом рассеял Ваши заочные об нем представления, который поразил Вас простотою и искренностью — словом, человечностью обращения, который сверх того неожиданно (!) для Вас оказался с большими знаниями, с недюжинным умом. Ну, вот данные, на которых почивало мое знание о причинах Вашего доброго ко мне расположения. Но этого недостаточно, и Ваше письмо начало раскрывать мне, в каком смысле мое объяснение недостаточно, но началó только. Итак, я еще не знаю, и знайте это, что я не знаю.

Чтобы не была моя записка одним изливанием, я перейду к сухой материи. Телеграммы с Вас сняты.² Время Ваше, то есть досуг, расширяется. При Вашей быстрой работе составление иностранных известий оставит еще Вам досуг. Я пытаюсь в уме формулировать Ваше участие в редакции, более обширное, и прошу Вас помочь мне обдумать это. Сейчас мне кажется, что пустое место, остающееся от телеграмм, должна заместить «Радуга», и не в смысле только приготовления обзоров, которые, пожалуй, так и останутся на моих руках.³ Нет; например, выбор статей для перевода или участие в составлении «новостей», значащихся в программе, но пока еще не даваемых; может быть даже, и корректура. Помогите, дружок мой, мне надумать. Обязанность думать об этих вещах меня приводит в своего рода расслабление. Вам это трудно понять, но эта есть у меня несчастная черта. Вот и сейчас, верите ли, я с трепетом (буквально с «трепетом») жду Ненарокова; не умею я об этих вещах говорить. Вчера мне Мансфельд⁴ говорит: «Вас только ленивый не обманет». Но беда-то не в том, что меня легко обмануть, а что я сам, так сказать, иду, сам подставляю, сам выбираю такие положения — обманутого. Одним словом — обсуждать свои материальные интересы и отстаивать их я не способен.

Однако что же это? Я пишу уже седьмой листочек; это более нежели передовая статья. Остановись, Никита Петрович, и ставь точку. Я ставлю ее, предварительно формулировав:

1) Какой день Ваш должен быть (по Вашей записке) свободен? Завтрашний? Какие часы? Я бы прислал за Вами.

2) ... но будет, довольно. Обдумывайте Ваше участие в редакции.

Н. Г.

16 января 1883.

¹ Вероятно, *Петр Платонович Федорович*, «рассылный при конторе», упоминаемый в списке сотрудников «Современных известий», составленном Гальперсон предположительно в ноябре 1887 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 71, № 65, л. 1).

² Т. е. в обязанности Гальперсон с этого дня уже не входил ежедневный перевод телеграмм информационных агентств. И действительно, в конторской «Денежной ведомости» последнее начисление Гальперсон за «телеграммы» сопровождается указанием: «с 20 декабря по 15 января — 35.00», далее ей оплачивались лишь «переводы» (РО ИРЛИ, ф. 71, № 69, <№ 6>, л. 2 об.).

³ Впоследствии «Обозрение иностранное» для «Радуги» составляла все же Гальперсон, а «Внутреннее обозрение» — сам Гиляров.

⁴ О Д. А. Мансфельде см. примеч. 3 к п. 16.

22

20 января <1883 г.>

Выборка из иностранных газет лучшим образом ведется в «Московских ведомостях», и иностранные известия там полнее и современнее, нежели где-нибудь.¹ Полагаю небесполезным, если бы Вы в течение известного периода времени *ежедневно* покупали на счет редакции № «Московских ведомостей». Не можете ли этого устроить? Постоянное, ежедневное просматривание будет указывать Вам, не сделали Вы где пропусков и тому подобное. Другими словами, Вы введены были бы в курс дела. Лучше было бы, если бы возможно было производить выборку из газет мне, но в Вашем присутствии. Но при взаимной отдаленности нашего жительства² это невозможно. А производить выборку мне и посылать Вам вырезки бесполезно в смысле приучения Вас. Поэтому предлагаемый мною способ, кажется, — лучший. Что Вы на это скажете?

Сегодня я позорным образом проспал до 1 часа дня. Впрочем, полуспал, спать не давал кошмар, хотя и не производивший гнетущего впечатления, но вполне заснуть все-таки мешавший.

Н. Г.

Сказывал я Вам, что я могу читать шифрованное письмо, то есть если мне подадут арифмограф,³ без всяких объяснений, лишь бы написано было со смыслом, то я теми же знаками, то есть цифрами, могу продолжить речь или написать ответ? Во время сегодняшней полусонницы сегодня мне пришло это в голову, я подивился, что публику занимают такие пустяки, как арифмограф, где на каждую строку еще дается объяснение! Сказывал я Вам о своем искусстве или нет? Если не сказывал, то я предложил бы Вам как-нибудь испытать меня, то есть написать мне что-нибудь цифрами, присвоив каждой цифре значение (произвольное) определенной буквы и не объясняя мне, какая цифра какой букве соответствует. Если же я уже сообщал Вам секрет, каким я достигаю разгадыванья, то, разумеется, не стоит трудиться.

Что это я Вам какие пустяки пишу!

¹ Эта выборка занимала в «Московских ведомостях» в тот период от половины до двух третей газетной полосы (по объему больше, чем в «Современных известиях»), но и издание М. Н. Каткова выходило не на 4, а на 6—8 полосах) и следовала сразу за передовой статьей и телеграммами информационных агентств.

² Расстояние от Малого Харитоньевского переулка, где проживали Гальперсоны (см. примеч. 2 к п. 1), до Малого Знаменского, в котором находился дом, где снимал квартиру Гиляров, составляло более трех с половиной верст.

³ *Арифмограф* — счетная машина для выполнения арифметических действий над небольшими числами с автоматической записью производимых вычислений.

23

21 января <1883 г.>

Что за штука, — «лакеи в пакетах, обернутых в серую бумагу»?¹ Тут какая-нибудь ошибка.

Жду большого цифирного письма, свой ответ посылаю, хотя и не знаю, со смыслом ли вышло. Вы мне скажете потом.²

Н. Г.

¹ Этой фразы ни в «Современных известиях», ни в «Радуге» обнаружить не удалось. Вероятно, она была исключена Гиляровым до сдачи соответствующей статьи в набор.

² *От слов свой ответ до конца письма — поздняя приписка.*

24

23 января <1883 г.>

Вменяю себе за удовольствие сказать Вам, что нынешними «Иностранными известиями»¹ я особенно доволен. Желал бы я знать: «Возможные результаты настоящего кризиса» как составлены? Есть ли это перевод или компиляция и притом из чего составленная, из одной ли статьи и газеты или из нескольких?² Но очень хороша.

А вот и замечания. «Найденные останки»³ не стоили совсем перевода.

В Германии о *Вознаграждении невинно осужденных* я вычеркнул совсем. Не понимаю, в силу каких побуждений Вы это совершенно непонятное читателю известие взяли.

Старайтесь известия подверстывать под страны насколько возможно, избавляя меня от труда. О поездке Гирса я подверстал под Германию,⁴ отзыв «Moniteur de Rome» — под Италию.⁵

Спрашиваете: достаточно ли руководствоваться в размерах примером «Московских ведомостей»? Отвечаю отрицательно. Они, повторяю, могут служить примером только своевременности и полноты. На это и обратите внимание, но старайтесь быть *лучше* «Московских ведомостей», что не невозможно, сколько я знаю Вас.

Давайте больше, и между прочим для «Разных известий». У Вас теперь и времени больше. «Weekly Times»⁶ я пробежал и нахожу его небесполезным: то, что показалось Вам похожим на объявления, включает статьи, достойные перевода. Читая их, я думал: «Не хватит у нее времени». Но тогда нужно подумать о подмоге.

Сегодня, если бы Вам случилось быть у меня, Вы увидали бы у меня Суворина;⁷ посмотрели бы еще редактора, послушали бы. Третьего дня лишь только Вы ушли, мне принесли билет на первое представление «Рогнеды» в Большом театре.⁸ Билет так и пропал; хотел сам быть, но при своем мрачном настроении не в силах предаваться развлечениям.

Я принимаю Ваш совет: «Пойду быстрой и ровной походкой»; ни слова более; рефлексия, самоуглубление и саморазбирательство останутся при мне, и я не стану их выкладывать.

Н. Г.

¹ См.: СИ. 1883. 23 янв. № 22. С. 3.

² Заметка под таким названием была опубликована в подразделе «Франция» и передавала сведения о будущем кабинете министров этой страны. В самой статье Гальперсон ссылалась на лондонский «Таймс» и «Кельскую газету» (СИ. 1882. 22 нояб. № 323. С. 2).

³ Заметка «Найденные останки средневековых героев» помещена в подразделе «Испания»; в ней сообщалось о случайно обнаруженных урнах с прахом «Эльчида и Джимены, его жены, средневековых героев католической Испании» и о торжественной церемонии передачи святыни Городскому совету г. Бургоса (Там же).

⁴ В заметке «О поездке г. Гирса» рассказывалось о переговорах Н. К. Гирса (см. о нем примеч. 7 к п. 9) в Вене о перспективах вступления России в Австро-германский союз (СИ. 1882. 22 нояб. № 323. С. 2).

⁵ На деле, видимо по оплошности наборщиков, заметка со ссылкой на итальянскую газету «Moniteur de Rome» («Римский наблюдатель») — «Отзыв о средневропейских делах» — была опубликована в подразделе «Испания»; она посвящена отношениям между Германией, Австрией и Россией (Там же. С. 3).

⁶ «The Weekly Times» — либеральная лондонская газета, издававшаяся начиная с июня 1826 с перерывами до 1885 г., в октябре которого слилась с газетой «The Weekly Echo» в издание «The Weekly Times and Echo», выходившее вплоть до конца 1912 г.

⁷ Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912) — редактор-издатель газеты «Новое время» (с 1876 г.), журнала «Исторический вестник» (с 1880 г.), календарей, адресных книг и др.; журналист, публицист, прозаик, театральный критик. Гиляров познакомился с ним в августе 1872 г. — сначала заочно (написал по его просьбе для его «Русского календаря» автобиографию, см.: РО ИРЛИ, ф. 71, № 49, <№ 8—9>, л. 1—6 об.; РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 915, л. 1—1 об.), время от времени они встречались. В 1884 г. Гиляров, находясь на грани разорения, просил Суворина взять его в сотрудники благополучного «Нового времени», предполагал даже переехать в Петербург (см. письма А. С. Суворина: от 20 февраля 1884 г. и недатированное: ОР РНБ, ф. 847, № 700, л. 6—7 об.). И. Ф. Романову-Рцы 13 нояб. 1886 г. Гиляров писал об этом: «Разоренный дотла, приготовившись пошабашить, я обратился к Суворину с письмом, предлагая свои услуги. Он отвечал по-видимому лестным письмом, гласившим: „Верить не хочу, чтобы решились Вы идти из попов во диаконы“, но на этом лестном основании, в сущности, отказывал и он мне в работе» (Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова. С. 281).

⁸ См. объявление под рубрикой «Зрелища»: «В Большом театре. В понедельник, 24 января: „Рогнеда“, опера в 5 действ-ниях». <...> Начало в 7 ½ часов» (СИ. 1883. 24 янв. № 23. С. 4). Вскоре Гиляров поместил и большую рецензию на эту постановку, подготовленную сотрудником редакции музыкальным критиком С. Н. Кругликовым: см. примеч. 3 к п. 30.

23 января <1883 г.>

Дойдет ли эта моя записка до Вас, не знаю. Не знаю, кто Вам носил мою первую записку и отчего так скоро последовал ответ. Не нарочный ли?

Глубоко был огорчен Вашим огорчением, но Вы меня не поняли.

Утром (я называю утром свое дообеденное время) я должен совершить несколько поездок. Следовательно, до шести часов вечера Вы меня не застанете.

Видеть Вас для меня удовольствие *всегда*. Это было сказано несколько раз, и вот на что я действительно способен рассердиться, если Вы будете ждать повторения при каждом случае, когда Вам придут какие-нибудь нелепые опасения.

Вообще, если в чем разубедились, оставайтесь убежденною; в этом и состоит ровность походки, по моему мнению. В этом смысле я и писал: «Ни слова более». Иначе, право, досадно. Или же научите, как мне поступать, чтобы не возбуждать в Вас лишней тревоги.

В составлении иностранных известий нужно обдумать порядок сдачи оригиналов. Полагаю, часть должна быть даваема с вечера на завтра. Часть — на тот же вечер, на основании сегодняшних газет. Впрочем, об этом лично переговори.

26

24 января <1883 г.>

Честь имею Вас уведомить,

1) что я не получил от Вас сегодня ни простого, ни цифирного письма;

2) что у меня жестоко сегодня болела голова, и от чего бы Вы думали? От разбора Вашей цифири, которая оказалась очень трудною;

3) что в сегодняшних иностранных известиях я поймал у Вас употребление местоимения *который* именно с тем грехом, который Вы отрицали.¹

Н. Г.

Что материал для обозрения?²

Забыл самое главное. Сколько ни разбирали слова ребуса, никак не могли;³ просят текст изложить появственнее.

¹ Скорее всего, имеется следующая, грамматически шероховатая, фраза в заметке «Соединенные Штаты: (Договор с Кореей)»: «...Корея <...> открывает для иностранной торговли три порта, в которых могут поселиться дипломатические агенты и которые могут заключать коммерческие сделки» (СИ. 1883. 24 янв. № 23. С. 3).

² Судя по тому, что письмо датировано 24 янв., речь идет об «Обозрении иностранном» для журнала «Радуга» № 3 за 1883 г. (было опубликовано на с. 50).

³ Не исключено, что Гальперсон сочиняла и ребусы для «Радуги». В № 3 был помещен ребус (с действительно не очень разборчивыми — во многом из-за неважной печати — буквами), расшифрованный в № 5: «На хотенье есть терпенье» (с. 115).

27

<25 (?) января 1883 г.>¹

Вам «ужасно»² досадно. Я хоть и не ужасаюсь, но все-таки досадую немножко: зачем Вы обратно прислали мою цифирь, да еще с подставленными буквами? Это утрачивает весь интерес. Я же Вам говорил, что, может быть, сам не прочту того, что напишу, и попрошу Вас

рассказать мне. Правда, я тотчас же разорвал присланную Вами расшифровку, для того чтобы не читать по готовому ключу. Во всяком случае, вся соль потеряна.

Такова Ваша вина. Теперь извольте исправляться, а именно:

1) Вы пришлете мне что-нибудь по старому ключу; это старый долг.

2) А в уплату за Вашу провинность извольте написать по новому ключу. Уж так и быть, потружусь. Только, пожалуйста, *побольше*. Это меня облегчит, во-первых; а во-вторых... ну, да это не нужно Вам знать, почему во-вторых. Если в ответе моем оказалась ошибка или пропуск, то произошло, должно быть, именно оттого, что в Вашей первой записочке не весь алфавит употреблен. Закрываю из того, что, помнится, в моей цифири пришлось употребить даже вопросительные знаки. Да и хлопот было с Вашей записочкой немало.

«Указывать Ваши недостатки» очень рад. Но дело идет о выборе и о своевременности известий: вот в каком смысле рекомендую просматривать «Московские ведомости», — чтобы следить за собою, не опущено ли что-нибудь заслуживающее внимания. Я-то как же могу это заметить?

Если хотите замечания, вот оно. Резиденцию императрицы Евгении я бы назначил в «Разные известия».³ Ну, что Вам еще сказать?⁴

<Диета очень тяжела: голод мучит, а благоразумие повелевает поститься. Научите меня, как быть. Боюсь, становлюсь смешон, не могу на себя надивиться. Утешьте меня. «Чем?» — спросите. Да тем: если я вполне уверюсь, что и Вы голодаете не менее моего, а то обидно. Впрочем, так не успокойте. Вы всегда говорите: «И я». То есть только в ответ на мои слова. Нет, скажите мне без вызова, чтобы я мог ответить: «И я».>

Обдумывайте Обозрение для 4 № «Радуги».⁵

¹ Датируется по упомянутой в письме заметке об императрице Евгении (см. примеч. 3).

² См. совет Гилярова: «...избегайте дамского слова „ужасно“...» (п. 15).

³ Имеется в виду помещенная под рубрикой «Иностранные известия» заметка «Франция: (Письмо императрицы Евгении)», в которой рассказывается, как последняя в своей французской резиденции получила письмо от находившегося в то время под арестом принца Жерома Наполеона (см.: *СИ*. 1883. 25 янв. № 24. С. 3). *Евгения де Монтихо* (Эухения Мария Игнасия Августина Палафокс де Гусман Портокарреро и Киркпатрик де Платанаса де Монтихо де Теба, *фр.* Eugénie de Montijo; 1826—1920) — императрица Франции, супруга Наполеона III (1853—1873). С 1870 г. постоянно жила в Англии. Под рубрикой «Разные известия», следовавшей в конце номера перед объявлениями, публиковались заметки познавательно-развлекательного характера — в основном по материалам зарубежной и отечественной прессы. См., например, их названия в № 44 от 14 февр. 1883 г.: «Состояние Рихарда Вагнера», «Какое потребляем молоко», «Добывание буры» и др. (с. 4).

⁴ Далее следует цифирное письмо, составленное Гиляровым, — аккуратные строки из написанных вразрядку цифр и некоторых символов, неравные по числу знаков. Над каждым из них Гальперсон, расшифровывая письмо, поставила соответствующие им буквы. В угловых скобках приводим его содержание, подставляя необходимые знаки препинания.

⁵ В итоге «Обозрение иностранное», составленное Гальперсон и помещенное в № 4 «Радуги» за 1883 г., включало новости из Пруссии, Англии (открытые в Лондоне Дунайской конференции) и Франции (с. 74—75).

<26 (?) января 1883 г.>

Что же я Вам скажу? Вы просите от меня «хоть строчки», а предмет таков, что рассуждений о нем хватит на несколько листов. В таких случаях лучше писать по пунктам, к чему я и прибегаю.

1) Вы как будто желаете убедить меня в трагизме своего положения, — в том, о чем я сам первый Вам намекал, употребляя только другое выражение. Я неоднократно говорил Вам о Вашем *ложном* положении. Следовательно, этот пункт в сторону; нечего об нем говорить: я вполне Вас понимаю и от души *соболезную*. Не обидьтесь этим выражением. Слова *сочувствую* я не употребляю в данном приложении, потому что если положение Ваше ложно отчасти в себе, то ложно более от ложности Вашего ощущения. Вы могли бы стать выше своего положения и поэтому быть равнодушною. У одного из князей Черкасских воспитывался вместе с его детьми дворовый человек, учился лучше князей и дослужился выше их.¹ Я любовался умением его игнорировать происхождение свое среди тех самых князей, которых он был крепостным. Трагизм Ваш простирается отчасти от Вашего малодушия.

2) «Отчасти» Вам неприятно было именно то, почему-де ему, т. е. мне, неловко говорить об этом пункте. В таком случае обратите свой гнев уже на себя. Я был поставлен в неловкое положение пред Вами. Чем? Да тем же, что Вы, как сами сознались, принуждаетесь скрывать свое происхождение. Несомненно, это должно было отразиться и в Вашем обращении со мною, я должен был инстинктивно это почувствовать и неловко же мне было расковыривать то, что тщательно увязано. А сколько Вам было случаев вывести меня из недоразумения, и очень просто, сердечно. Был, например, разговор об именах. Как бы кстати, как бы просто вышло, когда бы Вы сказали: детям своим я дала имена русские, да и у самой имя русское, хотя я еврейка. Но какая-то заденка² Вам мешала, а мне-то уж совсем неловко становилось. До того неловко, что я терялся. Наш, христианский праздник Вы празднуете; раз сказали, что с миниатюрным печатанием знакомы, потому что у Вас было английское Евангелие; язык русский для Вас есть природный, что за притча? — думал я. Стало быть, и этот пункт в сторону. Неприятное ощущение Ваше было неосновательно, несправедливо.

3) Есть двоякого рода катехизис — 1) личный и 2) так сказать, общественный. В личных верованиях и идеалах копать непристойно. Это неприкосновенность, святыня, и личные верования очень редко сходятся с общественными клеймами, под которыми они значатся. Герцен был атеист в публицистике, но в глубине души был христианин, сам того не подозревая.³ Другой именуется христианином, а в душе атеист, и так далее. Раз я заговорил с Вами, что личное расположение — это так, но я человек общественный, у меня есть общественное служение. Вы что-то задумались, и Вам взгрустнулось как будто. Может быть, мне показалось, но Вы как будто оценили серьезность моего опасения. А я имел в виду вот что. При чтении газет и выбор<к>е — от Вас, может, нет — должно ускользать многое, что

по profession de foi* моей газеты для нее существенно. И трудно Вам даже понять многие вопросы. Чуть ли я Вам даже не сказал тогда, что по иным вопросам между нами бездна. Да, бездна, и она останется. Об этом прошу позволения сказать пару слов.

«Современные известия» слынут юдофобским органом. Я уверен, Вы даже удивлялись: работаю я три месяца уже, а ничего такого нет пока. Слава о «Современных известиях» и на этот раз, как всегда, обнаруживает жалкую незрелость ценителей. Еврейский вопрос для меня — отчасти политический, отчасти философско-исторический. Это одна из ужаснейших проблем человечества. С нею я еще давно ознакомился; в 1857 году мне за границей дано было даже нарочное поручение по этому вопросу.⁴ Проблему я считаю неразрешимой для человеческой мудрости; непреодолимая трудность зависит от того, что 1) евреи совмещают в себе: а) племя и б) религию, им исключительно принадлежащие; 2) будучи таковыми, не совмещаются ни с одним государством, а рассеяны по всем; 3) по историческим и частично бытовым причинам осуждены быть орудиями и воплощениями** экономического паразитизма, или капитализма, если угодно.⁵ Я высказывался, и даже, кажется, не раз, что в теперешней мировой истории есть только два вопроса, или, точнее, — один в двояком выражении: вопрос рабочий и вопрос еврейский.⁶ С одной стороны пролетариат, настаивающий на исключительных правах физического труда, с другой — племя, отвергающее физический труд, но живущее на его счет. Евреи — аристократы человечества, и вопрос о них есть вопрос об аристократии вообще, с тем особенным применением, о котором я сказал выше (о совмещении и несовмещении*** религии и государства).

Впрочем, я найду далеко, если буду высказывать мысль в подробности. Я этим желаю намекнуть только, в чем заключается моя юдофобия. Вы понимаете очень хорошо теперь, что она относится к принципу (историческому и экономическому), а не к личностям. Но, когда Вы поступили в «Современные известия», я скорбел за Вас не раз, что придется Вам читать в газете, при которой Вы состоите, суждения, которые не могут не действовать на Вас болезненно.

Вы любите русский народ. Спасибо Вам за это, а я русский плоть от плоти, кость от кости.

Вы когда-то осудили Мансфельда за отступничество.⁷ Несправедливо. Отступничество бесчестно, когда оно не искренне, не духовно, не глубоко. А у него осталось не русского 1) имя и 2) вероисповедание — две наружные клички. Искусственно держать себя в таком духе, к какому обязывают наружные клички, по мнению моему, бесчестно. Он хороший семьянин, отличный сын, любит глубоко отца и мать, щирых немцев,⁸ но это не мешает ему относиться более чем неблагосклонно к немцам как духовному, точнее — культурному принципу.

Положение Мансфельда тоже ложно, и он заслуживает отчасти тоже соболезнования. Ему не обойтись без неприятных недоразумений

* Символ веры, программа (фр.).

** Далее зачеркнуто: той эко<номической>.

*** Далее зачеркнуто: разных элементов культуры).

во время войны, например, с Германиею, и я, ввиду его духовных идеалов, указывал ему, что он допустил ошибку, не крестив сына в православие. Без этого — и сын его понесет на себе то же ложное положение, в каком состоит отец.

В письме своем Вы два раза употребили неточные выражения. Вы говорили о своей *национальности*. Позвольте Вас поправить. Национальность Ваша — русская, и Вы, очень сожалею, если от нее отрекаетесь. Вас отделяет от русского народа 1) происхождение (племя) 2) религия. Ни то, ни другое не есть еще национальность.

Другая неточность. Сказали Вы где-то «люблю свою семью», употребив последние слова, как мне показалось, в смысле *народа*. То семья, то народ. Вот и есть несчастье еврейского племени, что понятие или чувство семейной связи простирается далее семьи в теснейшем смысле, это и есть начало той отчужденности, той непереваримости, с какою себя дает чувствовать это племя во всяком общественном организме, где оно составляет значительный процент.

Но я не сказал Вам сотой доли. Заключаю сожалением, что не удалось давно коснуться этого больного места. Не было бы Вам повода выразить опасения насчет перемены моих добрых к Вам отношений. Если эти отношения для Вас что-нибудь значат (а мне кажется, что значат), то, пожалуйста, верьте, что мое расположение к Вам так же полно сегодня, как вчера и третьего дня. В сущности, ведь ничего и не произошло и ничего нового я не узнал, чего бы не знал, по крайней мере по догадке, прежде.

Вы сказали, что я узнал о Вашем *недостатке*.⁹ Это сказано нехорошо, и я Вас за это слово осуждаю.

Посылаю с письмом кучера. Если у Вас есть время и если свидание личное может облегчить Вас, приезжайте.

Н. Г.

¹ Не исключено, что имеется в виду *Василий Семенович Ершов* (1672— после 1729), происходивший из крепостных людей боярина кн. М. А. Черкасского и в 1711—1712 гг. занимавший пост управителя Московской губернии, а в 1712—1719 гг. — из-за «низкого» происхождения — он был низведен на должность московского вице-губернатора, в 1721—1723 гг. служил начальником Монастырского приказа. В 1727 г. в связи с арестом А. Д. Меншикова, с которым он был близок, попал в опалу; в 1729 г. постригся в монахи в Переславле-Залесском. Родовым имением князей Черкасских было с. Черкизово Коломенского уезда, в церквах которого в течение нескольких столетий служили предки Гилярова, а также его родной брат Сергей и двоюродный — В. В. Смирнов (в гиляровских воспоминаниях «Из пережитого» описанию этого селения посвящена глава «Родовое гнездо»).

² *Заденка* — задняя мысль.

³ Гиляров всегда признавал значение герценовских философских статей для формирования своего мировоззрения и вместе с тем в 1870 г. составил большой некролог Герцену, в котором писал: «Пожалеем о несомненном таланте, погибшем для России и вместо громадной пользы, которую способен был принести, доставившем вред, вред существенный, ощущаемый доселе» (*СИ*. 1870. 11 янв. № 10. С. 2).

⁴ По расстроенному здоровью Гиляров в конце июня—начале сентября 1857 г. находился с женой на лечении в Германии. Управлявший в то время Министерством народного просвещения кн. П. А. Вяземский и председатель Еврейского комитета гр. Д. Н. Блудов, желая помочь Гиляровым материально, оформили эту поездку как

командировку с целью изучения системы еврейского образования в европейских странах. Гиляров глубоко заинтересовался этой темой и впоследствии, вместо формального отчета-отписки, в течении трех лет работал над историко-публицистической книгой «В каком смысле могут принадлежать евреям права гражданства в христианских государствах: На основании сочинений Паулуса составил и собственными примечаниями дополнил Н.Г.» (М., 1860), представив в ней одну из наиболее глубоких историософских интерпретаций этой проблемы. Но, поскольку в тот период правительством еще не были сформулированы принципы, на основании которых российские евреи получили бы гражданские права, в 1861 г. чиновник Главного управления цензуры высказался за запрет сочинения Гилярова — на том основании, что «оно возбудило бы общественное мнение христиан против расширения прав евреев» (подробнее см.: *Шаховской Н.*, кн. Н.П. Гиляров-Платонов о евреях // *Русское обозрение*. 1897. Т. 43, янв. С. 148—185).

⁵ В вышеупомянутой книге (см. примеч. 4) Гиляров писал, что у евреев «интересы хозяйственные являются даже совершенно враждебными интересам других народов. Еврейский „шахр“ <...> есть именно не что иное, как эксплуатация чужого труда, введенная в догмат, в идею, всосавшаяся чрез привычку в плоть и кровь еврея и пользующаяся, при всяком удобном случае, на счет чужого простодушия» (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 5630, л. 6 об.).

⁶ Например, в недатированном письме к немецкому политическому деятелю А. Штеккеру Гиляров писал: «...к числу коренных моих убеждений относится, что для современного мира существует только два вопроса, или, точнее, только один в двояком проявлении: вопрос еврейский и вопрос рабочий. Рабочий вопрос есть вопрос о превозможении капитала, или, точнее, — против превозможения капитала. А еврейский и есть не что иное, как это превозможение капитала и притом в чистейшем виде, отвлеченное от национальности и религии; напротив, сущность и национальности, и религии еврейской есть капитал, и ничего более. Ротшильд и Маркс — два полюса того же явления...» (ОР РНБ, ф. 847, № 506, л. 1—2).

⁷ О Д. А. Мансфельде см. примеч. 3 к п. 16. Он перешел из лютеранства в православие.

⁸ Такое необычное полумистливое сочетание украинизма «щирые» (истинные, истые) со словом «немцы» (вместо ожидаемого «малороссы», «хохлы») встречается и в мемуарах Н.И. Греча, увидевших свет в 1873 г. См.: «Отец двоих Шванебахов был ширый немец» (*Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 61). Отец Мансфельда — педагог Август Александрович Мансфельд, происходивший из австрийского графского рода; мать — урожденная Кюн.

⁹ Подразумевается еврейское происхождение Гальперсон.

29

Я на себя клевещу, по-Вашему, и не должен бы в себя вглядываться. Желал бы, чтобы это была правда. Но вот принесли от Вас корректуру. Я прочитываю, и — хотите знать? — мне приятно читать читанное Вами и смотреть Ваши поправки, так, само по себе, без отношения к тому, верно ли правлено и т.п., а просто потому, что это вот сейчас Вами читано и правлено. Ну, разве это достойно серьезного человека? Достойно или недостойно, не могу я этого не замечать и не обсуживать.

Но, впрочем, опять до личного свидания. А вот мысль какая: сто лет собираюсь привести в систему мои орфографические правила,¹ поручал десяти корректорам; заводили,² и все нет толка. Хотя бы с Вами это удалось. То есть: я скажу замечание, Вы его запишете. В другой раз другое, и Вы опять запишете. И так далее; потом приведем в порядок и издадим. По рукам?

Н.Г.

27 января <1883 г.>

¹ Орфографическое своеобразие некоторых текстов Гилярова, равно как и отредактированных им материалов его газеты, имеет принципиальные авторские обоснования. Ведь, как известно, он видел в русском языке особую духовную реальность, наделенную исторической памятью, глубоким нравственным содержанием («совестью») и творческим бытием («творящей этимологией»). Об этом он подробно высказывался в своих «Экскурсиях в русскую грамматику» (1883), неоконченном лингвистическом исследовании о русском глаголе (см. примеч. 1 к п. 36) и в переписке с академиком Я. К. Гротом за 1884—1885 гг. (ОР РНБ, ф. 847, № 624; не опубликована), который прислушивался к замечаниям Гилярова и даже внес некоторые изменения в свой труд «Русское правописание» (СПб., 1885). В гиляровском архиве сохранилось несколько инструкций для корректоров с разъяснением, в каких случаях необходима постановка тех или иных знаков препинания (РО ИРЛИ, ф. 71, № 27, 60). Например, в сохранившихся набросках орфографических правил для корректоров Гиляров писал: «Пред чужими словами должно быть двоеточие, хотя бы в середине; не ставить его после самых кратких вводных предложений: „сказал я“ и т. п. <...> Предложения отделять запятыми, несмотря на союз и. <...> В собственных именах, состоящих из нескольких слов, прописная буква пишется только в начальном слове, например Общество взаимного кредита» (Там же, № 60, <№ 1>, л. 6—6 об.). Приходится признать, что Гиляров обладал тонким языковым чутьем и большинство предлагаемых им новшеств, призванных унифицировать правописание, впоследствии прочно вошло в обиход и было узаконено.

² В архиве Гилярова сохранились наброски таких правил, составленные его заместительницей по редакции «Современных известий» (в середине 1870-х гг.) М. С. Сковронской (Там же, л. 1—4 об.).

30

28 января <1883 г.>

Полагаю, что Вы дали рассказ для прочтения уже прочтенный Вами, и, должно быть, он Вам нравится. По совести сказать, если бы кто мне дал прочитать другой «Дорогою ценою»¹ и спросил, как отзовется об этом рассказе Гальперсон, когда его прочтет, я бы не решился предсказывать, что он Вам понравится.

Мне рассказ *не* понравился. Нет, мало: дочитать его я принудил себя. Я нахожу его вздутым, риторическим упражнением, не только ложным, но пустым, ничтожным и вместе напыщенным. Образов и лиц не вижу, а фразы, названные именами и фамилиями. Осмеливаюсь заключить еще, что автор лучше и неспособен писать; его произведения другие, вероятно, в том же роде. Художественность, творчество в чем-нибудь проглянуло бы; при всем усилии я не нахожу его ни в одном штрихе, который бы хотя незначай выступил где-нибудь. Итак, это модный автор? Я поздравляю публику. Если бы я был издатель журнала, я бы не принял такого рассказа; я бы предпочел всякую посредственную сказку. Недостаток дарования еще ничего, но когда присоединяется претензиальность, это уже противно. В «Дорогой ценой» претензиальность в самом содержании (риторическом, как я уже определил); но еще претензиальность — в построении рассказа и — до крайности неудачная. Мастер дела может начинать с середины или даже с конца; сказать «сидела Маша» или «вошел Володя», не объясняя, кто они такие. Но у него Володя и Лена сами скажут себя, кто они, жестами, словами. А когда под видом лиц покажут Вам ярлыки с надписями «Лена» и «Володя», это, воля Ваша, напыщенная бездарность.

И позвольте, что же тут показано или рассказано? Терпящая жена и эгоист муж. Но я не вижу, что претерпевает жена и в чем воплотился эгоизм мужа. Автор говорит о них это, аттестует их так, а не они собою сказывают это о себе. Опять ярлычки, приклеенные ко лбу, и притом фразерство, состоящее из общих мест.

Меня поражает больше всего, как мы могли так разойтись во вкусах.² Сколько случаев было: Вы находите пустым то, что и я нахожу; Вы одобряете то, что, на мой взгляд, хорошо. И вдруг такой диссонанс! Надобно это обдумать, отчего бы это вышло так.

Вечерний оригинал Вам весь отложен, хотя весь набран. Фельетон Молодого музыканта³ и судебное дело⁴ заняли много места.

Н. Г.

¹ Имеется в виду повесть О. А. Шапир «Дорогой ценой. Из семейной прозы», ею открывалась июньская книжка журнала «Вестник Европы» за 1882 г. (с. 465—502).

² Любопытно, что впоследствии — конечно, под влиянием Гилярова — Гальперсон кардинально пересмотрела свое отношение к творчеству Шапир, которое стало для нее неким символом модной безвкусицы. В одной из статей 1889 г. она, например, так характеризовала роман писательницы «Миражи»: «Но что это за роман? В нем все неестественно, или, вернее, все естественно вытекает из неестественно поставленной у нас изыщной литературы. С одной стороны, протоколизм, распространяющийся на картины природы и на внешность героев, на их общечеловеческие действия, как-то: хождение, сидение, лежание, прием пищи и т. п.; с другой стороны, сочиненность самих героев, их высокое парение, невероятные интересы и необычайно замысловатые беседы. „Умные разговоры“ — неизбежная принадлежность наших романов. Так пишет и г-жа Шапир». И далее — о ее героях, которые «не столько пошлы, сколько опошлены, потому что их везде найдешь, во всяком романе, появляющемся в наших журналах» (*А. Г. <Гальперсон А. М.>. Журнальное обозрение // Русское дело. 1889. 4 февр. № 5. С. 16*).

³ См.: *Молодой музыкант <Кругликов С. Н.>. «Рогнеда» Серова. — Экстренное (ученическое) собрание Русского музыкального общества. — Восьмое исполнительское собрание Общества любителей. — Второй концерт г. Грюнфельд // СИ. 1883. 29 янв. № 28. С. 2—3 (Музыкальная хроника).*

⁴ *<Без подписи>. Московский мировой суд: Дело студентов Петровской академии // Там же. С. 2 (Судебная летопись).* Гилярова всегда волновала тема превышения власти полицией, поэтому он и поместил пространный отчет о судебном заседании, где обвинялись студенты в нарушении тишины в публичном месте и оскорблении городских, но за неимением веских доказательств были оправданы.

31

Нельзя ли Вам быть у меня пораньше, не дожидаясь вечера, то есть тотчас после Вашего обеда? Пишу это на тот случай, что лошадь в данное время, может быть, не удастся прислать.

Н. Г.

28 января <1883 г.>

32

<Между 29 и 31 (?) января 1883 г.>

Сергей Исакович¹ просил меня утешить Вас, «если возможно, лично, а то хоть письменно». Лично я не могу, потому что выехать все еще боюсь. Письменно... Я взял было в руки перо, но недоумевал,

в чем Вас утешать. Я полагал, что вчера для Вашего успокоения сказал все, что мог. Сейчас получил Ваше письмо. Вместо ответа посылаю лошадь; то же скажу: если возможно, садитесь и приезжайте. Долго Вас не задержу. Но надеюсь, что Вы поуспокоитесь.

Но, воля Ваша, опять нехорошо: все то, что Вы написали, тысячу раз можно было и *должно* было мне сказать ранее.

Н. Г.

Если Вам ехать нельзя... но почему ж нельзя? Это нужно для Вашего успокоения.

¹ С. И. Гальперсон. См. примеч. 4 к п. 16.

33

1 февраля 1883

Всё Вам письмо! На что Вам оно? А Вы знаете, каково мне вообще писать письма. Имейте жалость.

На этот раз я Вам должен передать скорбную повесть: сейчас час дня, а я еще не ложился. Когда я проводил Вас, передовой статьи не было, не было в голове даже темы. Чего никогда не было, голова вдруг отяжелела, и я задремал сидя. Проснувшись, несколько времени был как чумной. Лишь в пять часов мог что-то набросать,¹ не помню уже что. Рассчитываю на Ваше соболезнование.

На одно из Ваших вчерашних замечаний не могу согласиться; не потому, чтобы видел, как Вы опасаетесь, «дерзость» с Вашей стороны, а потому, что слишком ясна мне Ваша иллюзия. Нет, не утешайте меня и не обманывайтесь: я знаю, что я такое, и не умаляю себе цену, в чем я действительно ценен. Но зачем идти против метрического свидетельства, которое притом ясно дает себя мне чувствовать, между прочим в упадке сил, может быть даже умственных. Что мне себя обманывать и Вам зачем подкладывать мне обманчивой надежды? Полагаю, что в конце самообольщение мое было бы для меня даже вредно.

Сознание громадной разницы лет, между прочим, дало бы Вам побуждение к некоторой снисходительности ко мне, к меньшей требовательности от меня. Ну, хоть бы и письмо, — чего оно Вам стоит? А меня иногда пять строк изнуряют. Забывчивость, вялость, тугость на подъем есть, в большей части, принадлежность не характера, а возраста моего. Будьте добры, имейте это в виду. Вам экзальтация, наверное, ничего не стоит, а на мне, я полагаю, даже отзывается. Остаток свечки прогорит еще лишний часок ровным пламенем, а порывистым — ненадолго ее станет. Вам приходилось видеть меня изнеможенным: часто продолжительный даже разговор меня укладывает в лоск; малейшая тревога отрывает жизнь кусками. Какое же тут «равенство» с бодрым, живым, молодым существом! Вот как по-настоящему: за каждую строку мою Вы должны платить десятком страниц. Да и то мало.

Что Ненароков² — уехал или нет?

Н. Г.

¹ См. примеч. 2 к п. 34.

² О В. Ф. Ненарокове см. примеч. 3 к п. 20.

1 февраля 1883

Не умею Вам и выразить, как глубоко меня тронуло Ваше последнее письмо, добрый мой, душевный мой, дорогой друг. Тронуло и напугало. Напугало неизбежно скоротечностью Вашего чувства; этот пыл не может продолжаться. Да и чем особенным я заслужил Вашу преданность, эту Вашу готовность помочь мне, так сердечно Вами предлагаемую? Благодарю от всей глубины моего сердца. Разумеется, я не посмею обременять Вас поручениями, да и не думайте, чтобы изнурило меня чтение рукописей и корректуры. Нет, меня крушат дела главным образом, заботы и — равнодушие окружающих... Но что об этом?

Чтоб не подумали Вы, что я совсем отвергаю Вашу помощь, вот Вам две рукописи. Об одной из них прошу только навести справки, не был ли этот рассказ уже помещен. А вторую прочтите с тем, чтобы сказать мне основание, если хотите — предлог ее *не* печатать.¹ По особым причинам, которые лично объясню, я не могу взяться за эту рукопись, не расстроивая своих нервов.

По вчерашней статье Вы меня не узнали; понятно: я рассказал Вам, при каких обстоятельствах она писана. Но предмет не мелок и в квалификации «Голоса» я не изменил себе, о чем объясню тоже лично. Довольно того, что тут кроется oberхолопство в квадрате.²

Покоряюсь отсрочке свидания, а насчет отправки на дачу³ Вы думаете, что проходит какой-нибудь день, когда бы я о ней не вспоминал? И удивительно! Мне *еще необходимо* по другому делу* быть в той же стороне, и никак не могу попасть. Помните, раз помешал мне визит мой к Вам. Мне приходила даже такая блажь в голову: проехать на дачу с Вами и кстати сделать необходимый визит. Но куда я Вас тогда дену?

Наивный вопрос задаете Вы мне о Жуковском. «Своими словами», разумеется, это было бы чего же лучше? Но ведь надобно взять в расчет время и труд. Думаю: не поместить ли эту будущую статью сперва фельетоном в «Современных», а потом — в «Радугу»?⁴

Довольно о делах. Обращаюсь снова к Вашей душе и желаю ей на послезавтрашний день радостных часов. Поздравляю Вас, поздравьте от меня и <Сергея> Исаковича: От искреннего сердца желаю вам возможно большей продолжительности того счастья, которого лишен я.

Жму заочно Вашу руку. Но мне все-таки, как угодно, непонятно, почему Вы не хотите признать меня стариком. Наконец, это обидно. Старик так уж не заслуживает никакого участия, и если бы Вы уверились в моем старчестве, то почувствовали бы ко мне отвращение? Ай, ай, голубчик мой, как это нехорошо, как несправедливо!

Н. Г.

* Слова по другому делу вставлены позже над строкой.

¹ Предположительно речь идет о литературном обозрении А. В. Круглова, которого Гиляров недолюбливал за нередко присущие его статьям стилистическую графичность и бессодержательность (см. п. 13). Публикация тем не менее состоялась: *Круглов А. В.* > Новости текущей журналистики // *СИ*. 1883. 11 февр. № 41. С. 2—3.

² Имеется в виду передовая статья, посвященная обмену колкостями между тремя столичными газетами по поводу обеда в Петербурге, где «государственные люди» «рассуждали об экономических вопросах»; Гиляров, видимо, усмотрел тут рецидив диктата либерального мнения и обличительства 1860-х гг. в ущерб гласности. Он писал: «„Московские ведомости“ иронически отозвались об этом обеде, а „Голос“ возмутился и усмотрел в сообщении „Московских ведомостей“ „донос“. „Новое время“ уличило „Голос“: „доносом“ заметка „Московских ведомостей“ уже потому не может быть названа <...> что ныне, как и в прежних случаях, застольные ораторы провозглашали только экономическую свободу с точки зрения слишком известной манчестерской теории государственного невмешательства в хозяйственные отправления страны». В статье разъясняется и то, что Гиляров подразумевал под «оберхолопством» «Голоса»: «В качестве Фритледерского органа вообще, клеветы департаментских сфер и противника „Московских ведомостей“ в частности, положим, гневаться „Голосу“ было и естественно, но гневаться за иронически презрительный тон, с каким московская газета отозвалась об обеде и его участниках, а никак уже не за самое оповещение» (Москва, 31 января // *СИ*. 1883. 1 февр. № 31. С. 1).

³ Дачный участок Гиляров приобрел к северо-западу от Москвы «по Ивановскому шоссе к Петровскому-Разумовскому» (ОР РНБ, ф. 847, № 519, л. 1) 1 января 1868 г. — в «оборочное содержание» — у Хозяйственного комитета Петровской земледельческой и лесной академии. Это была «полоса земли в двести двенадцать квадратных сажень» с ежегодной оплатой в 4 руб. 24 коп. (РО ИРЛИ, ф. 71, № 66). Позже здесь был возведен дом.

⁴ Очерк, посвященный отмечавшемуся 29 января 1883 г. юбилею поэта-романтика, был помещен в одной только «Радуге» под названием «В. А. Жуковский. По случаю столетней годовщины (1783—1883 <г>г.) дня его рождения» (№ 4. С. 75—76). Он не подписан, но его автором, судя по стилистическим приемам, несомненно является Гальперсон. Гиляров отдал дань поэту в особой передовице, в которой пронизательно выявлял его своеобразие: «Жуковский есть явление исключительное. <...> Его фантазия парила над миром, вне мира, и в этом смысле он был „личным“ поэтом, которого не мог повторить никто, как сам он не повторял никого, оставаясь оригинальным и самобытным в самих заимствованиях и подражаниях. <...> Жуковский заслуживает высочайшего почтения, можно сказать — благоговения, как чистейший из писателей» (Москва, 29 января // *СИ*. 1883. 30 янв. № 29. С. 2).

35

8 февраля <1883 г.>

Боже ты мой! Что же, родная моя, прибавит Вам мое письмо? Что Вы узнаете из него нового? Чем оно утешит Вас, если у Вас есть какое горе или какая неприятность? Ну, вот Вам от меня и письмо, за которое, впрочем, достойно меня прогнать сквозь строй. Сквозь строй я себя гнал за все, чем, выражусь так, выдвигаюсь вперед Вас. Вы, например, говорили: что Вы стесняетесь говорить комплименты? А Вы говорите, что ли? У вас нейдут с языка слова, а у меня они обязаны идти? За что же это такое, скажите на милость? Это не анализ, друг мой, а чувство достоинства; нельзя же так. Помните, я было дал слово ждать случая, когда могу ответить: «И я».¹ Да так и не дождался; мало того, не удерживаюсь от выбалтывания даже того, на что даже «и я» не могу получить.

Замечаете, каким сердитым тоном написано мое письмо?

Желаю Вашему ребенку² выздороветь.

Н. Г.

¹ См. расшифровку цифрного письма в п. 27.

² См. п. 12 и примеч. 1 к нему.

9 февраля <1883 г.>

Вы угадали, что письмо Ваше вызовет ответ. Мы действительно, должно быть, говорим на разных языках, потому что я говорил, кажется, ясно. Я пояснял, за что прогнал себя сквозь строй. Прогнал сквозь строй не за то, что высказываюсь вообще; и о Вас вовсе не предполагаю, что Вы высказываетесь недостаточно. Я разумел частный случай с собою, которого Вы и не могли о себе сказать, потому что его с Вами, конечно, и не бывает. В этом-то смысле я и выдвинулся, как я сказал, и в этом-то смысле счел справедливым осудить себя. Остаюсь и теперь при этом своем мнении, пусть Вы будете с ним, может быть, и не согласны.

Но оставим все перекоры. Так мне скверно, так мне скверно, что и сказать не умею. Приехавши домой, сел, закрыл глаза, ни то дремал, ни то нет: и Вы, и глаголы,¹ и денежные дела толпились в голове, давили мозг. На несколько минут потерял способность рассуждать.

Обозрения Вашего² не читал еще, потому что голова не способна еще рассуждать с ясностью. Велел заложить лошадь и еду на один из предположенных визитов. Беру жену.³ Но поеду каким-то болваном, которому нужно принудить себя рассуждать о чем-нибудь.

Ах, если бы Вы знали, какой страшный упадок сил! Что выйдет из статьи Пелешевского,⁴ не знаю. Перечеркал ее *всю*; лучше бы было самому *всю* написать.

Легко можете судить, с каким нетерпением жду, чем кончится колебание Ненарокова.⁵ Ведь он то решается, то отступает. Не увидит ли его завтра С<ергей> Иса<ович>?⁶

Н. Г.

Приехал с визита, не заставши к кому ехал, и возвращаюсь к Вам. Опять за перекоры.

1) «Хотя этой уверенности неоткуда взяться...» — Ах, как это несносно! Так неоткуда? Повторите, глядя прямо в глаза.

2) ...но это опять будут перекоры. Доволен, что я у Вас был, и доволен. Пожалуй, даже тяжести привалилось. Ожидал, что вот передохну душевно, и встретил целое общество. Мне кажется, я был даже невежлив.

Н. Г.

Ответ будет?

Вы любите письма, а я более предпочитаю личные свидания.

¹ Речь идет о неопубликованном «капитальном филологическом труде» о русском глаголе, как назвал его сам Гиляров в письме к И. Ф. Романову-Рцы от 15 нояб. 1886 г. (см.: Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова. С. 289), над которым он работал с конца 1858 г. до своей кончины и который сохранился лишь частично (РО ИРЛИ, ф. 71, № 27, 60). Гиляров сообщал академику Л. Н. Майкову в письме от 21 мая 1887 г.: «...я вот что предпринял и совершил: собрал *все* глаголы, употребительные в живой речи; проспиргал их во *всех* доступных каждому формах и сочетаниях и затем путем, если можно так выразиться, статистическим сделал выводы, точнее сказать — подвел итоги. Таким образом

получились законы, определяющие спряжение, видообразование и значение каждого форм» (РО ИРЛИ, ф. 166, оп. 3, № 338, л. 2 об. — 3). См. также письмо Гилярова к академику Ф. Е. Коршу от 25 дек. 1883 г. (*Баскаков Н. А., Баскаков Ник. А.* Академик Ф. Е. Корш в письмах современников: К истории русской филологической науки. М., 1989. С. 35—37).

² Имеется в виду «Обозрение иностранное» для № 5 «Радуги», вышедшего не ранее 10—11 февраля (дата на обложке не обозначена).

³ *Вера Алексеевна Гилярова-Платонова* (урожд. *Богданова*; ок. 1821—1904), дочь настоятеля московской церкви Флора и Лавра на Зацепе священника А. И. Богданова, жена Гилярова с 24 сент. 1849 г. См. также примеч. 17 к вступ. статье.

⁴ О какой именно статье идет речь, выяснить не удалось — в течение продолжительного времени после 9 февр. 1883 г. в гиляровских изданиях не выявлено материалов, подписанных именем *Владислава Францевича Пелешевского* (?—1887), близкого к славянофилам публициста, постоянного автора «Современных известий». Не исключено, что имеется в виду публикация, подписанная литерой «П»: Н. И. Гнедич: По случаю пятидесятилетней памяти дня его кончины // *Радуга*. 1883. № 5. С. 94—95.

⁵ О В. Ф. Ненарокове см. примеч. 3 к п. 20.

⁶ С. И. Гальперсон. См. примеч. 4 к п. 16.

37

Вчерашний № «Московских ведомостей» Вы прочли.¹ Посылаю еще «Новое время»² на тот конец, чтоб обратить внимание на Форстера³ и Парнелла.⁴ Перекоры, возникающие по поводу разоблачений Кэри,⁵ заслуживают подробной передачи.⁶

Меня тревожит, что от Ненарокова нет письма. Что бы это значило? Не попятился ли он опять?⁷

Сегодня (т. е. я не знаю, как сказать, сегодня или завтра, потому что пишу после полуночи), если Вы свободны, я пришлю лошадь. Уведомьте меня. Но, может быть, я не пришлю, и тогда не трудиться. Это будет означать, что меня нет дома. Дело в том, что я должен выехать, и не знаю еще, когда это будет возможно, утром или вечером.

Сегодня я наведывался, нет ли от Вас письма. Не было.

Весь день я просидел за глаголами⁸ и все приводил их в порядок. При этом очень часто обращался к Вам мысленно.

Передайте мой поклон С<ергею> Исаковичу.

Н. Г.

13 / 14 февраля <1883 г.>

Жду уведомления.

¹ Гиляров, как становится ясно из п. 40, имеет в виду передовую статью М. Н. Каткова из № 43 «Московских ведомостей» за 12 февр. 1883 г., посвященную заседанию в британской Палате общин, приобретшему широкий международный резонанс. В. Э. Форстер (см. примеч. 2), год назад оставивший свой пост в кабинете премьер-министра Великобритании У. Ю. Гладстона, выступил с громкими разоблачениями (как позже выяснилось, бездоказательными), обвиняя в связях с ирландскими террористами («потворстве преступлениям и зверствам») Ч. С. Парнелла (см. примеч. 4), а весь кабинет — в неправильной тактике по отношению к ним, предпочитающей принудительные меры политике «уступок и побижжес».

² Безусловно, Гиляров подразумевал передовую статью А. С. Суворина, посвященную выдвинутому Форстером обвинениям, в этом издании: Ежедневное обозрение: С.-Петербург, 11-го февраля // *Новое время*. 1883. 12 февр. № 2500. С. 1.

³ *Вильям Эдуард Форстер* (Forster; 1818—1886) — британский политический деятель, фабрикант. В 1880—1882 гг. являлся государственным секретарем по делам Ирландии.

Покинул занимаемый пост, поскольку не получил полномочий на жесткие меры по отношению к ирландцам, подозреваемым в терроризме.

⁴ *Чарлз Стюарт Парнелл* (Парнелль, Parnell; 1846—1891) — ирландский политический деятель. В 1880 г. был избран председателем парламентской фракции, выступавшей за автономию Ирландии в рамках Британской империи. За призывы к крестьянам отказываться от выплаты аренды в октябре 1881 г. подвергся аресту и заключению в тюрьму. В мае 1882 г. достиг соглашения с Гладстоном о том, что правительство вносит поправки в земельное законодательство Ирландии, а освобожденный из тюрьмы Парнелл осуществляет роспуск Земельной лиги и Национальной ирландской лиги и в целом оказывает поддержку политике Либеральной партии.

⁵ *Джеймс Кэри* (Carrigy; 1845—1883) — видный деятель Ирландского республиканского братства (ИРБ), куда вступил в 1861 г.; с 1881 г. один из лидеров движения, организатор ряда террористических актов; по профессии каменщик, был предпринимателем-застройщиком в Дублине. Арестован в январе 1883 г.; вскоре под психологическим давлением следствия стал давать обстоятельные признательные показания, позволившие казнить пятерых его бывших товарищей; за «раскаянье» был помилован. Застрелен одним из активистов ИРБ.

⁶ См. подробную статью Гальперсон «Великобритания: (Шумное заседание Палаты общин)» (*СИ*. 1883. 17 февр. № 47. С. 3), а также — в тот же период — целую серию ее публикаций на эту тему в подразделе «Великобритания»: 1) Ирландский союз убийц // 12 февр. № 42; 2) Процесс 21 обвиняемого // 13 февр. № 43; 3) Отношения парнеллистов к Союзу убийств // 14 февр. № 44; 4) Процесс 21 // 15 февр. № 45; 5) Подробности о Нумере 1 // 16 февр. № 46 (везде — с. 3) и др.

⁷ Т.е. не переменил ли В.Ф. Ненароков (см. примеч. 3 к п. 20) свое первоначальное решение выдать Гилярову кредит на его издания.

⁸ См. примеч. 1 к п. 36.

38

15 февраля <1883 г.>

С очень тяжелым чувством вчера я расстался с Вами, моя голубка. Откуда это Ваше мрачное настроение? Давно оно? Часто бывает? Что ему послужило ближайшею причиной? Я говорю «ближайшей», потому что, сколько знаю Вас, фон душевного состояния Вашего вообще должен быть серый. Итак, нет ли чего ближайшего и, что особенно меня тревожит, не служу ли я в каком-нибудь смысле производящей причиной. Да хранит Вас Бог. Так высоко я Вас ценю, что верю в Ваше будущее и желал бы иметь на этот раз ораторский талант, чтобы рассеять всякие облака и тучи в Вашей душе. Утешьтесь хотя тем, что если положение Ваше во многих отношениях ложно, в других — одиноко, в третьих... но мало ли что? — то у других не лучше, пожалуй, даже хуже. Взвесьте и сообразите хотя бы мое положение. Вы вчера сказали, что поменялись бы. Ах, какое простодушие! А я не знаю человека, с которым бы не поменялся. У всякого уже то есть преимущество, что остается надежда; а стоять при закате дней и сознавать, что жизнь испорчена, что жар души, говоря словами поэта, истрачен в пустыне¹ во всех смыслах... о, этого не дай Бог никому.

Но, впрочем, к чему мрачные воспоминания? С отрадой, с успокоением останавливаю свою мысль на Вас, что вот хоть поделиться-то есть с кем. Ваше участие, Ваша дружба есть большое счастье. А Вас неужели нисколько не способна облегчить мысль, что и Вы приобрели человека, который Вас так ценит, так дорожит, так сочувствует?

Н.Г.

<15 (?) февраля 1883 г.>

Не извольте подвергать мои письма рецензиям и ловить выражения. Вы не я, *Вы должны знать* о моем расположении, какие бы выражения я ни употреблял. Вы написали в первом письме ко мне «глубоко уважаемый» да потом отреклись, — что не входило в Ваше намерение употребить такое выражение, для Вас непривычное и не соответствовавшее делу. Я своих выражений не беру назад, но и Вы не подчеркивайте мне их.

Ненароков был. Вопрос не о том, какое он на меня произвел впечатление, а какое я на него. Я, по обыкновению, от которого не могу отстать, говорил с ним в раскрытку. Будет он у меня во вторник. К тому времени я думаю, так сказать, оформить свое предложение; просил и его подумать на основании моих слов.

Слава Богу, что хоть «Кельнская»¹ пришла.

Н. Г.

¹ См. примеч. 4 к п. 3.

15 февраля <1883 г.>

Вы уже получили, без сомнения, мое письмо, писанное ранее получения Вашего. Оно уже содержит ответ на Ваше письмо. Я не ошибся* и в том, что ближайшею причиною Вашего расстройства оказался действительно отчасти я, о чем, само собою разумеется, глубоко жалею. Чтобы по возможности успокоить Вас, восстанавливаю факты. Движение мое бессознательное, о котором Вы мне напомнили и которого без того я, по правде сказать, и не помнил бы, не от того ли произошло, что, когда я отказывался проводить Вас, Вы меня потянули за руку? Впрочем, ужасно пошло (видите, и я даже употребил это слово *ужасно*¹) об этом рассуждать. Должен я только Вам признаться, что я с неохотою вчера отправился с Вами. Но Ваша хандра, в которой Вы признались, Ваши вечные сомнения производят то, что в виду их исполняешь, чего бы

* Далее зачеркнуто: отчасти.

не сделал. Пожалуйста, никогда не настаивайте и никогда не огорчайтесь, если не исполню какой-нибудь Вашей прихоти. Ведь по правде сказать, проводы и была Ваша прихоть.

Я очень рад, что Вы употребили выражение, от меня слышанное, и досадно мне, что Вы над ним улыбались, когда я говорил о себе, что я среднего рода.² Пожалуйста, не выпускайте этого из вида. Я немножко даже обижаюсь, когда читаю, что Вы попадались всегда впросак, потому что к Вам обращались не как к человеку, а как к женщине. Фу! Стало быть, Вы готовы заключить это обо мне? Несмотря на объявление мое,

очень рано сделанное (и не без намерения), что я среднего рода; несмотря на сорокалетний возраст, — предположенный мною в Вас; несмотря на то, что наружность Ваша для меня не существовала вообще и даже вызывала неодобрительные отзывы; несмотря на опасения, которые высказывал я относительно лихорадочности наших отношений. Образумьтесь, моя родная, и не глупите. Не только взять руку выше кисти, но даже обнять Вас я мог бы (не пугайтесь, никогда этого не будет) с такими чистыми мыслями, каких Вы можете пожелать только от брата или от отца.

Вы боитесь, что я буду действовать теперь с оглядкой. Но вот и извольте на Вас угодить. Разумеется, с оглядкой, потому что у Вас дрянной рефлексии очень много, и если есть, мой друг, неприятная сторона наших отношений, то именно эта: нет простоты. Я желал бы Вас не огорчать, а для этого должен «вести себя». А под конец это может стать скучным.

Вы пишете, что «ни за что бы ко мне не поехали»; а потом пишете, что желали бы видеть меня. Надеюсь, что это не означает желания Вашего, чтоб я приехал к Вам. Нет, сколько я понимаю, Вам надобно просто успокоиться. По-моему, это значит уединиться; по-Вашему, вероятно, что-нибудь другое. Итак, развлекитесь чем-нибудь.

Тревогу вчерашнего вечера я еще понимаю, но не понимаю, чем в прошлые дни возбуждена тревога. Что произошло такого особенного? Кажется, ничего не произошло. Просто Вы больны. Вы пишете, что и занимались зря. Да от чего же? Вы пишете, что грешите перед детьми, перед мужем, передо мною. Не понимаю решительно, в чем это прегрешение. Во-первых, передо мной, пожалуй, Вы и грешны своей негодной рефлексией. Но перед мужем и детьми? Не отнимается ли у Вас много времени? Признаюсь, мой друг, это меня пугает, потому что как скоро я уверился бы в этом, то почувствовал бы на себе долг облегчить Вас, снять с Вас часть забот, мною на Вас возложенных.

Вы пишете о Парнелле,³ что в «Современных известиях» было.⁴ Было, но мало. О Форстере так, кажется, ничего не было, а разоблачение, им сделанное, очень важно.⁵ Прочитайте, пожалуйста, передовую статью «Моск<овских> вед<омостей>», о которой я говорил.⁶ Кстати, стоит ли брать теперь «Московские ведомости»? Вы с ними уже ознакомились.

Но оцените, мой друг, всю эту жертву, которую я Вам приношу. Ведь это уже во второй раз пишу, может быть, задерживаю даже №. Из-за чего это? Из-за того, что Вы женщина? Фу! Нет, из-за того, что мне желательно Вас поднять и успокоить, и — в благодарность за Ваше ко мне участие. Очень, очень я ценю это участие.

Посылаю письмо с нарочным. Ответьте одним словом, что успокоены, если сколько-нибудь успокоены. А то не отвечайте ничего.

Н. Г.

¹ См. совет Гилярова: «...избегайте дамского слова „ужасно“; а у Вас оно бывает...» (п. 15).

² Рефлексия на эту тему встречается и в эпистолярии Гилярова, и в его мемуарах. Ср.: «Мужественный и женственный элемент! От одного замечательного русского ученого слышал я замечание, что сочетание полов под разными видами и именованиями проходит

по всему мирозданию: не только в животном и растительном царстве, но и в химических процессах и механическом движении светил формула все та же одна везде, говорил он, поясняя этот закон опытами и математическими выкладками. <...> С кем я ни соприкасался в жизни, везде со мною оставалась женственная, пассивная роль. Я занимал кафедре и пользовался редким вниманием слушателей; я увлекал; затаив дыхание, мне вникали. <...> Но я не породил и не воспитал учеников. На каких дальнейших поприщах я ни стоял, никогда, почти никогда не давалось мне руководство, на которое, впрочем, никогда не хватало у меня и дерзновения» (*Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. Т. I. С. 300).

³ См. примеч. 4 к п. 37.

⁴ См. примеч. 6 к п. 37.

⁵ См. примеч. 3 к п. 37.

⁶ См. примеч. 1 к п. 37.

41

16 февр<аля 1883 г.>

Я помню, что завтра мы уговорились быть вместе у Дяговченки.¹ Надеюсь, что письмо это получите довольно рано и Вы подождете лошади от меня.

Виноват, что не писал о Ненарокове. Ответ получен удовлетворительный.

Мысль доставлять вырезки² — очень счастливая, и я душевно за нее благодарю.

Желаю Вам от всей души душевного спокойствия. Храни Вас Господь!

Н. Г.

¹ *Иван Григорьевич Дяговченко (Дьяговченко; 1835—1887)* — выдающийся фотохудожник, владелец знаменитых ателье в Москве на Большой Лубянке (1867—1876) и на Кузнецком Мосту (с 1876 г.); был самым модным фотографом-портретистом своего времени, ему неоднократно делали заказы Тургенев, Л. Толстой, Островский и др.

² Очевидно, имеются в виду вырезки из иностранных газет, просматривавшихся Гиляровым, переправлявшиеся к Гальперсон для перевода (позднее, видимо, именно они называются в переписке «карточками», — см. п. 49, 52), а также наоборот — заготавливавшиеся ею для предварительного просмотра Гиляровым.

42

18 февраля <1883 г.>

Не в веселых мыслях и не в веселых чувствах остался я после Вас, дружочек мой; Вы сами понимаете. Легко понимаете и то, что я желаю слышать, улеглось ли у Вас сколько-нибудь на душе.

О Вашем внутреннем вопросе я долго думал и пришел к заключению, что все Ваши муки внутренние пока — продукт болезненного воображения, фикция и нечем еще расстроиваться. Подробности я передам после, а сейчас посылаю оригинал своего письма.¹ Корректуру я продержал, а оригиналу подобает быть у Вас.

Смотрите, будьте же веселы и бодры. Повторю Ваши же слова: без оглядки, ради Бога без оглядки! Поручите мне за Вас оглядываться. Верьте, что худого не придумаю и не предложу.

Н. Г.

Что-то у Вас вчера словно просилось на язык, но не сошло. Что такое?

¹ Имеется в виду рукопись первого философско-лингвистического очерка Гилярова из цикла «Экскурсии в русскую грамматику», напечатанного под названием «Письмо первое. Выговор письму не указ» в № 7 «Радуги» от 22 февр. (с. 142—144; подпись «Н. Г.-в»). Всего вышло четыре «письма» — последующие соответственно в № 22, № 25 и № 28 (от 5, 26 июня и 17 июля 1883 г.). Все они написаны в свободной форме и адресованы Анне Гальперсон (она, правда, не названа), вдохновившей Гилярова на эту работу. Автографы всех четырех писем хранятся в РО ИРЛИ (ф. 71, № 27).

43

18—19 февраля <1883 г.>

Да, мой друг, Вы притязательны, это правда, и это нехорошо. Нимало я за это не сержусь. Во всяком человеке есть эгоизм, и во мне тоже; поэтому мне это даже и приятно. Но ведь такая притязательность нехороша, и я в себе относительно Вас таковой не ощущаю. Если бы Вы мне сказали, что, измученная тревогами, где-нибудь Вы провели время в приятных беседах, делаясь мыслями и впечатлениями, я бы душевно порадовался за Вас, ибо истинно люблю Вас бескорыстно.

К сожалению, дитя мое, я провел вечер скучно: глупая пиэса, игра нечто; но я совершенно утратил способность разбирать немецкие слова,¹ да и до того, что не отличал даже французской речи от немецкой. *Дележа* никакого не было;² в этом можете успокоиться.

Вот за что спасибо, родная, что Вы открыли несколько клапан и показали мне, что особенно Вас беспокоит. Вы вводите меня во святилище, которого без Вашей инициативы я не смел касаться, хотя про себя и думывал. Успокойтесь, моя родная, ничего греховного нет. Долго разъяснять, но я скажу вкратце: каждому можно дать только то, что он может получить. Этот афоризм, по краткости своей, может быть, Вам и не совсем понятен; но мы с Вами как-нибудь его в подробности разберем. Сиделкой Вы не можете быть, да и не должны... Но, впрочем, я боюсь распространиться, да еще боюсь, одни ли у нас основные принципы нравственно-религиозные. Мы, друг мой, принадлежим двум разным мирам, и я боюсь быть непонятым.

За позволение быть Вашим соглядатаем спасибо, и вот Вам на первый же раз мое предостережение. Наши свидания приняли исключительно *личный* характер. Это — односторонность. По посещению известного Вам старца Вы чувствуете себя облегченно, освеженно и ободренно. Для меня это очень лестно, но для Вас это недостаточно. Друг мой, я Вам говорил и повторяю: это счастье и, точнее, — ощущение счастья — скоропреходяще. Иначе быть не может. Скажу больше: это мираж, это самообольщение, игра воображения. Побывать с известным лицом, просидеть молча или почти молча и вынести освежение — это чепуха, дружочек мой; это что-нибудь не так; Вы себя чем-нибудь обманываете. Что я такое, физическая или духовная красота, что ли, какая, что на мне можно отдыхать, как на созерцании картины? Вы возобновляете и укрепляете ощущение, что к Вам хорош хороший человек: вот что. Прекрасно, это так; но Вы укрепитесь в этом убеждении,

положим, через месяц или больше. Ну, так что же? Все будет душа Ваша, будет жадать повторения. Этих подкрепляющих приемов? Это нелепость, милая моя, это невозможность. А потому я и говорю, что надо опасаться этой односторонности, восполним наши конференции более благодарным материалом. Ясно ли я выражаюсь?

Чудная! Она благодарит меня за присылку оригинала, ей принадлежащего, и спрашивает, чем она может отплатить, способным сохраниться. Чем-де она заслужила? Да ты-то скажи, чем я заслужил? А мне ничего не нужно вещественного: дайте мне свою душу. Вот и все. Конечно, это немало, напротив, очень много, и даже *всё*; но я этим буду с избытком доволен. Но я-то чем заслужил? Вот что Вы мне объясните; объясните, пожалуйста, потому что в сущности-то это невероятно: чем я приобрел такое к себе расположение?

В сегодняшнем Иностранном отделе нашел «компрометирующем». Ну, зачем это слово? Потом: употреблено выражение «подвержен» вместо «подвергнут» (это я поправил, отыщи).³ Вот как это нехорошо: такие замечания делать на письме. То ли бы дело лично! Я возвращаюсь к своей мысли, что хорошо бы делать дневные заседания, хотя и не настаиваю на ней. Меня беспокоит между прочим и то, что позднее засиживание заставляет Ваших домашних ждать Вас, может быть, дает им лишние заботы. С<ергей> Ис<акович>,⁴ как слышал я от Вас, засыпает, в ожидании Вас, временно на диване. Это меня беспокоит.

Но вот сейчас обязан я и оговориться. Она подумает, пожалуй, что я не рад ее посещениям. Ах, негодная! Да смеете ли Вы это думать?

Н. Г.

¹ Судя по всему, Гиляров ходил в Немецкий театр, находившийся на углу улиц Петровка и Кузнецкий Мост. В тот вечер (18 февр.) шла «Минна фон Барнхелм» Э. Лессинга (см.: Зрелища // *СИ*. 1883. 18 февр. № 48. С. 4); накануне спектакля не было.

² Не исключено, что тут подразумевается сентиментальная «народная пьеса» А. Ларронжа «Дочери Газеманна» (1877), которую в течение предыдущей недели анонсировали газеты и которая в последний момент была заменена «Минной фон Барнхелм».

³ Имеется в виду следующий фрагмент составленной Гальперсон заметки «Бельгия: (Открытие заговора)»: «...при обыске <...> найдены были три сундука, заключавшие в себе <...> множество компрометирующих бумаг, открывших существование обширнейшего заговора. Все три дома, подвергшиеся обыску, подвергнуты строжайшему надзору...» (*СИ*. 1883. 19 февр. № 49. С. 3).

⁴ С. И. Гальперсон. См. примеч. 4 к п. 16.

24 февраля <1883 г.>

Меня Ваше известие невероятно огорчило. Только не торопитесь выводить заключения; огорчило совсем не то, что Вы думаете. Я огорчен до глубины души, я сражен тем, что получено известие *только теперь* о том, что при отношениях, которые я воображал между нами, я должен был знать давно. То есть как давно? «Несколько дней тому назад» — повторяю слова Вашего письма. А несколько дней тому назад об этом предмете не было от Вас ни слова, и притом не по забывчивости,

а намеренно, по умышленной скрытности. О Хрущове-Сокольникове был у нас даже разговор и о «Свете и тенях»,¹ который бы должен был Вам напомнить. Но Вы — ни слова. Далее: дело касается не Ваших каких-нибудь знакомых или Вашего какого вообще времяпровождения, но прямо литературных работ; мало того — обозрения, того самого, над чем мы сообща трудимся. И мне — ни слова. Это называется «дружкой», то есть называлось, а настоящее имя должно быть какое-нибудь другое.

По правде сказать, я не понимаю, о чем же Вы меня теперь спрашиваете и какого совета просите. Бог Вас благословит: вот все, что я могу Вам сказать теперь. Сказал бы я то же Вам, если бы Вы меня спросили, и тотчас после того, как приходил к Вам Огуз.² Только я тогда прибавил бы еще несколько слов, которые теперь будут некстати.

Вы, по-видимому, удивились, что Вас, как Вы полагаете, хорошо оценили. Тут есть опять недоговоренное у Вас или неточно переданное. Но удивляться нечем — так и должно быть, и я бы это Вам предсказал тогда же.

Известие, сообщенное Вами, я считаю касающимся не Вас, а меня, и я принимаю его к сведению. Не знаю, уверять ли Вас в том, до какой степени мучит меня, что я пред Вами в денежном долгу. Теперь, может быть, и нужно уверять. Итак, вдобавок к письму моему, которое, верно, Вами уже получено, я прошу у Вас специально прощения в том, что пользуюсь Вашими трудами, не вознаграждая Вас своевременно и по достоинству. Это меня гнетет, убивает. Но, само собою разумеется, Вам от этого не легче, и я это понимаю. Но потому-то я и прошу у Вас прощения, умоляя Вас об одном: не думать, чтобы за мной что-нибудь пропало. «Я умею быть благодарным». Я сказал Вам это не раз и повторю. Прошу Вашего снисхождения и терпения.

Жалею о нездоровье Вашей дочери.³ Может быть, Вы и преувеличиваете. Впрочем, корь — пустая болезнь; только следует уберечь от простуды.

Н. Г.

¹ *Гавриил Александрович Хрущов-Сокольников* (1845—1890) — автор многих романов, очерков, рассказов, комедий и стихотворений; активно сотрудничал в журналах «Русское богатство», «Эхо», «Осколки», «Зритель» и других, издавал журнал «Московское обозрение». «Свет и тени» — еженедельный «журнал художественный и карикатурный», выходивший в Москве в 1878—1884 гг. под редакцией Н. Л. Пушкирева. Предположительно, в письме речь идет не о самом этом издании, а о «Художественном альманахе журнала „Свет и тени“» (М., 1882), страницы которого изобиловали посредственными стихами Хрущова-Сокольникова.

² Лицо неустановленное. Видимо, сотрудник журнала «Мирской толк», редактировавшегося Н. Л. Пушкиревым (см. примеч. 2 к п. 51). Возможно, это *П. Г. Огуз*, впоследствии, в 1894 г., издававший в провинции журнал «Досуги островича».

³ См. примеч. 1 к п. 12.

Нельзя ли узнать о Ненарокове?²

Н. Г.

¹ Эдмунд Кин (Keap; 1787—1833) — знаменитый английский трагик, игравший во многих постановках пьес Шекспира. Тут имеется в виду спектакль по драме А. Дюма «Кин, или Гений и беспутство» (1836). Об этой постановке Пушкинского театра А. А. Бренко спустя два дня в «Современных известиях» под псевдонимом «Не-немец» появилась резко критическая заметка; видимо, в ней выражалось и мнение самого редактора. Рецензент, в частности, писал: «Взгляните, что делается в Пушкинском театре, например! Посмотрите, и вы ужаснетесь, и если любите искусство, если оно дорого вам, — вы отвернетесь и у вас вырвется крик негодования. Посмотрите, кто там играет, какой там ансамбль... <...> Смотрели мы „Кина“ вчера — безобразие. Один-единешенек стоит среди бездарной толпы г. Бабилов; ансамбля нет, паузируют на каждом шагу, чуть не бьют ногами суфлера, который и без того уже надрывает горло...» (СИ. 1883. 26 сент. № 56. С. 2).

² О В. Ф. Ненарокове см. примеч. 3 к п. 20.

46

<25 (?) февраля 1883 г.>¹

Я хвораю и лежу в постеле; еще перед поездкой в театр уже было легальное лихорадочное состояние, а затем, должно быть в театре, я серьезно простудился. Очень скверно чувствую себя.

Ненароков был, нового ничего не сказал сверх того, что Вам известно.

Будьте веселы.

Н. Г.

Желал бы Вас поскорее видеть, но не смею назначать дня. Вчера до тоски желал Вас видеть.

¹ Датируется по расположению в нумерованной подборке, составленной Гальперсон (под № 35), и по упоминанию посещения театра (см. п. 43).

47

27 февраля <1883 г.>

Благодарю душевно за Ваше посещение. Сегодня мне лучше, хотя совсем встать не решаюсь.

У нас, христиан, сегодняшний день есть день так называемый *прощенный*.¹ Приготавливаясь к посту, христианин просит у всех прощения, кого он обидел «делом, словом, помышлением». ² В монастырях этот обычай торжественно соблюдается; в учебных заведениях, по крайней мере духовных, — тоже. На сей раз исполняю и я этот прекрасный обычай и, обращаясь к Вам, прошу Вас простить меня, если я в кратковременное знакомство огорчил чем-нибудь Вас. Намерения, желания нанести Вам какую-нибудь неприятность не было у меня никогда ни секунды; Вы этому верите. Но все-таки могло случиться, что я виною какой-нибудь неприятности для Вас и огорчения. Итак, простите.

Кланяйтесь Сергею Исаковичу.

Что мой колпак¹ и когда я Вас увижу?

*Н. Г.*⁴

¹ Прощеное воскресенье (Масленица), преддверье Великого поста; в 1883 г. и произошло на 27 февр.

² Цитата из молитвы св. Макария Великого, входящая в состав Вечернего молитвенного правила, ежедневно читаемого христианином.

³ Гальперсон изготавливала для Гилярова ночной колпак. См. о нем в п. 49.

⁴ Следующим днем датирована записка, адресованная С.И. Гальперсону, но Анна Михайловна включила ее в нумерованную подборку (под № 37). Приведем ее текст:

«28 февраля <1883 г.>

Сейчас получил от Ненарокова тысячу рублей и спешу расплатиться с Вами, добрейший Сергей Исакович. Душевно благодарю Вас за одолжение.

Черкните с посланником одно слово: „получил“. Я привез бы лично, но выехать боюсь, да и едва сию: спину точно сковало.

Кланяйтесь Анне Михайловне.

Душевно преданный

Н. Гиляров-Платонов

(РО ИРЛИ, ф. 71, № 52, <№ 2>, л. 1, 2).

48

1 марта <1883 г.>

Я тоскую, не получив от Вас сегодня ни строчки. А именно сегодня-то я и жаждал. Много думал о Вас и о последних свиданиях. Между прочим вспоминаю и Ваше слово: «Выкиньте меня совсем». Не залегла ли у Вас в самом деле такая мысль? Но беру с Вас слово, что Вы, только она начнет у Вас формироваться, сообщите мне. Верьте, повторяю, что, кроме добра, истинного, настоящего, беспримесного, ничего Вам не пожелаю.

Н. Г.

49

2 марта <1883 г.>

Одно место Вашего письма заставило меня успокоительно улыбнуться. Вы пишете, что бы могло случиться, если бы я подвернулся в минуту удовольствия, доставленного Вам моей запиской. А знаете ли, о чем я вчера, между прочим, вполне серьезно раздумывал?

«Свидание состоится после перерыва, относительно долгого, и надо принять против себя меры».

Я их и обдумывал и ясно представлял Ваш недовольный взор и вопрос: «Что же это Вы не хотите руки мне подать?». А я буду в намеренном отдалении, за баррикадами так сказать, — разумеется, собственно для первого момента.

Как же было мне не улыбнуться при чтении известного места Вашей записки? (Впрочем, Вы, может быть, его и не помните.)

Отчего нет газет? Поезда запаздывают? Не прислать ли «Journal de St.-Petersburg»,¹ который я бросаю, не читая? А в нем, вероятно, будут вещи, стоящие перевода (о Горчакове²). Сегодняшний № завтра Вам подадут.

Карточки³ привезете сами, и словесное объяснение относительно них в тысячу раз лучше письменного, тем более что, судя по Вашим словам о состоянии Вашей дочурки,⁴ Вы в состоянии будете навестить меня и ранее истечения полутора недель, как предполагалось. Да и лучше: менее опасности от баррикад. Во всяком случае предупреждаю Вас, если прием мой покажется Вам в первый момент несколько суше обыкновенного, толкуйте его в обратную сторону.

Ваш колпачок не сходит с головы моей, только ежедневно он преподносит мне суровое обличие: волосы на нем остаются; они падают, несчастные, и готовят меня к мысли о предстоящей лысине. Что ж, это будет почтенно.

Но я забалтываюсь. Смотрите же, не выкидывайтесь.

Н. Г.

¹ «Journal de St.-Petersburg» — петербургская ежедневная газета, выходившая на французском языке; официальный орган Министерства иностранных дел. Так именовалась в 1859—1904 гг.; основана в 1813 г. под названием «Conservateur impartial».

² Речь идет об откликах зарубежной печати о скончавшемся 27 февр. в Баден-Бадене светл. кн. *Александре Михайловиче Горчакове* (1798—1883), канцлере (с 1867 г.), в 1856—1882 гг. министре иностранных дел. Сводка таких отзывов была подготовлена Гальперсон для № 65 газеты от 8 марта (см. примеч. 1 к п. 53). В поминальной передовой статье, посвященной Горчакову, сам Гиляров высоко оценивал заслуги покойного на дипломатическом поприще: «...объявление, что для России дороги только русские интересы, дали князю и славу за границей, и любовь внутри, возвысили и положение самой России. Это было блестящее время для России!» (Москва, 27 февраля // *СИ*. 1883. 28 февр. № 57. С. 1—2).

³ См. примеч. 2 к п. 41.

⁴ См. примеч. 1 к п. 12.

50

<2 (?) марта 1883 г.>

Обижаюсь, друг мой, на Вашу беспамятность и на невнимание к моим словам. Помните, я Вам писал, чтобы Вы не приняли в дурную сторону, если я Вас приму несколько сухо? Сухость означала, что я готов броситься к Вам на шею. Я должен был принять Вас отвернувшись.

Но, впрочем, все сошло благополучно, и слава Богу. Только впредь, буде случится подобное, не обращайтесь; знайте, что слишком сильная радость иногда бывает похожа на неудовольствие.

Посылаю моды¹ и отвертываюсь от Вас.

Н. Г.

¹ Имеются в виду материалы для ежемесячного иллюстрированного «Прибавления мод к журналу „Радуга“», извлекаемые главным образом из иллюстрированных парижских журналов. Здесь идет речь о таких заготовках для № 10 «Радуги» за 1883 г. (см. с. 9—16 второй пагинации).

51

3 марта <1883 г.>

Вы были предо мною виноваты. Это правда. Но виноваты, повторяю Вам, и поймите это хорошенько, — единственно в том, что не сказали

мне о сделанном Вам предложении¹ в первый же момент, как получили его. Это было нарушением дружбы, и это меня огорчило до глубины души. «Стало быть, я для Вас не то, и Вы не то для меня, как я ласкал себя»: вот был мой вывод.

А затем, Вы были виноваты уж пред собственной совестью, пред нравственным законом, пред идеалом, пред порядочностью наконец. Вы смотрите, не обижайтесь моими словами: поймите, что это говорится от души, от любящего сердца, и начал я говорить, собственно, потому, что Вы передали разговор с Огузом. Вы, очевидно, не умели с ним говорить, и мне Вас жаль: Вы могли его уничтожить. Вы должны были бы, дружочек мой, вот что ему сказать:

а) Вы должны понять, что, работая для «Мирского толка»,² я обязана буду отказаться от «Современных известий». Лишение, которому я чрез это подвергнусь, не может быть вознаграждено «Мирским толком». Да и самому «Мирскому толку» будет невыгодно. Он обязан тогда возвысить гонорар, да и, кроме того, выписать для меня газеты.

б) Соединить два занятия я не могу, потому что редактор «Радуги» и «Современных известий» мне откажет, и Вы бы на его месте то же сделали. Вы требуете от меня не романа, не перевода какой-нибудь книги, которую Вы мне доставили, а компиляции из источников, которые доставляются мне «Современными известиями». Согласится ли «Мирской толк», чтобы я сперва дала Обзорение в «Радугу», а потом то же самое — к нему? Согласится ли, чтобы я одновременно давала туда и сюда одно и то же? Ясно, что ни та, ни другая редакция на это не согласится, разве обе сговорятся, как сговариваются насчет перевода телеграмм. Иначе это будет воровство: та или другая редакция все равно, но будет воровать у другой. И Вы меня приглашаете быть орудием такого дела!

Вот что бы Вы ему сказали, и Вы бы, повторяю, его уничтожили. Вы не с луны упали, друг мой, а Вы попали в лужу грязи. Вертится у меня на языке слово, и я его скажу, доказав тем, что я понимаю в Вас истинного друга и уверен, что Вы не оскорбитесь. Не назвав имен, передать кому-нибудь Ваш разговор, знаете, какой получится ответ? «Фу, это только еврей может так рассуждать. Вероятно — это еврей? Да?» Уверяю Вас, что непременно последовало бы такое заключение. Вы не обиделись? Нет, не обижайтесь, пожалуйста. Но я хочу только сказать, что я часто за Вас дрожу. Вы называете практичностью иногда то, что просто есть гадость, и идеализмом то, что есть простая порядочность. Увы, милая моя, каждый стоит окруженный влияниями среды. Лично могут быть люди очень хорошие, честные, даже великодушные. Но в них засел, неведомо для них, исторический принцип, который, смотри, и может где-нибудь прорваться, несмотря на все внимание к себе. Вы в этом отношении несчастнее, нежели кто-нибудь, и я за Вас боюсь.

Не сердитесь на меня? Не сердитесь, родная; пожалуйста, не сердитесь.

Пригодился ли «Journal de St.-Petersburg»? Давайте больше оригинала.³ Пришлите вырезочек. Пора писать обзорение.

Н. Г.

¹ Имеется в виду предложение Огуза о сотрудничестве (см. п. 44).

² «Мирской толк» — московский еженедельный журнал общественной жизни, политики и литературы, издававшийся в 1879—1883 гг. прозаиком и драматургом Н. Л. Пушкиревым.

³ Гальперсон буквально исполнила эту просьбу: в ближайших четырех номерах газеты (№ 61—64 от 4—7 марта) помещено особенно много переводных статей под рубрикой «Иностранные известия» (чаще о событиях, произошедших во Франции, Австро-Венгрии, Испании, Италии); в предыдущем же номере (№ 60 от 3 марта), который, очевидно, и огорчил Гилярова, необычно мало подобных материалов на этом фоне — лишь два коротких сообщения: из Австрии («Тайное общество») и с Мадагаскара («Приготовления к войне»).

52

3 марта <1883 г.>

Не стыдно Вам? Не грешно Вам? Вы мне написали почти повторение того письма, которое я должен буду изорвать, если проиграю пари. Там Вам только на минуту показалось, что движение мое есть признак неуважения моего к Вам; а теперь-таки начисто так и отрезали: я Вас не уважаю.

Я Вас не уважаю! Да нет, еще мало: я Вас попрекнул еврейством! Не клеветите, прочитайте сызнова письмо; Вы действительно большой ребенок, и с Вами нужна — у! — какая осторожность.

Я не буду Вам говорить теперь подробно; я вижу, что об иных вещах говорить с Вами еще рано. Я Вам только один пример расскажу. О духовенстве русском сложилась поговорка, что у него «глаза завидующие, лапы загребушие». Эта поговорка не ко всем лично применима; начать с того, что мой отец был высочайшего бескорыстия и великодушия человек.¹ Но поговорка остается тем не менее верною; исторический принцип и дух сословия действительно таков, — таков вследствие обстоятельств. Я не приму на свой счет, если о ком-нибудь скажут: это поповское рассуждение. Я не буду говорить, что ведь и не попы-де* так же рассуждают. Да, и не один Огуз² рассуждает известным образом. Раз мне Краевский³ сказал, что секретарь моей редакции предложил ему, и он, Краевский, согласился принять предложение — доставлять фельетон на основании корреспонденций, посылаемых в «Современные известия» и мною бракуемых. — Надеюсь, это ничего? — спросил меня Краевский. Но, друг мой, это ровно еще ничего не значит. Бывают курносые французы и русские с греческими носами: дело идет о типе, который есть у народов и племен, и физический и нравственный.

Но, дитя мое! Зачем я это Вам говорю? Вам это больно. Виноват, но если я заговорил в прошлом письме, то именно дрожа за Вас. Сергея Исаковича,⁴ например, я очень люблю и очень ценю; да разве только Сергея Исаковича около Вас?

«Вы меня не уважаете...» Что Вы этим хотите сказать?

«Вы мне не верите...» — Когда я это говорил?

* Частица «де» вставлена позже поверх строки.

Я, наконец, рассержусь. По крайней мере с каждым разом Вы учите меня все большей осторожности. Наконец, это будет тяжело, — ходить и смотреть ежеминутно, как бы не оступиться. Принимайте слова мои просто, как они говорятя, не отыскивайте каких-то под-разумеваний. Да, наконец, научите, какие же речи вести мне, чтобы Вы не делали — извините — глупых выводов.

Научите, скажите: *чего Вы от меня хотите?*

Ну, говорите, научите, растолкуйте.

Нет, просто Вы несносны, вот и все, и Вас подзуживает, так сказать, рассориться со мною: не то, так другое; тут сомнение, здесь подозрение, там перетолкование. Ну, скажите, зачем же нам ссориться?

Я постараюсь во всяком случае быть осторожным и не задевать никоим образом никаких больных мест. Да черт возьми, я еще не все их, может быть, знаю. Как бы то ни было, буду осторожен.

Посылаю еще «*Journal de St.-Peterbourg*».⁵ Досадные Вы! «Если бы Вы прочитали...» Да когда я Вам, тебе доверяю! Фу, это досадно. Я просил, главное, дайте *больше*; и сейчас прошу. Вчера ночью у меня потребовали 250 строк; недостает, бери, где хочешь.

Более глубокий колпак все-таки нужен.

Устал. Завтра постараюсь Вам не писать. А то опять изволите, пожалуй, вывести какую-нибудь ахинею.

У меня приготовлены для Вас еще карточки.⁶

Н. Г.

Хотя Вы и «умница», как я Вас называю, но Вы в иных случаях несообразительны. Не следовало бы Вам меня очень зажимать и запахивать. Легко Вам говорить: нет, забудьте это, не обращайтесь внимания; но ведь слагается впечатление такое, что нужно очень бережно обходиться с Вами, чтоб не возбуждать тяжелых и при-скорбных чувств.

Спина моя в том же положении.

¹ Отец Гилярова — священник *Петр Матвеевич Никитский* (1778—1854), настоятель церкви Собора Пресвятой Богородицы в с. Черкизово Коломенского уезда (1799—1809) и церкви Никиты Мученика в г. Коломне (1809—1844). Гиляров так писал о нем в своих мемуарах: «Того, что называют практическим, не было вообще и тени в отце <...>. С идеалами, которых не разделяют вокруг и даже никто не понимает, с познаниями, которыми не с кем поделиться и которым нет никакого практического исхода, при материалистически-коммерческом направлении кругом, что же оставалось делать? Погружаться снова в чтение и играть в умственные куклы, создавать другой мир, жить с ним и утешаться им. Возиться с пашней, распоряжаться рабочими, продавать хлеб... да куда же это было моему родителю, когда самой простою куплей, не говоря о продаже, он стеснялся?» (*Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. Т. 1. С. 42).

² См. о нем примеч. 2 к п. 44.

³ Издатель и журналист *Андрей Александрович Краевский* (1810—1889) в тот период, о котором идет речь, был редактором-издателем газеты «Голос» (1863—1883).

⁴ С. И. Гальперсон. См. примеч. 4 к п. 16.

⁵ См. примеч. 1 к п. 49.

⁶ См. примеч. 2 к п. 41.

6 марта <1883 г.>

Радуюсь, сердце мое, Вашему праздничному настроению. А мое, после отпуска Вас, было угнетенное, даже очень, очень угнетенное. Ночь я почти не спал, был в полубреду. Как это случилось? Да так, психические явления очень сложны: на Вас произвело действие свидание, на меня — разлука. Вы успокоиваетесь впредь до того, пока испарится впечатление, а я, наоборот, прихожу в досаду, тревогу, беспокойство, злость, что вот уже нет, что было полчаса назад.

Но лучше об этом не говорить. Вам хорошо, и дай Бог.

Напрасно не перевели предисловия и панегирика.¹ Они-то важнее всего. Понимаете, что биографию русского деятеля можно и *должно* составить по русским источникам. Совестно обращаться к иностранцам, которые могут и ошибаться в фактических подробностях. С их стороны важна их оценка, их взгляд, и их-то Вы соберите, где они есть, как судит тот, другой — буквально.

Следовательно: а) * настоящую статью дополните предисловием.

б) Надо упомянуть, что это из «Times».

в) Добавить (в виде особенной статьи) отзывы других газет.

Нужно ли это сегодня же? Сомневаюсь, потому что не знаю, достаточно ли иностранного будет для «Современных», и Вы должны этим озаботиться.** Настоящая статья не запоздает, если явится и послезавтра. А идти она может и там, и здесь, т. е. напечатать в «Современных» и перепечатать в «Радуге».²

Ну, просто я болен, что Вас нет со мною. Впрочем, плюньте на это, и зачем я это говорю?

¹ Имеется в виду подробная статья-некролог о светл. кн. А. М. Горчакове, опубликованная в лондонской «Times», над переводом которой в то время работала Гальперсон (опубликована в № 65 от 8 марта под названием «Александр Михайлович Горчаков»; снабжена подстрочными примечаниями Гилярова).

² В журнале был помещен особый, не повторяющий газетную статью, неподписанный материал, составленный, видимо, Гальперсон: Светлейший князь А. М. Горчаков: (Некролог) // Радуга. 1883. № 10. 13 марта. С. 214—216.

6 марта <1883 г.>

Сердечко мое, не Вы бестолковы, родная моя, а я не сумел выразиться. Статьи о Горчакове я не читал, но, взглянув мельком, я увидел, что это *биография*. Если только биография, то не следует брать от иностранцев; стыдно. Но, если это оценка или отзыв (Вы это противопоставляете, а я считаю за одно и то же), тогда это интересно. Другими словами: как иностранцы отзываются о Горчакове? Что они об нем говорят? Это любопытно.

* Обозначение а) вставлено позже между строк.

** Слова и Вы должны этим озаботиться вставлены позже между строк.

Во всяком случае труд Ваш не пропадет; доканчивайте, но добавьте, что было опущено, и мы выпустим как статью «Times'a», вероятно, и в газете, и в журнале.¹

Как же Вы говорите, будто я не сказал, продолжать ли или нет? Кажется, ясно было написано, что продолжать. А кроме того, собрать еще отзывы.

Горчаков отравлен; идет следствие.² Вы знаете это?

Такие у Вас слова написаны в письме: «Я и теперь бы не прочь быть у Вас...». Как это было понимать? Дорогая! Ведь это значит дразнить. Что значит *бы*? Какое *но* тут подразумевается? «Но мне нельзя отлучиться?» Об этом нечего было объяснять; я уверен, что вообще Вы *бы* не прочь и сегодня, и завтра, и т.д. Так какой же смысл имели Ваши слова? Вы бы не прочь, а я тоскую: за чем бы становилось дело. И это мило: «Я бы не прочь»; только не прочь, уж и так быть, дескать.

¹ См. примеч. 1 к п. 53. Помимо пространного некролога («беспристрастного отзыва») из «Times» в публикации Гальперсон затрагивается «жесткий и вовсе и несправедливый отзыв» о кн. Горчакове австрийской газеты «Montags Revue» (см.: СИ. 1883. 8 марта. № 65. С. 2). Гиляров предпослал этим материалам свою передовицу, в которой по поводу лондонской статьи высказывает и критические замечания, весьма существенные для понимания его своеобразной, не славяно-, а «русофильской», позиции, прежде всего в осмыслении итогов Русско-турецкой (или Восточной) войны 1877—1878 гг. Приведем пространную цитату: «Оценка „Times'a“ беспристрастна настолько, насколько можно ожидать от иностранного органа. Само собой разумеется, английской газете трудно возвыситься до понимания исторических задач России и восточные войны должны ей казаться вообще порывами русского властолюбия, а последняя война — делом „панславистов“. В этом органу лондонского города не стоит возражать. Но с русской точки зрения нельзя не оговорить ложной оценки, какую дает первенствующая британская газета последнему периоду деятельности покойного князя. <...> „Times“ ставит покойному канцлеру в похвалу, что он не сочувствовал, как выражается британский орган, „панславистскому“ движению, охватившему Россию перед Восточной войной. А это-то „похвальное“ равнодушие русской дипломатии к народному движению и привело нас по прямой дороге к Берлинскому конгрессу... Впрочем, эти события слишком свежи еще и поднимают такие горькие воспоминания, что лучше промолчать о них» (Там же). Упомянут печально знаменитый конгресс 1878 г., на котором по окончании войны были приняты унижительные для России условия мира.

² В тот же день, которым датировано это письмо, в «Современных известиях» под рубрикой «Внутренние известия» была помещена перепечатанная из «Нового времени» заметка «Слухи о причине смерти князя Горчакова»; в ней ставились под сомнение толки о том, что «канцлер сделался жертвою преступления», и высказывалось предположение, что «смерть последовала от роковой ошибки при приеме лекарства» (СИ. 1883. 8 марта. № 65. С. 2). На судебном расследовании настояла баден-баденская знакомая кн. Горчакова г-жа Браун, находясь в гостях у которой он скончался.

55

8 марта <1883 г.>

И вчера я был в мрачном настроении, а сегодня, должно быть, еще в худшем. Сегодня посещал покойника, завтра поеду его хоронить.¹

Перечитывал, между прочим, Ваши письма, приводил в порядок, думал...

А скажите-ка мне, что значат и на чем основаны Ваши вчерашние слова: «Я замечала, что Вы *всегда* стараетесь умалить меня в моих глазах»?

Относительно вчерашних моих слов Вы дали удовлетворительное объяснение, в чем показалось Вам «умаление». Но Вы замечали, что всегда. Потрудитесь объяснить.

Чтение Ваших писем убедило меня, что я должен вести себя с Вами осторожно, если хочу Вас беречь: все способно возбудить в Вас тревогу.

Одно место заставило меня улыбнуться: «Пожалуй, и любовь, если» и проч. Милая снисходительность в тоне слышится: «Пожалуй...». Ну, ничего.

А впрочем, весьма скверно на душе.

Посылаю Вам.

1) «Times». Извольте с ним делать, что хотите. Ни той, ни другой статьи прочитать как следует не успел.

2) Корректуру «Радуги»² (1-ю мне присланную).

3) 2-й № «Руси».³

Будьте здоровы и любите меня без «пожалуй», а на вопрос извольте ответить.

Н. Г.

¹ Речь идет о похоронах политэконома и публициста *Василия Ивановича Трескина* (ок. 1844—1883), который с конца 1869 г. до начала 1882 г. составлял для «Современных известий» отдел «Внутренние известия», а с 1870 г. вел там новаторский для русской периодики того времени отдел под рубрикой «Отзывы печати» и, кроме того, опубликовал ряд фельетонов. Скончался от «острой болезни мозга» (см. некролог, составленный Гиляровым: Москва, 9 марта // *СИ*. 1883. 10 марта. № 67. С. 2).

² Речь идет о корректурных листах очередного выпуска «Радуги» (№ 10 от 13 марта 1883 г.).

³ «Русь» — еженедельная литературно-общественная газета славянофильского направления, издававшаяся И. С. Аксаковым в 1880—1886 гг. В № 2 за 1883 г. (от 17 янв.) была помещена обширная руководящая статья «Политическая летопись. Общее обозрение», посвященная анализу ситуации во Франции, Италии и Испании в связи со взаимоотношениями этих стран с Россией. Очевидно, для ознакомления в первую очередь именно с этой статьей Гиляров и передал журнал Гальперсон.

56

9 марта <1883 г.>

Сейчас с кладбища.¹ Измучен я донельзя.

Посылаю корректуру.² Имейте в виду, что «Черты из жизни Наполеона»³ я не читал: следовательно, прочтите с редакторской точки зрения, а не с одной корректорской. Как Вы?

Ваш Н. Г.⁴

¹ См. примеч. 1 к п. 55.

² См. примеч. 2 к п. 55. Видимо, речь идет о дополнении к присланным напечатанным листам.

³ Имеется в виду заметка, в окончательном варианте получившая название «Честолюбие Наполеона I» (о происшествии, случившемся на концерте в Императорской капелле в феврале 1807 г.); опублик. в № 10 «Радуги» на с. 227—228.

⁴ Следующим днем датирована записка, формально адресованная супругу Анны Михайловны С. И. Гальперсону, но обращенная больше к ней и приобщенная ею к нумерованной подборке писем (под № 46). Приведем ее текст:

«Заметка будет помещена, а Вас прошу передать Анне Михайловне, что хотя я вчера сказал, что обозрением не нужно торопиться, но сегодня оказалось, что, напротив, именно нужно поторопиться. Поэтому я прошу ее заняться обозрением немедленно».

Н. Г.

10 марта 1883»

(РО ИРЛИ, ф. 71, № 52, <№ 2>, л. 1). Упомянуто «Обозрение иностранное» для № 10 «Радуги» (было опубликовано на с. 214 этой книжки). Кроме того, там же напечатан неподписанный некролог кн. А. М. Горчакову, составленный, скорее всего, тоже Гальперсон (см. примеч. 2 к п. 53).

57

Совестно мне, голубка, Вас тревожить, очень совестно. Но, если Вам только возможно, Вы утешили бы меня, если бы меня посетили. Ведь Вы и назначали, между прочим, понедельник.¹

Если Вам возможно, уведоьте, я пришлю лошадь.

Н. Г.

13—14 марта <1883 г.>

¹ В 1883 г. понедельник приходился на 14 марта.

58

16 марта <1883 г.>

Вы меня спросили при моем уходе: не расстроился ли я или не рассердился ли (не помню, какое выражение). Да я и расстроился, и рассердился, — *с той минуты*, как Вы меня об этом спросили, и *за то*, что спросили. Не могли Вы войти в мою душу? Не умели или не хотели воспроизвести того, что должно было во мне произойти, когда после райского, безоблачного, светлого утра я попал куда? Ну, как Вам сказать? Дополните сами. Могли выразить участие, сожаление, досаду; а то спрашивает! Друг, это обидно. Тем более обидно, что благодарила меня за утро (которое мне самому доставило блаженные минуты), а о послеобеденном подвижничестве моем ни слова. Да я и не нуждался в выражении благодарности и участия, уверенный, что другая душа ценит мой подвиг. Но вопрос, вопрос-то уж был ужасен. Он мог вытекать только из предположения, что мне было весело иль безразлично читать газеты и писать в данной обстановке, из легкомысленной недогадливости, что я должен был употребить страшное напряжение и потому утомиться и нравственно и физически. Ведь после этого вопроса я мог предположить мысль: «Ну, слава Богу, развязал. Только жаль, что он рассердился». Нехорошо, друг.

Когда я писал Обозрение,¹ я думал между прочим: ну, что если бы меня не было и я ее отпустил одну, что произошло бы? Как бы она поступила в данной обстановке? И ответа не умел дать.

Г.-П.

¹ Речь идет о «Внутреннем обозрении» для № 11 «Радуги» от 20 марта 1883 г.

16—17 марта <1883 г.>

Знаете, о чем я думал весь день, думал до сего часа; думал вчера, возвращаясь домой; думал, ложась спать; думал, вставши; думал, не прерывая мысли? Я не говорил с Вами, но я писал мысленно, писал до утомления, до боли... Наконец, неизбежность писать передовую статью вывела меня из состояния, поистине несносного. Спустил передовую и корректуры и пишу сей Вам рапорт. Он будет короток и сух; мысленным писаньем я изможден. Я написал целую книгу.

Прочел Вашу цидулку. Она кончается словом: «Не скучайте!». Как это мило сказано! Что это значит? Вам, что ли, очень весело? Очень рад. Или Вы намекаете на вчерашнюю решимость не являться ко мне впредь до моего требования?

Я и не скучал, а болел душою и болел за Вас. Вчерашний вечер произвел на меня чрезвычайное впечатление. Хотя, в сущности, ничего нового я не услышал, чего бы уже не знал от Вас или сам не воспроизводил на основании известного, но никогда в такой живости я не представлял Вашего положения и никогда так глубоко и горячо не воспринял.

Но полно об этом, а то, пожалуй, начну книгу. Вы задаете мне трудную задачу — назначить день посещения Оружейной палаты.¹ За нами еще день посещения фотографии.² Если мне выбирать, я никогда не выберу, между прочим, и потому, что не знаю Вашего времени.

В сегодняшних «Известиях» одну статью я поворотил в «Разные»;³ в другой, поправляя фразу, улыбнулся: Вы перескочили совсем на другой берег, — говорите о предположениях, представляемых Порте. Я полагаю, «представлявшихся», то есть самой Порте приходили в голову предположения, а не ей представляли другие.⁴

Пиша книгу, я сгорал желанием перелить в Вас все, что только есть во мне добытого опытом, размышлением, чтением, всю душу, весь ум, какой есть, и падал в бессилии. Но, впрочем, я опять заговариваюсь. Пожелайте мне высвободиться от одолевшего меня впечатления.

В заключение Вам строгий от меня выговор. Может быть, и следует перо не оставлять в чернильнице; но по милости этого одно перо у меня пропало; Петр⁵ тщетно искал его и на кресле, и на полу.

«Нужно бы спросить: чего не сделаю?» Гм, понятно, ибо я ничего никогда не потребую, кроме полезного для нее же. Но что я для нее* сделаю? Что могу сделать? И как бы это сделать?

Опять заговорили. Ну, повторю Ваше слово: не скучайте.

Н. Г.

¹ Оружейная палата в Кремле, предназначенная для хранения и экспонирования сокровищ царской казны, стала дворцовым императорским музеем еще в начале XIX в. В 1844—1851 гг. К. А. Тон возвел для него здание на месте разобранного Конюшенного двора XVII в.

² Вероятно, речь идет о посещении фотоателье И. Г. Дьяговченко. См. п. 41 и примеч. 1 к нему.

* Слова для нее вписаны позднее между строк.

³ Имеется в виду заметка «Императоры у ног бедняков», опубликованная под рубрикой «Разные известия» (СИ. 1883. 18 марта. № 75. С. 3) — о следовании представителей австрийской императорской фамилии старинному обряду омовения ног бедных стариков в Великий четверг. Атрибутируется по характерному авторскому символу-значку, предпосланному заметке и совпадающему с теми, которыми снабжены материалы «Иностранных известий». О рубрике «Разные известия» см. примеч. 3 к п. 27.

⁴ Речь идет о начале заметки «Тарифы», помещенной, правда, в предыдущем номере газеты: «Константинопольский корреспондент „Times’a“ передает подробности о затруднениях, представляющих Турцию при возобновлении тарифных договоров» (СИ. 1883. 17 марта. № 74. С. 3).

⁵ Вероятно, П. П. Федорович. См. примеч. 1 к п. 21.

60

17—18 марта <1883 г.>

Когда я возвращался в 11 часов домой, знаете ли, я думал, что найду Вас у себя? Думал: я отказался от ее обязательного предложения, а она возьмет и сделает мне сюрприз.

Сегодня скажу опять Вам: «Не все разом!». Вы уже валиете петитом, чего совсем не следует.¹ Мало ли какие слова или мнения передаются? *Петитом набирать только речь в палате, ноту и тому прочее с буквальным текстом*, а не такую передачу, где даже встречаются собственные вводные слова, вроде «говорит газета».²

Когда?³

Н. Г.

¹ Гиляров пишет о материалах, опубликованных под рубрикой «Иностранные известия» в № 75 «Современных ведомостей» от 18 марта 1883 г.: в большинстве своем они почти полностью набраны петитом, обозначая прямые цитаты из зарубежных газет.

² Имеется в виду следующие слова, выделенные петитом в заметке «Английская печать о египетском вопросе»: «Посланнику, говорит газета <«Times»>, было объяснено...» (Там же. С. 3).

³ Гиляров спрашивает о сроке очередного свидания.

61

19 марта <1883 г.>

И ума не приложу, родная моя, что бы такое могло вчера не то что расстроить Вас, но привести в нервное состояние, а на меня навести головную боль, которая, положим, отчасти произошла от более материальной причины, от того, что ужинал. Но, во всяком случае, Вы были хороши в начале: стало быть, в течение самого сеанса¹ Вы были потревожены чем-то. Я положил, что нарушение тихого равновесия, которое в других случаях так бывает хорошо, последовало от препирательства о проигрыше, а это препирательство и напряжение, которое им вызвано, условлено было Вашей несчастной сдержанностью, от чего бы она ни происходила. Сдержанностью я называю эту вечную неуверенность и сомнения. Вы затруднялись определить, что было бы мне от Вас приятно! Вдумайтесь, родная; ведь я должен

этим не то что обижаться, а серьезно огорчаться. Вы затруднялись, Вы не знали, а? Что же это значит? Как это назвать? Ну, если бы даже действительно Вы предложили бы что-нибудь недостаточное (неприятного Вы не могли предложить, Вы это знаете): что же бы в этом была за беда? Я сказал бы: «Ишь ты, мало!». Вот и все. Нет, Вы упорно отмалчивались, отрекались от назначения, и это легло-таки на меня, не скажу, камнем, а камешком на сердце. А Вы меня журите за сдержанность! Будьте милостивы и справедливы. Я имею тысячу оснований, ну, положим, хоть и не тысячу, но они весом своим равняются тысяче; я имею тысячного веса основания быть сдержанным и осторожным, и в числе оснований — именно Вашу сдержанность и мнительность. Вы помните, что меня повергали даже в какое-то нервное состояние Ваши бывалые слова: «Да Вы знаете!». Я в сердцах не читаю, друг мой, и моя недогадливость, неспособность замечать достойна служить предметом анекдотов. Это коренной недостаток моего характера вследствие одиночества воспитания; отсюда моя несчастная доверчивость.* А Вы хотите, чтобы я ловил неуловимые речи, еще менее уловимое молчание и выводил заключения. Будьте милостивы! Не могу, не могу, не умею! По поводу чего-то — да, кажется, единственного числа — получил я напоминание: «Я сказала, что не хочу накладывать на себя рук: Вы могли заключить...». Заключить! Все «заключить»! Знаете, друг мой, это даже — несколько унижительное положение. Вчера была минута, когда я почувствовал особенный прилив дружеских чувств (это выражение едва ли не Вам принадлежит, то есть «прилив», и я нахожу его счастливым); и Вы заметили, что я внезапно сделался сумрачным. Я Вам объяснил причину (впрочем, по-Вашему, я должен бы сказать: «Да Вы знаете!»). Мне показалось тогда, что в Вас произошло мимолетное какое-то, не то насмешливое, не то пренебрежительное движение. Может быть, мне только показалось, но показалось, и то, что *могло* мне показаться, это уже прискорбно. Не правда ли, дружок?

Вы огорчаетесь? Не огорчайтесь; но Вы должны меня выслушать, — выслушать вот что: «Вы обязаны знать, что мне от Вас приятно». Слышите, обязаны. Если Вы не знаете, не уверены, это уже не дружба. А затем Вы лишены всякого нравственного права огорчаться на мои сомнения, которые имеют двойное основание. Поймите, что тяжело, до некоторой степени, повторю, унижительно даже, не только ожидать, как бы не произвело какое-нибудь невольное слово или движение какого-нибудь нежелательного впечатления, но даже слышать успокоение: «Напротив, это мне приятно, это облегчило».

Сказавши Вам вышеписанное, я свалил гору с плеч. Если Вы скажете, что не можете, что такой у Вас уж несчастный характер, то лучше не говорите. Это нимало не успокоит; напротив, убедит только меня, что между нами предвидятся вечные, нескончаемые недоразумения. Я с своей стороны постараюсь не давать

* Далее зачеркнуто: Отсюда.

ни себе, ни Вам к ним повод; может быть, удастся. Но вот мой совет, не относительно меня, а относительно вообще отношения к людям. Будьте развязнее. Но, впрочем, я об этом уж Вам говаривал, помните, насчет вопросной формы просьба? Это — гордость, один из непривлекательных видов гордости, которые могут быть прощаемы только друзьями.

Ожидаю я, друг мой, что Вы пробежите «Новости текущей журналистики», последние и предыдущие, с известною Вам целию.²

Ожидаю я, что Вы дадите мне о себе весточку. Конечно, до понедельника недалеко, но дайте мне питание и в эти два дня.

Ожидаю и желаю (я забегаю уже вперед), что глаголами³ будете заниматься Вы не потому только, что оказываете дружескую мне услугу. Полюбите это дело, проникнитесь его важностью, смотрите на него как на часть своей души, потому что, как я говорил Вам, истинное, душевнейшее удовольствие было бы для меня поставить в будущем труде рядом наши имена. Утешением было бы для меня, в случае если не удастся привести труд к окончанию, оставить после себя человека, который бы в состоянии был бы издать и, может быть, даже докончить работы. Часть их мне советуют отправить в Публичную библиотеку.⁴ Это я и сделаю, но будьте в этом пункте моим душеприказчиком. Мне приятна будет мысль, что в этом деле я не умер и что продолжусь именно в Вас.

Затем, да хранит Вас Бог от всяких огорчений и от всяких расстройств. Но попомните, моя родная, раз навсегда (и я это говорю в последний раз, больше не буду к этой материи возвращаться), что Ваша мнительность (если таковая есть, а не есть это признак простого отсутствия, потому что нечего и сдерживать) бывает немалым источником моего душевного стеснения.

Н. Г.

¹ Имеется в виду свидание наедине. См. также п. 73.

² Рубрику «Новости текущей журналистики» вел в «Современных известиях» А. В. Круглов, к качеству работы которого у Гилярова были большие претензии (см. п. 13). Здесь имеется в виду обзор мартовских книжек журналов «Наблюдатель» и «Вестник Европы»: *Кругл. <Круглов А. В.>. Новости текущей журналистики // СИ. 1883. 18 марта. № 75. С. 2—3.* Предыдущие его статьи, как и эта, выходили еженедельно по пятницам (с начала 1883 г. всего 9); в них представлено обозрение очередных выпусков таких изданий, как «Отечественные записки», «Русская мысль», «Дело», «Русское богатство» и др.

³ См. примеч. 1 к п. 36.

⁴ Вероятно, имеется в виду все же Императорская Публичная библиотека в Петербурге, а не Московская городская Чертковская Публичная библиотека, основанная в 1863 г. (ныне Государственная историческая библиотека). Местонахождение основной рукописи гиляровского исследования о русском глаголе нам неизвестно.

Чудная, чудная! Разве я сомневаюсь? Разве я утверждал положительно, что было насмешливое или пренебрежительное движе-

ние? На одно мгновение мне *показалось*, но худо и то, что *могло* показаться; вот о чем моя была речь. А речь эту я вел к тому, что расстройство Ваше проистекло от перекоров наших о проигрыше. А перекоры эти от чего? От Вашей несмелости или неуверенности, или как еще сказать? От незнания о том, что мне будет приятно, — незнания, в котором Вы себя только уверяете, а необходимо оно есть в Вас; то есть Вы должны были отлично знать, чем можете меня порадовать, утешить, согреть. А следовательно, совершенно напрасно было напряжение и напрасно расстройство. Не знаю, ясно ли я выражаюсь.

А отчего мне *могло* показаться? Не говоря о каком-нибудь частном случае, — от того, что я знаю Вашу нервность. По тому же самому я и твержу себе, что надо обходиться с Вами бережно, как с хрустальной посудой. Что ж, Вы этим недовольны? Да, недовольна; она прямо это и говорит. Да почему же? Должна бы за это быть благодарной; подумайте-ка, дружочик, об этом.

«Пожалуйста без оглядки!» Ах, ах, чудная! А Вы без оглядки, без удержки? Да уж такова удержь, что с языка не шло определение проигрыша. Как же Вы после того даете мне такой совет? И почему Вы его даете? Чем мое правило Вам неприятно? Отдаете ли Вы себе отчет в этом? Не полагаете ли, что в моем правиле, которое, впрочем, я и нарушаю тоже, заключается какой-либо упрек Вам? Избави Бог.

Но я боюсь, этими рассуждениями не подбавляю ли Вам расстройств. Вы вчера описали мне свое состояние: как оно мне известно! Оно-то чаще всего со мной и бывает; оно-то и влечет мысли о смерти и подобные, потому что в такие минуты чувствуется упадок сил душевных и физических. Как это я знаю, друг мой! И вот что скажу: если бы в эти минуты упадка Ваших сил, в этот час, который зовет, по-видимому, ко сну, к успокоению, явился к Вам друг, его появление, его ласковая речь привели бы Ваши нервы в равновесие. По себе разумевайте и о других: что Вам от меня приятно, то и мне от Вас. Да Вы это и знаете, и прошу Вас, ведите себя сообразно с этим знанием. А я с своей стороны буду выразумевать яснее и яснее и то, что Вам от меня приятно.*

Но, впрочем, я все мелю и начинаю сомневаться, посылать ли уже Вам это письмо. Я его начал еще вчера, но разорвал. Оставить Вас совсем без письма? Жалко и Вас и себя; посылаю.

Сегодня ночь я Вас видел во сне неоднократно; должно быть, и Вы обо мне сильно думаете; сердечно благодарю.

На нынешний раз, удивительно, я считаю не только сутки, но часы. А Вы? Есть у Вас нетерпение? Хорошо, если бы не было, потому что это тягостное чувство.

Итак, помните: понедельник, среда, пятница, суббота. Ну, а что, если это будет сопровождено с каким-нибудь лишением для Вас? Нет, я этого не хочу и потому прошу Вас объявить мне это без церемоний; не отказывайте себе ни в чем, найдете меня еще чем-нибудь.

* Все это предложение вставлено позже между строк.

До свидания. Бодритесь, верьте в меня и в себя; особенно последнее; верьте в себя побольше, пожалуйста.

Н. Г.

Писульки жду, и знайте, что я в таком расположении, что по отношению к ней позволю себе дурачество или ребячество; просто, чувствую в нем потребность.

63

20 марта <1883 г.>

Вы описываете состояние одного, близкого моему сердцу человека¹ и спрашиваете, как, по моему мнению, назвать подобное состояние. Вы это серьезно спрашиваете или шутите? Ожидаю ответа.

Посылаю Вам листочек, который завтра же Вы и возвратите. Фельетон, помните, который Вам показался глуповатым, сегодня вышел,² и смотрите — он произвел даже впечатление, и какое!

Ну, что еще Вам сказать? А вот что: ответьте, присылать ли лошадь. То есть я послал бы лошадь во всяком случае, но употребляю способ, которому Вы же меня выучили, чтобы получить от Вас письменное уведомление.

Кстати, мне очень жалко, что Вы слишком хорошие конверты трагитесь: это министерские, так называемые конверты.

До свидания.

Н. Г.

Так как же это называется?

¹ Подразумевается сама Гальперсон.

² Речь идет о публикации: *Светелкин Вл.* Жертва столицы: (Факт из московской жизни) // *СИ.* 1883. 20 марта. № 77. С. 2—3. В очерке излагается трогательная история бедствий потерявшего место в провинции и приехавшего в Москву молодого счетовода, который был до нитки обобран мошенниками и стал обитателем трущоб Хитрова рынка. Малоизвестный литератор Светелкин в этот период регулярно публиковал в гиларовской «Радуге» свои стихи.

64

Марта 21 <1883 г.>

«Все к лучшему»: ¹ вот что сказал я сам себе по прочтении Вашего письма, дорогой друг. Вы услышите и увидите Поссарта;² это будет высокое эстетическое удовольствие. Радуюсь заранее Вашею радостью и мысленно делю Ваше удовольствие.

На вопрос Ваш, пришлю ли я за Вами завтра, отвечаю: «Сомневаюсь». Вечер завтрашний, как кажется, не будет у меня свободен, и поэтому-то в особенности, хотя и не без грусти, сказал я самому себе: «Все к лучшему». К заключению этому привели меня последние слова Вашей записки, что, слыша Ваши восторженные слова обо мне, *многие призадумались* и что *никто* не верит, чтобы Вы ездили по делу. Прежде всего — Ваше спокойствие, и я был бы недостойн самого себя, если бы, рискуя Вашим спокойствием, сдался

на эгоистические желания. Я же притом сам вызвался «оглядываться» за Вас. Оглядываюсь, или, точнее сказать,* — оглядываю Вас на сей раз и говорю решительно: я не хочу, чтобы Вам кололи глаза и ставили пики, особенно если эти таинственные *никто и многие* таковы, что мнение их может иметь для Вас значение. Нет, я не хочу, друг мой, подвергать Вас каким-нибудь неприятностям. Разрешаю** Вас от Вашего проигрыша. Что проигрыш? Шутка. И ради этой шутки вызывать на Вас неприятность! Сохрани меня Бог! Я иду далее, друг мой; я готов расширить нашу разлуку еще на более продолжительный срок, хотя бы даже более недели. Что ж, я с Вами мысленно остаюсь всегда; надеюсь, нет,*** я уверен (теперь, по крайней мере), что и Вы мысленно не отходите от меня. Но Вы будете спокойнее, а спокойствие, благоустроенные нервы всего Вам нужнее. «Физический или нравственно, но я больна» — так Вы писали мне в одном письме. Верьте, эти слова мне глубоко запали в душу, так глубоко, что я долго сидел задумавшись по прочтении Вашего письма. Оттого-то, между прочим, так и были Вы в эти дни**** неотступны от моей мысли, скажу больше — от моей души (потому что не оставляли меня даже и во сне). И что же, стану я прибавлять Вашей болезни? Не употребляю всех зависящих от меня усилий, чтобы делом, советом, чем могу, восстановить в Вашей душе мир и добиться Вашего физического излечения.

Не буду, родная, распространяться — что не дописано в строках, то дочитаете сами за строками. Перехожу к обиходным предметам.

1) Вы уже недоумеваете, есть ли у Вас вкус. Он есть, но Вы отнеслись к фельетону с высшей эстетической точки. Письмо на него есть не мистификация, а голос тронутых людей. Это не в первый раз. И как оказывается,***** рассказанный случай есть действительный в самом деле случай.

2) Спрашиваете о второй «экскурсии», знаете что? Вместо экскурсии в грамматику³ я делаю экскурсии в Малый Харитоньевский переулок.⁴ Сосчитайте сроки и потом выведите заключение. Затем Ваше упоминание о таинственной знакомой (все Ваши знакомые и знакомыя***** с неизменной точностью рекомендуются мне, как NN, ZZ и YY) произвело на меня — не подивитесь — скорее обратное впечатление, нежели какое даете и желаете. Чтоб писать второе письмо, мне надо забыть сперва о неизвестной незнакомке и ее отзыве. Долго Вам разъяснять психологическую причину, но если Вы, поставив себя на мое место, вникните, Вы поймете.

3) До личного свидания оставлял было я замечания, что я Вас иногда положительно не узнаю. *Мадьяризирование*. Друг, на что это похоже?

* Далее зачеркнуто: разглядываю Вас.

** Разрешаю — здесь: освобождаю (црксл.).

*** Далее зачеркнуто: пока.

**** Слова в эти дни вставлены позднее между строк.

***** Было: оказался.

***** Далее зачеркнуто: на.

Не я ли Вам дня за два* читал об этом ужасном *ировании*, а Вы даже еще и сочинили свое слово. Наскоро я поставил *мадьяризация*;⁵ но неужели нельзя было избежать слова и обойтись глаголом *мадьярить*, как есть глагол *немечить*?

Письмо это получите Вы, когда уже будете полны впечатлением от Поссарта. Не завидую, но радуюсь за Вас. Берегите хорошие впечатления.

Беспокоит меня Ненароков,⁶ на которого между тем был у меня серьезный расчет.

К среде или четвергу⁷ не наберется ли материалов для обозрения?⁸ Ваше обозрение, Вы видите, я оставил почти целиком; но не особенно радуйтесь этому: оно суховато, мало смочено и подкрашено.⁹

Ваш сердечно Н. Г.

¹ Возможно, Гиляров отсылает не только к поговорке «Что ни делается, все к лучшему», но и к знаменитому выражению из философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759): «Всё к лучшему в этом лучшем из возможных миров».

² *Эрнст Поссарт* (Possart; 1841—1921) — знаменитый немецкий трагик, художественный руководитель Мюнхенского придворного театра, гастролировал тогда в Петербурге. В тот день он выступал в одной из наиболее известных своих ролей — Натана Мудрого в одноименной драме Э. Лессинга (в «Немецком театре» на Петровке). См.: Зрелища // *СИ*. 1883. 21 марта. № 78. С. 4.

³ Имеется в виду второй философско-лингвистический очерк Гилярова из цикла «Экскурсии в русскую грамматику», написанный с запозданием и напечатанный под названием «Письмо второе. Почитайте родителей» только в № 22 «Радуги» от 5 июня 1883 г. (с. 498, 500, 502; публикация текста перебивалась иллюстрациями; подпись «Н. Г-в»). См. примеч. 1 к п. 42.

⁴ Т.е. к Гальперсонам. См. примеч. 2 к п. 1.

⁵ См. начало заметки «Австро-Венгрия: (Средние учебные заведения)», опубликованной под рубрикой «Иностранные известия»: «Вопрос о среднеучебных заведениях, несмотря на прекращение парламентской сессии, не сходит со столбцов австрийских и венгерских газет. Первые уверяют, что закон об этих заведениях клонится к мадьяризации саксонского и румынского образованного класса, мадьярские же оспаривают это мнение» (*СИ*. 1883. 21 марта. № 78. С. 3).

⁶ О В. Ф. Ненарокове см. примеч. 3 к п. 20.

⁷ Т.е. к 23 или 24 марта.

⁸ Имеется в виду «Обозрение иностранное» для № 12 (вышел в свет 27 марта).

⁹ Речь идет об «Обозрении иностранном» (Радуга. 1883. 20 марта. № 11. С. 234), действительно представляющем собой излишне краткое перечисление фактов. Гальперсон учла замечание и очередное обозрение (для № 12) сделала более обстоятельным и сюжетным.

24 марта <1883 г.>

Родная моя, хорошая моя (повторяю Ваше обращение), не досадуйте, что я Вас не застал, потому я и заезжал-то на одну минуту. И вышло к лучшему, а то Вы ведь задержали бы меня, пожалуй. Я заехал к Вам, потому что чувствую невыразимую тоску, такую тоску, что, кажется, бросился бы в реку: состояние неопишемое. Я мечусь, я не знаю, что делать, чем бы себя привести в порядок.

* Далее зачеркнуто: писал.

Но не хочу наводить на Вас грусть. Я приезжал Вам сказать одно слово с вопросительным знаком: когда?¹ Вчера мы не дошли до этого вопроса. Но зато Вы были так добры, что напомнили сами о моей уборке. В переводе на мой язык это будет значить, что я заполучу Вас на целый день. Чем скорее, тем я буду благодарнее.

Когда?

Поссарта я не увижу,² и не жалейте об этом. Я теперь труп, вот что. Куда мне чем-нибудь развлекаться?

Н. Г.

¹ См. примеч. 3 к п. 60.

² Э. Поссарт (см. о нем примеч. 2 к п. 64) выступал на сцене Немецкого театра с 21 по 28 марта ежевечерне (см.: Зрелища // *СИ*. 1883. 22 марта. № 79. С. 4) и имел большой успех. См. об этом: *Васильев С.* Представления Поссарта // *Московские ведомости*. 1883. 31 марта. № 90. С. 3—4.

66

26 марта <1883 г.>

Не можете ли найти статью, о которой говорит прилагаемая вырезка? Ее стоило бы даже перевести. Во всяком случае, очень желал бы я видеть ее сегодня же, если можно. Это материал для передовой статьи.¹ Пожалуйста, поищите.

Отчего же Вы вчера не были? А я Вас прождал и нарочно сидел дома. Воскресный² вечер, Вы знаете, у меня несвободен.

Н. Г.

¹ Обстоятельная передовая статья, основанная на иноязычной периодике (лондонской газете «Daily News» и петербургской «Journal de St.-Petersbourg») и посвященная захвату Англией Египта, а также перспективам русско-британских отношений в связи с ситуацией в Средиземноморье, увидела свет уже на следующий день (см.: *СИ*. 1883. 27 марта. № 84. С. 1—2). Очередная передовица такого рода — только 31 марта (№ 88. С. 2).

² Воскресенье в 1883 г. приходилось на следующий день, 27 марта.

67

26 марта <1883 г.>

Из прилагаемой при сем вчерашней записки Вашей Вы усмотрите, что Вы просили меня об уведомлении лишь в том случае, если мне нужно уйти и принять Вас нельзя. Каким же это образом Вы дожидались от меня уведомления и потому не были? Чудно.

Досадно, что именно на тот-то раз, когда бы особенно нужно было, газет-то и нет.

Ваш *Н. Г.*

68

30 марта <1883 г.>

А я было надеялся, родная моя, видеть Вас сегодня. Что же делать, покоряюсь. А Вы вот что ответьте. Я отложил Францию до свидания

с Вами. Говорится о беспорядках, происходивших в *Валенции*. Но Валенция в Испании, дружочек. Я думал — идет дело об Испании; между тем, упоминается *Рона*.¹ Где же наконец? Ответьте.

Вам скверно, и оттого не можете. А мне советуете видаться с Вами, когда мне скверно и потому что скверно. Грустную мысль это на меня наводит, что я не могу давать Вам того душевного бальзама, который от Вас получаю.

Дорога колесная — хорошая,² что Вы! Я нарочно вчера пробовал.

¹ Речь идет о заметке Гальперсон «Франция: (Армия спасения)» (СИ. 1883. 1 апр. № 89. С. 3). В исправленном варианте вместо испанского города Валенсия (Валенция) — французский Валанс, расположенный на левом берегу р. Роны.

² Подразумевается дорога на дачу Гилярова (см. п. 69), находившуюся в Петровском-Разумовском (см. о ней примеч. 3 к п. 34).

69

1 апреля <1883 г.>

Вот Вы меня, родная, и навели на думу. У Вас осталось от вчерашнего тяжелое впечатление: скажите, ради Создателя, чем я Вас огорчил? Что такое сделал? Не умею сказать, как это меня огорчает.

Для Вашей слабости посылаю Вам бутылку коньяку. Жалею, что лично не могу следить за правильным, периодическим употреблением его* с молоком. Но если Вы удостоиваете меня воспоминанием каждый день, то каждый же день и каждый раз, как Вы вспомните о Вашем душевно преданном друге, вспоминайте и об обязанности употребить его коньяк.

Родная моя! На дачу, говорят, проехать можно, но с трудом двигаться можно по самой даче. Поэтому воскресенье¹ под сомнением. Но если Вы задавали вопрос о воскресенье с готовностью меня сопровождать, то отдайте, все равно, мне** утро воскресенья. А? Что на это скажете?

Уведомьте же, чем я на Вас произвел тяжелое впечатление.

Н.Г.

¹ 3 апр.

70

1 апреля <1883 г.>

Да, Вы действительно несчастная, друг мой. Знаете? Неприятное, почти злое чувство охватило меня, по прочтении последней Вашей записки. (Успокойтесь, это была минута, и злое чувство уступило место глубокому состраданию.) Посланный коньяк Вы считаете *подарком*! Вы *вспыхнули*! Вы испугались, что между моею прислугою и у Вас и проч. Как у Вас, я не знаю; может быть, и действительно такие особенные головы, которые способны к толкованиям навыворот.

* Исправлено. У Гилярова: ее.

** Слово мне вписано между строк.

Но у меня именно относительно-то этого обстоятельства, то есть коньяка, должны быть самые простые, естественные представления. Скорее может показаться не совсем обыкновенной наша слишком частая переписка. Вам скажу более (когда Вы судите наыворот, то и нижеследующее Вы поймете, пожалуй, особенно и затревожитесь), скажу более: за коньяком посылал даже не я, а Мансфельд. Мы с ним говорили о Вас, я сказал о Вашей слабости, сказал, что Вы negliжируете* своим здоровьем, что при малокровии Вам надо бы и советуют молоко с коньяком, но Вы, кажется, не очень аккуратны. Мансфельд подтвердит, что в Вас ни кровинки. Не помню, я ли сам первый сказал, что как-нибудь хорошо даже отвезти коньяку, чтобы, так сказать, заставить Вас** позаботиться о себе. Мысль, одним словом, пришла нам разом обоим, а Мансфельд как скорый на все сейчас отправил Семена¹ в магазин, настояв, чтоб тотчас же он был отправлен; с участием говорил, что, вероятно, там, на Мясницкой,² и молоко-топлохое. С моей стороны был расчет, чтоб Вы именно не забывали принимать средство, которое было рекомендовано, между прочим, и моей невестке.³ Так это подарок!? Это, сударыня, *напоминание*. Стыдно, стыдно. И такую вещь, как коньяк, я должен был вручить лично!!! Послушайте, это наконец ни на что не похоже.

Но злое-то чувство еще не от того, а от того, что **Вы** оглядываетесь, поймите — **Вы**, а не я, и это меня злит, даже более чем злит, — может породить недоброе чувство. Вы пишете о моей тревоге, Вами якобы угаданной. А я только теперь, по прочтении Вашей записки, догадался, что бы могло быть предметом Вашей догадки. Тревога моя была простая: не навел ли я на Вас скуку, утомления, не сказал ли чего, не сделал ли чего. Одним словом, я не знал и искренно спросил, не огорчил ли я Вас чем. А **Вы**, значит, подмечали и записывали в уме и теперь успокаиваете; по правде сказать, успокоение такое*** хуже выговора.

Я прихожу куда-нибудь; кажется мне, что хозяева не в удовольствии; объясняюсь, меня успокаивают: «Верьте, верьте, мы Вас считаем хорошим знакомым и не посмеем предположить, что Вы что-нибудь у нас украдете». Как Вам покажется такое успокоение? И как Вы думаете, что мог бы тревожившийся сказать в ответ на такое успокоение?

Ну, однако, не сердитесь и не огорчайтесь моим письмом. Я приписываю Ваши неловкости Вашим нервам и Вашему малокровию; извольте принимать с молоком коньяк, запивая им мысли обо мне. Друг, друг, как бы я желал Вашего выздоровления! Вы молоды, в Вас превосходные задатки; Вы нужны, можете быть нужны, будете нужны; а потому о здоровье не должны небрежеть. Я уж другое дело. Мансфельд уговаривал меня сегодня ехать завтра к доктору. Зачем! Ближе к концу. Кому я нужен, кто обо мне пожалеет, оставлю ли я в чем-нибудь

* У этого слова сверху поставлена «звездочка», отсылающая к приписке на полях: «Есть ли у нас „negлижировать“?».

** Последующие три слова вставлены позднее между строк.

*** Написано сверху над зачеркнутым: это.

пробел после себя! Несколько лиц (Вы в том числе несомненно) почувствуют утрату, — утрату, впрочем, очень вознаградимую. И только.

Сегодня утром думал о Вас и досадовал, что Вы не учились древним языкам; филологический смысл Ваш был бы еще шире. Вы усмехнулись вчера, когда я сказал, что завидую Вашим дарованиям; без шуток, они очень велики. А Вы скажете, что во мне-то есть?

На воскресенье Вы по слабости, может быть, и не в состоянии разбираться. А Вы думаете, я буду Вас утруждать? Ай, ай, как это нехорошо. Но я рассуждал так: утро на поездку она решает отдать; отчего не на визит? А тогда, может быть даже, и поедет.

Но я разболтался. До свидания. А все-таки, как вспомню, досадно на Ваши дрянные нервы.

Н. Г. (См. на обороте.)

Пробежал свое письмо и не знаю, будет ли оно Вами понято во всей силе. Я колебался даже, посылать ли его. Успокойте меня ответом, что Вы не огорчились, и если с чем не согласны, то при свидании объяснимся. Ах, как бы хорошо без всяких объяснений, без всяких противных догадок, без всяких обидных успокоений!

— — —

Обозрение Ваше сдал в типографию; но что буду делать с внутренним обозрением, ума не приложу.⁴ В присланном Вами ничего, в сущности, нет; поищите, припомните, не случилось ли чего еще, не было ль какого происшествия...

¹ Видимо, служитель при редакции, но не исключено, что это *Семен Денисов* — муж Юлии Михайловны, сестры Гальперсон.

² Малый Харитоньевский переулок, где жили Гальперсоны, отвечается от Мясницкой улицы (расположен перпендикулярно к ней).

³ Речь идет о жене младшего сына Гилярова Алексея Никитича — Вере Григорьевне Гиляровой (урожд. Кишкина; ?—1921 или 1922), в то время работавшей при конторе «Современных известий» — она вела учетные приходо-расходные книги.

⁴ Имеются в виду Обозрения — внутреннее и иностранное — для № 13 «Радуги» (вышел в свет 3 апр. 1883 г.); опубл. на с. 281 и 282 соответственно.

71

2 апреля <1883 г.>

Что Вы меня спрашиваете: когда? Негодная! Разве Вы не понимаете, что чем раньше Вы будете, тем больше будет мне удовольствия. Может быть, мы с Вами займемся разборкой; может быть, мы с Вами поедем¹ и, может быть даже, я Вас повезу, то есть буду за кучера. Вам это будет не противно? А может быть, ни то, ни другое, а займемся делом не механическим, а умственным.

Я бы за Вами и прислал, но не знаю когда. Может быть, и пришло. Если в 11 часов лошади не будет, значит, не пришло, что-нибудь помешало.

Ну, что ж Вы не отвечаете, будете Вы принимать мой коньяк?

Н. Г.

¹ Речь идет о совместной поездке на дачу Гилярова.

4 апреля <1883 г.>

Друг, друг! «Вы моя радость, Вы моя гордость», — сказал я Вам вчера. Да, Вы и радость моя, и гордость моя; но Вы моя и печаль. Да, печаль. Печалюсь я, во-первых, за Вас, за недостаток в Вас бодрости. Тогда бы мне оставалось только на Вас радоваться и вместе радоваться отчасти за себя. Говорят, ничего нельзя сравнить с радостным чувство<м> матери, только что разрешившейся живым существом. Должно быть, иногда вроде того чувствую и я, когда гляжу на Вас, когда слышу, когда читаю Вас. Я думаю тогда: и я тут кое при чем, и мне сладко, и хотелось бы быть не при кое-чем только, — при многом, при наибольшем. Без сомнения, это и будет. Роль моя при этом не обширна: только вдохнуть бодрость, все остальное Ваше.

Только счастливый случай дал мне быть огнивом, чтобы из кремня, Вас, сыпались искры. Все равно, они не пропали бы. Не все бы пошлость окружала Вас; не сегодня, завтра случай, который Вы обрели во мне, представился бы Вам. Итак, печаль за Вас у меня еще небольшая, мимолетная. Я в Вас верю, и хворь Ваша, Ваше уныние наводит кратковременную грусть. Но печалюсь за себя. Минуты, часы радости вознаграждаются днями страшного уныния. Так было и вчера. Вы видели, Вы слышали, Вы осязали мою радость, радость совершенно ребенка. Я не знал, ее чем выразить. Вы мне это прощаете, я уверен. Мало того, Вы были обрадованы сами детскими излияниями солидного степенного человека: они должны были утешить Ваше смиренномудрие, должны были польстить Вам при том, может быть, незаслуженно высоком мнении, которое Вы о мне составили. Но по уходе Вашем я погрузился в неопisanную грусть. Цепь размышлений, одно другого горче, потянулись, для Вас непонятных, неуместимых, потому что Вы даже отдаленным образом не можете представить всей бездны душевного и духовного одиночества, в которой я обретаюсь. Мне разделить себя не с кем, не с кем, не с кем. Я, как уже выражался Вам некогда, каторжанин, прикованный к тачке, которую вынужден тащить для кого, для чего? Убийственно мне смотреть на беззаботные, подчас веселые лица окружающих, для которых для всех я не более как только вол подъяремный. А что этот вол, каково ему? Каково ему и физически, не говоря уже о нравственных заботах, страданиях, идеалах, о всем, чем наполнена, болит, радуется, сжимается и расширяется душа?

Сто тысяч раз я думал и вчера после ухода Вашего снова возвратился из этой вечной своей мысли, что я нравственный урод, сшившийся не по мерке ни времени, ни среде, и в этом смысле лишнее существо. Мое существование есть какое-то недоразумение, и мне жить в обществе, собственно, не подобало бы. Я из него и бегу, как Вы видите, сторонюсь его. Мне следовало бы быть пустынноиком, монахом, беседовать с книгами, с Богом, работать отчасти физически, отчасти духовно. В последнем смысле сделал бы я довольно, и каковы бы ни показались современникам мои труды, я утешен был бы мыслию, что потрудился, что долг свой исполнил. Но и того не могу. Могу,

но нет орудий выполнить. Переводя на житейский язык, я должен передать кому-нибудь свои издания, типографию, фабрику,¹ выговорить себе на прожиток какую-нибудь умеренную сумму. Вот все, что мне надо. Я не избалован. Если такие утешения и мелькают мне вроде хороших сигар или хорошего молока, я и те отсекаю и охотно мирюсь с их отсутствием. Но как же этого достигнуть, что я должен для этого сделать, где найду людей, к кому обращаться? Я же не могу ведь ни дня оторваться, ни полдня посвятить на свое устройство.

Вы подивились употреблению местоимения «Вы» в моем семействе.² Вы говорите, что это нехорошо; но зато это правдиво. Я и сыновьям говорю иногда «ты», иногда «Вы», и правильное было бы* звать их всегда «Вы». Что такое? Нас соединяет связь физическая рождения? Что за связь, что за животность, когда не существует рядом духовного единства и нравственного союза! Ах, подальше бы, подальше, куда-нибудь в пустыню, в тюрьму даже, везде будет мне если не веселее, то спокойнее, менее того вечного раздражения постоянным нравственным диссонансом, раздирающим меня.

Я мог бы воскликнуть теперь, подобно Вам: «Не правда ли, слова мои похожи на бред?». Но я этого не воскликну, потому что это будет неправда. Слова мои не бред, а печальная истина, а возвращаюсь я к ней потому, что Вы, печаль моя, еще ярче засвечиваете мне мое убийственное одиночество. Я оживаю в Вашем присутствии, Вы это давно заметили; я радуюсь, я восторгаюсь, как ребенок, не знаю, чем бы выразить свою радость, — радость *за другого*, не за себя, радость за Вас. Я Вам не завидую, хотя раз и сказал, что завидую. Я Вас не ревную, хотя Вы меня ревнуете. Нет, чисто, как небо, мое желание Вам всяческого счастья, удовольствия, развлечения. С грустью, правда, но я мысленно разделял Ваше наслаждение созерцанием красоты, к чему Вы готовились, прислушиваюсь мысленно к Вашим душевным разговорам, хотя с Бертой Григорьевной;³ тихое счастье семьи Вашей меня утешает, хотя и горестно, с другой стороны, что я до некоторой степени служу отвлечением от семьи, и соболезнаю, что и Вы, подобно мне, должны испытывать, хотя и далеко не в той степени, недостаток полной духовной гармонии.

Итак, дорогая моя, вот пространство моей любви к Вам, но потому-то мне и жутко; оттого-то мое одиночество и еще мне страшнее. Вчера мы говорили о будущем хорошем времени, когда будем совместно работать на даче; да, точнее сказать, — о будущем сне, для меня собственно. Свидание с Вами, беседа с Вами для меня есть сон или, пожалуй, опьянение; одним словом — состояние, когда человек забывается, искусственно отстраняет <от> себя на несколько часов гнетущие заботы и мысли. У Вас этого нет, и Вам трудно понять меня. Вас влечет ко мне чувство признательности, отчасти хорошее мнение обо мне как о человеке, отчасти соболезнавание. Глубоко благодарен за это, меня это трогает, но, пожалуй, нет ужаснее для меня, что при всей полноте дружбы Вы не можете помочь моему положению, а чем можете помочь и помогаете, это принимает вид эксплуатации с моей

* Частица «бы» вписана между строк позднее.

стороны, мысль о чем поднимает у меня волосы на голове. Мы стоим на противоположных полюсах, как я Вам писал когда-то или говорил, я не помню. Нас разделяет все: и пол, и возраст, и семейное положение, и общественное воспитание, и духовное воспитание, и всё, всё, всё. В дружбе нашей есть какая-то фикция, существа которой я не разбираю еще, но которая, ожидаю я, вот-вот и рассыплется, как карточный домик.

Хотелось бы говорить дальше, но устал. И для чего я Вам всё предшествовавшее выкладывал? Да для того, радость-печаль моя, чтобы Вы вникли в душевное состояние Вашего душевнейшего друга, — да ни для чего, а для того просто, что верю в Вашу дружбу. И для того, наконец, чтобы вы иногда за меня подумали. Как это? — спросите Вы. Я объясню примером. Я Вам читаю свою статью, обращаясь к Вам, и слышу голый похвальный отзыв. Не этого я хочу, друг, а смертельно желалось бы мне, чтобы Вы вдумались, так сказать, подумали моею мыслию, перенеслись в меня, дополнили, может быть, отчасти исправили. Да нет, я не вполне ясно излагаю Вам, да и требую невозможного; хочу, чтобы Вы отчасти были тем для меня, чем я для Вас. Но подумай, Никита Петрович! Она питается, она растет; в этом для нее существо дружбы, — эгоистической до некоторой степени неизбежно. А ты хочешь, чтобы она питала тебя, подкрепляла тебя, приневоливаяешь к тому. Нехорошо.

Да, нехорошо. Прости, мой друг, невольную вспышку своекорыстия. Не буду. Оставляйтесь тем, что есть; все равно, я от этого не отвернусь же от Вас; все равно Вы дороги мне.

Завтра, вероятно, я к Вам заеду, должно быть, часу в двенадцатом, хотя и не знаю на чем. Кучер от меня отошел.

Родная, тяжело мне очень на душе. Если бы Вы были здесь, я бы Вам сказал: «Взгляните-ка на меня». Ведь и этого иногда бывает довольно для меня, чтобы хоть на полчаса подействовать оживляющим образом.

Н. Г.

¹ В 1873 г. Гиляров купил писчебумажную фабрику в с. Брынкове Рузского уезда Московской губ. у штабс-ротмистра Н. И. Шумова за 50 тысяч руб. (15 тысяч внесено наличными, на остальные 35 оформлены векселя) (см. Свидетельство о покупке фабрики от 12 июля 1873 г. и ее Опись: РО ИРЛИ, ф. 71, № 66). Протоиерей П. А. Преображенский отмечал в своем некрологе Гилярову: «...очень неудачным предприятием покойного было приобретение писчебумажной фабрики в Рузском уезде, которая поглотила много средств, а давала лишь убытки и продана за долги» (Православное обозрение. 1887. Т. 3, окт. С. 396). Объяснялось это тем, что неопытного Гилярова, можно сказать, мошеннически склонили к приобретению заведомо убыточной фабрики. Однако, делая эту покупку, увлекшийся Никита Петрович строил планы на будущее братство журналистов и издателей: он надеялся к содержанию фабрики привлечь Н. С. Скворцова, А. С. Суворина, П. И. Бартенева и других знакомых редакторов, чтобы максимально удешевить бумагу и сделать русские газеты независимыми от прихоти капиталиста-барышника. Но никто его не поддержал.

² Ср. рассуждения Гилярова в его мемуарах: «...англичанин уже всем, даже собаке, говорит „вы“, оставляя „ты“ для торжественной речи и для Бога. В русском „ты“ есть язык дружбы и близости, отчасти пренебрежения; в коренном же словоупотреблении оно есть законное обращение ко всем безразлично. <...> Русский язык, применяя „мы“

и „вы“ к отдельному лицу, указывает на семью, род, мир, к которому лицо принадлежит (таково выражение «наш брат»), и первым лицом пользуется в этом смысле чаще, нежели вторым: „мы тебе покажем“, „наше“ или „ваше дело пахать“» (*Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого. Т. 1. С. 232—233*).

³ Лицо неустановленное.

4 апреля <1883 г.>

О, Аня, Аня, родной, дорогой мой птенчик, Вы меня не поняли. Разве я обвиняю Вас в эгоизме? Если так можно было понять мои слова, то я неточно выразился. Сохрани Бог меня думать, чтобы у Вас были эгоистические цели или помышления, но дружба наша все-таки выходит и не может не выходить несколько кособока. Вот что я хотел сказать и сказал в виду своего ужасного одиночества, какового Вы сотую долю не испытываете. Если Вашему сердцу дружескому и уму светлому это не ясно, то не будем об этом лучше говорить.

Я у Вас как на ладони. Ну, да. А Вас-де я не знаю. Разве это не кособокость, родная Вы моя? Вот сами соглашаетесь, уверяя, впрочем, что я будто я <так!> заминаю разговор, когда Вы начинаете раскрывать себя. Я? Ну, и не грешно Вам так бесстыдно лгать? Я заминал разговор! Да Вы спросите себя, когда это случалось, чтобы Вы заводили разговор. Может быть, у Вас и рвалось когда-нибудь что-нибудь наружу, да, по Вашим же словам, язык прилипает, костенеет, и Вы остаетесь в молчании. А это-то и ужасно, что Вы не даете себе простора; во рту и на душе носите какую-то уздечку.

Вам показалось, дружочек мой, что я закидал Вас вопросами, и Вы сбираетесь на них отвечать по частям. Вы слышите сердцем своим, что каждый ответ Ваш мне будет радостью. Но я Вам, друг, вопросов никаких не задавал, а писал Вам просто, чтобы излить свою душу. Ведь Вы это позволяете, это даже советуете. Но Вас я ловлю на Вашем слове: так дайте же мне знать Вас.

Вы задали мне курьезный вопрос: ценю ли я в Вас только даровитое существо или и человека? А сами же говорите, что я человека в Вас не знаю. Ну, да я и не знаю. Но я вижу Ваше сердечное, душевное, дружеское расположение, уверен, что Вы меня любите, и за это уже бесконечно благодарен. И как сказать? Пожалуй, это уже одно знаменует в Вас хорошую человеческую черту.

Ваши думы вечерние тоже невеселые и тоже шли в направлении, в котором и мои. А! Поделитесь же со мной. Но откуда же у Вас быть печальным думам после дня, недурно проведенного? Вас беспокоила встреча дома. Это я понимаю; но это беспокойство уже совсем в другом направлении. Скажите же, откуда и за что у Вас были невеселые мысли.

Хотя я и дал слово, что заеду за Вами, но этого, кажется, не будет и Вы бранить меня не станете. Вы знаете, что должен отправиться с предупреждением Н. Я.¹ Итак, он отправится предупредить, а я отправлюсь за Вами? Тактично ли это будет, дружок? Приехать с Вами — это ничего: но поехать за Вами самому, показать как бы поклонение особе, живущей

в* Харитоньевском² переулке, — это будет кричать. Согласны? Верно? Стало быть, если сеанс будет решен, я за Вами просто пришлю лошадь.

Ваш Н.Г.

¹ Скорее всего, подразумевается постоянный сотрудник «Современных известий» экономист и историк Николай Яковлевич Дубенский (1822—1892), автор научно-популярных статей, печатавшихся в газете.

² Точнее: в Малом Харитоньевском (где жила Гальперсон с семьей, — см. примеч. 2 к п. 1).

74

<6 апреля 1883 г.>¹

Да будет Вам известно, дружочек мой, что я отдал в набор из «Московских ведомостей»** послание Вильгельма Имперскому сейму,² поэтому не трудитесь, голубчик,*** его переводить, если думали. А дать это послание нужно. Может быть, даже я и передовицу по поводу этого напишу.³

Ваше письмо произвело на меня потрясающее действие; если бы вздумали измерить мое сочувствие Вам, усиленное этим письмом, то не достали бы дна. Верите?

После обеда, под влиянием ощущений поездки и чтения, я почувствовал такое утомление, что повалился спать и проспал до десяти часов. И то разбудили. Во сне, и дневном и ночном, Вы мне сопresentствовали неотступно. Ах, Аня, радость и печаль!

Н.Г.

¹ Дата установлена по упоминанию публикации в «Московских ведомостях» послания императора Вильгельма; очевидно, задним числом Гальперсон приписала сверху: «4 апр<еля>», что не может соответствовать действительности. Вильгельм I (Wilhelm I, 1797—1888) — король Пруссии (с 1861 г.) и германский император (кайзер) (с 1871 г.), первый правитель возникшей после объединения страны Германской империи (Второго рейха).

² См. заметку «Германия» под рубрикой «Последняя почта» (Московские ведомости. 1883. 6 апр. № 96. С. 3—4).

³ Послание императора Вильгельма, зачитанное на заседании Рейхстага 14 (2) апр., затрагивало волновавшую Гилярова проблему умиротворения рабочего движения не одними только «полицейскими и охранительными мерами», а тем, чтобы «ввести реформы ко благу рабочих, улучшающие и упрочивающие их положение», для чего в ближайшее время принять «проект закона о страховании от несчастных случаев, дополненный законопроектом об устройстве касс для больных» (Там же. С. 4). Однако передовой статьи по поводу этой речи Вильгельма Гиляров так и не написал.

75

6 апреля <1883 г.>

Я сделал глупость и каюсь. Я воображал, что в «Моск<овских> вед<омостях>» послание императора напечатано целиком, а вижу — только отрывки.¹ Поэтому я беру свою просьбу к Вам назад. Прошу, напротив,

* Далее зачеркнуто: Спирид<оньевском>. Не исключено, что описка вызвана тем, что на Спиридоновке (рядом со Спиридоновским пер.) стоял дом князей Шаховских, где жил ученик (впоследствии биограф и издатель) Гилярова — Н.В. Шаховской.

** Далее зачеркнуто: речь.

*** Далее зачеркнуто: ее.

поискать, нет ли (в «Journal de St.-Petersbourg») — особенно) этого послания целиком или, по крайней мере, в более обширном размере; тогда взять уже откуда. Передовую об этом сегодня уже не буду писать. Утром были хорошие мысли, потом злые люди, один, другой, были у меня и рассеяли все мысли. Придется <так!> обойтись чем-нибудь другим.

Гранку (перепечатку «Моск<овских> вед<омостей>») на всякий случай Вам посылаю.²

Как Вы? Вести об Вас не имею. *Н. Г.*

¹ На деле послание императора Вильгельма приведено в «Московских ведомостях» (см. примеч. 3 к п. 74) почти дословно, однако дважды перебивается комментированным пересказом.

² В своем переводе Гальперсон ориентировалась на публикацию «Московских ведомостей» — многие ее пассажи дословно совпадают с напечатанными там.

76

<1883 г.?>¹

Нет, мой дружок, Вы скорее мало написали, нежели много. Если Вам легче от моей записки, — вот она. Если Вам свободно приехать ко мне, — берите извозчика и поезжайте. Если есть время, помогите прочитать прилагаемую корректуру.

Посылаю к Вам Семена² — кучер отпросился. Жду: или корректуру, или лично Вас, или корректуру обратно.

Письмо мое действительно не вполне Вами понято. Лично, на словах, я Вам поясню. Особенной перемены относительно Вас с моей стороны Вы не бойтесь; если я переменюсь, то не относительно Вас, а относительно себя. Непонятно? Я говорю: на письме объяснять трудно.

Н. Г.

¹ Письма 76—82 — из нумерованной подборки. По своему содержанию и тону они мало чем отличаются от датированных первой третью 1883 г.

² См. примеч. 1 к п. 70.

77

<1883 г.?>

Можно.

Н. Г.

О лошади по обстоятельствам не делаю распоряжения. Прошу отправиться ко мне, не дожидаясь лошади.

78

<1883 г.?>

Радуюсь, что негодная гранка дает мне случай писать Вам. Я отложил прилагаемый кусочек, не понимая его. Скажите, что такое «рефракция»?¹ И вообще, мне непонятно, в чем дело. Потрудитесь выправить и, если возможно, выяснить.

Н. Г.

¹ *Рефакция* (фр. *réfaction* от лат. *factus* — «сделка») — скидка с оптовой цены или с веса товара, проводимая продавцом при заключении торговой сделки — в случае обнаружения несоответствия качества, недостатки товара или его порчи. Гиляров, кроме всего прочего, был принципиально против употребления в русской печати иностранных слов, если последнее не вызвано крайней необходимостью.

79

<1883 г.??>

Посылаю сейчас лошадь за Вами, чтобы Вам можно было вернуться домой к обеду. Не замедлите.

Н. Г.

80

<1883 г.??>

Вы прислали мне гранки из «Temps»¹ и «Кельнской газеты»,² но не объяснили зачем.

День и час выбирайте, какой будет Вам удобнее.

Н. Г.

¹ «Temps» («Время») — парижская газета, издававшаяся с октября 1829 г. с перерывами.

² См. примеч. 4 к п. 3.

81

<1883 г.??>

Я Вами немножко недоволен. При личном свидании напомните мне, пожалуйста, об этом.

82

<1883 г.??>

Посылаю за Вами лошадь. Не можете ли приехать? Нужно переговорить. Перевод прочитан.

Н. Г.

83¹

21 августа <1884 г.>

Ждете от меня записочки, жизнь моя? Вот она, но ничего доброго не скажет она. Поездка моя бесплодна: дома не застал. За бумагу отдать было нечем, и потому печатаем не полный комплект. В довершение сегодня опять торги на типографию.² Говорят, не состоятся; но легко ли?³

Как я живу? И для чего живу? *Н. Г.*

¹ К письму приложен конвертик со штампом: «Москва 22 августа 1884» и адресом: «Даев переулоч, дом Силуяновой. Анне Михайловне Гальперсон».

² Речь идет о продаже с аукциона типографии Гилярова. В 1875—1879 гг. он приобрел в кредит несколько дорогостоящих типографских станков и целую писчебумажную фабрику, что оказалось крайне несвоевременно, поскольку все эти расходы не успели себя оправдать, да и проценты по кредитам оказались для Гилярова непосильными. Его положение становилось все безысходней, так как «Современные известия» не могли конкурировать с возникавшими в то время бульварными изданиями. По его просьбе генерал-губернатор кн. В.А. Долгоруков (не исключено, что именно к нему ездил Гиляров, да «дома не застал») 18 янв. 1884 г. обратился к министру внутренних дел с просьбой посодействовать Гилярову в предоставлении ему кредита на льготных условиях из Государственного банка. В залог шли писчебумажная фабрика и дача в Петровском-Разумовском. Однако в этом спасительном кредите Гилярову было отказано, и вскоре он лишился почти всей своей недвижимости. Романову-Рцы Гиляров писал 13 нояб. 1886 г.: «Да, у меня было состояние свыше двухсот тысяч, и все пошло прахом; имущество распродано с аукциона по 5 к<опеек> за рубль» (Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова. С. 280).

³ Торги тогда действительно не состоялись. В последний раз указание на собственную типографию появилось в № 309 гиляровской газеты от 10 нояб. 1884 г.: «Типография „Современных известий“, Воздвиженка, Ваганьковский пер., дом Флорищевской пустыни» (с. 4). Уже со следующего номера печаталось: «Типография В.В. Чичерина, угол Моховой, д. Карзинкина».

84

<6 (?) апреля 1885 г.>¹

Сейчас получена телеграмма, что «Современные известия» приостановлены на один месяц.

Ваш Н.Г.

¹ Письмо из нумерованной подборки. Датируется по содержанию. «Распоряжение управляющего Министерством внутренних дел» о приостановке газеты, напечатанное многими газетами, гласило: «На основании ст. 56 Прилож<ения> к ст. 4 (примеч.) Уст<ава> ценз<уры>, Св<ода> зак<онов>, т. XIV, по прод<олжению> 1876 года, управляющий Министерством внутренних дел определил: за нарушение в № 88 газеты „Современные известия“ распоряжения, объявленного редакторам бесцензурных повременных изданий 29-го октября 1882 года, приостановить издание этой газеты на один месяц» (Новости и Биржевая газета. 1885. 6 апр. № 95. С. 3). В официальном «Правительственном вестнике» это сообщение появилось днем позже: 7 апр. № 75. С. 1. Благодаря ходатайствам друзей, и прежде всего Т.И. Филиппова (см. письмо Гилярова к нему от 9 апр. 1885 г.: РО ИРЛИ, сигн. 9112, л. 5—5 об.), газета была приостановлена не на месяц, а только на 15 дней: № 93 датируется 7 апр. 1885 г., а № 94 — 23 апр. Корреспонденция «Из Тифлиса», подписанная «К.К.» и ставшая причиной репрессивной меры (датована 19 марта), выделена в газете особым образом, так как занимает весь «фельетонный подвал» первой страницы. В ней рассказывается о неоправданно жестоких, унижающих личное достоинство воспитанников порядках в Тифлисской духовной семинарии, приведших к тому, что доведенный до отчаяния один из семинаристов — заканчивавший курс Сильвестр Джибладзе (в статье он назван Финбладзе) — 12 марта напал на ректора протоиерея П.И. Чудецкого и избил его. Общее сочувствие, по утверждению корреспондента, оказалось тем не менее на стороне Джибладзе, несмотря на его «зверский» поступок. Суть конфликта в том, что у Джибладзе, лежавшего в семинарской больнице с «опасной опухолью на ноге», инспектор нашел какую-то книгу Н.В. Шелгунова и захотел ее изъять. Тот отказался отдать, так как книга была одолжена «на стороне у знакомого». Через неделю, 9 марта, Финбладзе был исключен из семинарии и, как лицо уже постороннее, выброшен на улицу из больницы. Он вырос без отца и был единственной надеждой матери и сестер, бедствовавших в горной деревушке. Вся корреспонденция, таким образом, была проникнута состраданием «к больному сироте,

доведенному до дикой выходки крайнюю бестактность и бессердечием своего начальства...». В статье обнародовались и другие случаи бесчеловечного отношения ректора к своим воспитанникам. Положение усугублялось и «форменной войной», которую вели между собой ректор П. И. Чудецкий и инспектор семинарии Я. С. Степанов и от которой в первую очередь страдали воспитанники.

85

<Между 8 ноября 1885 г. и 27 сентября 1887 г.>¹

Корректуру Театральной хроники я за Вас читаю, а Вы вот что за меня сделайте: перепишите прилагаемое письмо Николаевой;² копия его должна у нас остаться. По снятии копии прикажите опустить его в ящик.

Нашел по возвращении ворох писем.

Ваш Н. Г.

¹ Датируется предположительно — по упомянутой в тексте «Театральной хронике». Первую свою статью под этой рубрикой («Новая пьеса г. Шпажинского» <драматический этюд «Простая история», поставленный в Малом театре>) Гальперсон поместила в № 291 «Современных известий» от 9 нояб. 1885 г. и вела ее вплоть до закрытия газеты (28 сент. 1887 г. в ней была напечатана последняя «Театральная хроника», корректуру которой мог держать Гиляров).

² Возможно, что речь идет о московской общественной деятельнице *Елизавете Ивановне Николаевой*, члене Общества распространения полезных книг, проживавшей в тот период на Поварской (см.: Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы на 1882 год. М., 1882. С. 769).

86

<1885—1887 гг.>¹

Я стою на своем, родная. С<ергей> Ис<акович> имел полное нравственное основание и даже обязанность заступиться за Вас. «Смертельно хотелось высказаться...» Видите, какое основание! Но прежде всего для каждого честного и уважающего свою и чужую свободу вопрос: да желают ли меня слушать? Не причиняю ли я неприятности? А Денисов² был предуведомлен, что слушать его суждения и выслушивать замечания не желают, что его речи только причиняют страдания и притом признаются оскорбительными, ибо касаются лучшего друга. Кажется, ясен нравственный долг. Так нет, опять лезет с учительством, когда его не просят, и вносит расстройство в мир и причиняет страдание лицу, желание которого обязан вдвойне, втройне шадить и уважать.

«Она его любит!»³ Вот возражение, которого от Вас не ожидал! Но и другая *она* другого *его* любит, о чем и было предупреждено. Но прибавлю, что вчера толковал: Вы можете переносить что угодно и давать на себя плевать (хотя, по моему мнению, и для этого есть границы и истинный человек не позволит плевать на то, что в нем святого: христиански можно прощать только личное, а здесь дело не в личном). Но другие, и особенно близкие к Вам, обязаны за Вас вступиться.

Наконец, почему ж не открыть глаза человеку, не сказать прямо, за что его считают? Это есть нравственная трусость — недостаток, а не достоинство. Хвалю я себя, что не возразил Мачтету?⁴ Нет,

я поступил скверно, выказал нравственную дряблость; я обязан был бы сказать, в учтивых, конечно, выражениях, «не вашему рылу судить». Это самое сказал и С<ергей> Ис<акович> Денисову. В этом смысле, по-моему, оказал он даже услугу Вашему Сене. Скажите, что было бы на свете, если бы давать развиваться всем самомнениям, если бы не осаживать? Деликатность Ваша держала Денисова в мнении, что он может быть Вашим учителем. Это есть Ваша вина, и ее должно было исправить. С<ергей> Ис<акович> взялся за это и, по-моему, хорошо сделал; осадил, возбуждая не жалость к Вам (это было бы и несправедливо, и унизительно), а указав сверчку свое место. Боюсь, как бы не последовало с Вашей стороны излишних извинений. Вы *обязаны* были бы объяснить Юлии Михайловне, что по части мыслительной в Ваших глазах Денисов есть ничтожество. Вам говорили подобное о Вашем муже: откровенность за откровенность; надо показать, что для Вас и ее муж — величина еще более ничтожная.

Перехожу к другому предмету, хотя с боязнью. Не поделитесь ли Вы с другим лицом обязанностью Синей книжки?⁵ Ведь Вы не успеете; а есть человек, очень готовый на это и, надеюсь, Вам сочувственный. Ответьте.

*Роджер*⁶

¹ Этим письмом открывается нумерованная подборка писем, датировать которые задним числом затруднилась сама Гальперсон. Наша датировка условная — по упоминанию известного писателя-народника *Григория Александровича Мачтета* (1852—1901), вплоть до осени 1885 г. находившегося в ссылке в Тобольской губернии. Мачтет упоминается как знакомый Гальперсон в одном из писем к ней ее подруги актрисы М. Г. Гай-Надворской (см. РО ИРЛИ, ф. 71, № 42, <№ 9>, л. 1 об.).

² См. примеч. 1 к п. 70.

³ Подразумеваются супруги Денисовы. Юлия Михайловна Денисова (урожд. Эпштейн), сестра Гальперсон, одно время (во второй половине 1870-х гг.) работала в «Современных известиях» корректором.

⁴ О Г. А. Мачтете см. примеч. 1

⁵ О чем идет речь, выяснить не удалось. Возможно, о книге, куда Гальперсон переписывала (перебеляла) какие-то произведения Гилярова.

⁶ Гиляров и Гальперсон в интимной переписке нередко называли друг друга (и, соответственно, самих себя) именами литературных героев. Происхождение подписи *Роджер* (персонаж какого произведения имеется здесь в виду) установить не удалось.

87¹

1885 г. Декабря мес<яца> 15 дня

Анне Михайловне Гальперсон.

Редакция «Современных известий» предлагает Вам следующее.

1. Вы обязываетесь ежедневно прочитывать получаемые редакцией иностранные издания и выбирать из них годное для помещения в «Современных известиях».

2. Ежедневно составляете «Дневное обозрение» по иностранной политике и отдел «Иностранных известий», не запаздывая известиями и основываясь главным образом на иностранных источниках,

но не оставляя без внимания и оригинальные статьи и в русских периодических изданиях.

3. Не отказывается по поручению редактора прочитывать часть рукописных сочинений, поступающих в редакцию; дает отзывы о их литературном достоинстве и в случае нужды подвергаете их переработке для приготовления к печати.

4. Вам предоставляется, с согласия и по указанию редактора, помещать в газете переводы и оригинальные статьи по всем отделам газеты, независимо от статей по иностранной политике, как-то: фельетоны, театральные рецензии, отзывы о выходящих книгах и всякие заметки в отделы «Москва», во «Внутренних» и «Разных известиях».

5. Количество трудов, упоминаемых в предшествующем пункте, не определяется, но «Дневных обозрений» с «Иностранными известиями» в сложности обязательно должно быть приготавливаемо Вами не менее 7500 строк в месяц.

6. Все свои труды, в особенности же «Дневное обозрение» и «Иностранные известия», Вы представляете тщательно перечитанными и выправленными в рукописи.

7. Вы не изъявляете претензии, когда редактор найдет нужным сверх того не править, иль сократить Ваши статьи, иль даже совсем забраковать.

8. Вам полагается по 30 рублей месячного жалованья и, кроме того, построчная плата: 1) за «Дневное обозрение» и «Иностранные известия» по 1 копейке за строку; то же и за всякие переводы; 2) за оригинальные статьи — по 1½ копейки; 3) за компиляции и переработки готового русского текста — по ¼ копейки.

9. Жалованье выдается по последним числам каждого месяца; построчная плата — еженедельно, ввиду чего каждую субботу Вы представляете в контору редакции счет строк Вашего труда, помещенных за минувшую неделю.

10. Неисполнение Вами какой-нибудь из перечисленных выше обязанностей ведет к нарушению настоящего соглашения, давая право редакции установить новые с Вами условия.

Редактор *Н. Гиляров-Платонов*²

¹ Письмо, представляющее собой официальный договор об условиях сотрудничества Гальперсон в «Современных известиях», написано на бланке газеты.

² В конце письма рукой Гальперсон: «Согласна. *Анна Гальперсон*».